

Ольга Симонова

История социологии XX века

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Симонова О.А. История социологии XX века: Избранные темы»: Логос; Москва; 2008
ISBN 978-5-98704-112-3

Аннотация

Изложены основные идеи и понятия, научные проблемы и направления социологических исследований представителей феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорий конфликта Л. Козера и Р. Даренфорда, теорий социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау, психоаналитической концепции К. Хорни, Э. Эриксона, Э. Фромма, леворадикальной социологии Ч. Миллса, неомарксизма Франкфуртской школы. Каждый раздел содержит подробную библиографию, вопросы для самопроверки, ключевые высказывания классиков социологии XX века. Включен словарь терминов. В приложении приведены требования к письменным работам по истории социологии.

Для студентов высших учебных заведений, получающих образование в области социологии, философии, политологии и культурологии. Может использоваться при подготовке кадров социологического профиля в магистратуре и аспирантуре.

О.А. Симонова

История социологии XX века: избранные темы

Учебно-методическое пособие для студентов гуманитарных вузов

Предисловие

Основой для настоящего учебно-методического пособия послужил курс по истории социологии «Классики теоретической социологии XX века», который читается на факультете социологии Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ – ВШЭ). В учебник вошли несколько избранных тем, дополняющих этот курс, – это позволит студентам составить более целостное представление о социологии XX века.

Данный учебник призван помочь студентам лучше подготовиться к семинарским занятиям, повторить пройденный материал перед экзаменом. Авторы не ставили целью всестороннее рассмотрение творчества того или иного социолога. Они стремились обозначить *принципы изучения материала*, дать ответы на отдельные вопросы, сформировать темы, проблемы и направления исследований, характерные для того или иного ученого, раскрыть основные термины, введенные в научный оборот. Каждый раздел книги строится по следующему плану:

1. Краткая характеристика направления социологической мысли, в рамках которого работал тот или иной ученый-социолог.
2. Ключевые слова и термины.
3. Краткие биографические данные: кто есть кто, основные работы и последователи.
4. Основные темы, положения и вопросы для изучения той или иной социологической концепции:

√ что есть социальная реальность с точки зрения того или иного социолога, процессы и явления, входящие в круг его исследования;

√ что такое социология, кто такой социолог (по мнению изучаемых авторов), метод и

методики исследований;

√ что есть человек в изучаемой концепции.

5. Библиография, в методических целях разделенная на первоисточники, критическую и дополнительную литературу.

6. Вопросы для самопроверки.

7. Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков.

Автор надеется, что такое изложение материала позволит студенту не потеряться в бескрайнем море литературы по истории социологии. Формирование менталитета социолога, важного для понимания современного общества, – одна из основных целей социологического образования. Данное пособие поможет студентам овладеть огромным багажом социологических знаний. По замыслу оно должно стать «развивающимся учебником»: учащиеся смогут сами дорабатывать каждую тему, пополнять список цитат и терминов. Издание оснащено словарем терминов и выражений, часто встречающихся в трудах классиков социологии. Это облегчит работу с первоисточниками, изучение которых остается приоритетным. Никакое методическое пособие не может заменить знакомства с оригинальными работами классиков.

Книга содержит также приложение с рекомендациями по написанию письменных работ, в частности эссе и рефератов по курсу истории социологии. Даны рекомендации по оформлению письменных работ: студент узнает, как составить список литературы, использовать литературу, сделать ссылки, написать план, грамотно воспользоваться материалами из Интернета и т.д. Он получит и содержательные рекомендации по написанию работы.

Однако знание правил не означает бездумное их применение. Для получения хороших результатов необходимы творческие усилия, интерес к предмету, прилежание.

1. Неомарксизм Франкфуртской школы. М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе

Франкфуртская школа занимает в истории социологической мысли видное место. Нередко концепции представителей Франкфуртской школы причисляют к социальной философии. Такой подход выходит за рамки социологии: представители этого направления тяготеют скорее к междисциплинарным исследованиям. Тем не менее трудно представить себе историю социологии без работ классиков Франкфуртской школы. Они внесли огромный вклад в развитие этой науки, подвергнув глубокой критике традиционную социологическую теорию. Специфичен язык, которым написаны работы франкфуртцев. Продолжая традиции К. Маркса, они используют яркие выражения, не характерные для академических работ. Франкфуртская школа всегда оставалась независимой от каких бы то ни было политических партий. Организация, которая ассоциируется с критической теорией Франкфуртской школы, – Институт социальных исследований (Institut für Sozialforschung) – основана во Франкфурте (Германия) 23 февраля 1923 года. К Франкфуртской школе в разное время примыкали М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин, Л. Левенталь, Ф. Вайль, К.А. Виттфогель, Ф. Поллок, К. Корш, Х. Арндт. Последователями франкфуртцев можно считать Ч.Р. Миллса в американской социологии и Ю. Хабермаса в немецкой. В данном курсе изучаются воззрения самых ярких представителей школы: М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, а также Э. Фромма.

Ключевые слова и термины : неомарксизм, просвещение, отчуждение, овеществление, формальная рационализация, фашизация, «одномерный человек», критическая теория, традиционная теория, «имманентная критика», негативная диалектика, диахронический и синхронический методы изучения социальной реальности, «критически мыслящая интеллигенция», социальный характер, авторитарная личность, фашистский индивид, антисемитизм, F-шкала.

Основные представители

Хоркхаймер Макс (Horkheimer) (1895–1973) – один из лидеров Франкфуртской школы, соавтор «Диалектики просвещения» (1947). В 1930 году он становится директором Института социальных исследований при Франкфуртском университете, а также издателем «Журнала социальных исследований» (1931–1941). В годы директорства Хоркхаймера вышла коллективная работа Института социальных исследований «Исследования об авторитете и семье» (1936). Затем Институт стал жертвой нацистского режима. В эмиграции М. Хоркхаймер разработал принципы критической теории. Вместе с Ф. Поллоком и Т. Адорно в 1950 году они восстановили Институт социальных исследований во Франкфурте. С 1951 по 1953 годы Хоркхаймер был ректором Франкфуртского университета, затем – приглашенным профессором Чикагского университета. В 1966 году переехал в Швейцарию. В последнее десятилетие своей жизни Хоркхаймер писал менее радикальные работы, проявлял интерес к религии. Влияние его идей особенно ощутимо в работах Ю. Хабермаса.

Основные работы

- (1937): «Традиционная и критическая теория»;
- (1947): «Помрачение разума»;
- (1947): «Диалектика просвещения» (в соавторстве с Т. Адорно);
- (1978): «Заря и упадок» (сборник афоризмов).

Адорно Теодор Визенгрунд (Adorno) (1903–1969) – немецкий социолог и социальный философ, один из ведущих представителей Франкфуртской школы, сотрудник и впоследствии руководитель Франкфуртского института социальных исследований. Официально стал членом Института в 1938 году. В 1947 году выходит знаменитая «Диалектика просвещения», его первая большая работа, написанная совместно с М. Хоркхаймером. Продолжая тему «Диалектики просвещения», Адорно публикует работу «Философия новой музыки» (1949), представляющую собой критический социально-философский анализ современных ему западных музыкальных направлений. По его мнению, эта сфера также демонстрирует отчуждение человека в капиталистическом обществе. После окончания Второй мировой войны Адорно становится руководителем проекта «Авторитарная личность». Проект посвящен изучению источников авторитаризма и антисемитизма, осуществляемого в Западной Германии и США (1950), базой его являются крупные эмпирические исследования. Эти исследования имели необычайно широкий резонанс и в политических кругах, и в широком общественном мнении, а выпущенная на их основе коллективная монография переведена почти на все европейские языки.

Т. Адорно – главный теоретик франкфуртцев в области культуры, особенно музыкальной, а также эстетики. Его анализ музыки вышел далеко за рамки критики ее идеологического содержания. С 1959 года Адорно становится содиректором Института социальных исследований во Франкфурте, в 1964 году избирается председателем Германского социологического общества. В этот период вышла широко известная работа «Негативная диалектика» (1966), где Адорно критически пересматривает традиционные понятия и категории диалектики, которые, по его мнению, являются выражением отчуждения теоретического сознания в условиях эксплуататорских обществ. До конца жизни философ активно участвовал в интеллектуальной жизни Германии, занимался теорией искусства. Заметным событием в духовной жизни Западной Европы стал «Позитивистский диспут», в котором приняли участие Теодор Адорно и Карл Поппер, Юрген Хабермас и Карл Альберт.

Основные работы

- (1949): «Философия новой музыки»;
- (1952): «О современном состоянии эмпирического социального исследования»;
- (1956): «Штудии о Гуссерле и феноменологических антиномиях»;
- (1957): «Социология и эмпирическое исследование»;
- (1962): «Введение в музыковедение»;
- (1966): «Негативная диалектика»;
- (1969): «Позитивистское течение в немецкой социологии».

Маркузе Герберт (Marcuse) (1898–1979) – социолог и философ, интеллектуальный лидер «новых левых» в США и большей части Европы. Учился во Фрайбурге под руководством М. Хайдеггера. В 1933 году присоединился к Институту социальных исследований во Франкфурте, затем эмигрировал в США и с 1934 года жил в Нью-Йорке. Г. Маркузе внес ощутимый вклад в развитие критической теории. Долгие годы он преподавал в американских университетах, оказал значительное интеллектуальное влияние на политическую жизнь в США. Как и другие представители Франкфуртской школы, Маркузе занимался развитием идей психоанализа, обогащая его политико-экономическим содержанием, развивал тезис о том, что социальная структура отражена в структурах человеческого характера. Маркузе считал, что освобождение человека и общества возможно через свободный эротизм и развитие принципов свободной игры (инстинкта игры). Книга «Эрос и цивилизация» принесла философу славу радикального фрейдиста. В работе «Одномерный человек» развивались основные положения «Диалектики просвещения». Здесь Маркузе проанализировал понятие «ложного сознания» в массовом обществе. В целом можно сказать, что Маркузе развил марксистскую теорию общества, разработав культурные и эстетические темы.

Основные работы

- (1928): «К феноменологии исторического материализма»;
- (1929): «О конкретной философии»;
- (1932): «Новые источники к обоснованию исторического материализма. Интерпретация впервые опубликованных рукописей К. Маркса»;
- (1932): «Гегелевская онтология и обоснование теории историчности»;
- (1939): «Трансцендентальный марксизм»;
- (1941): «Разум и революция. Гегель и подъем социальной теории»;
- (1955): «Эрос и цивилизация»;
- (1958): «Советский марксизм»;
- (1968): «Одномерный человек: исследования идеологии развитого индустриального общества»;
- (1970): «Эссе об освобождении: психоанализ, политика и утопия»;
- (1972): «Контрреволюция и восстание».

Эрих Фромм (Fromm) (1900–1980) большинством специалистов отнесен к Франкфуртской школе, что является вполне правомерным. Правда, Э. Фромм занимал особое положение во Франкфуртской школе, поскольку не считал себя связанным ее «институциональными» рамками. Это становилось все более очевидным в ходе его идейной эволюции. Э. Фромм оказывается вполне самостоятельным мыслителем, развивая в основном идеи З. Фрейда. Это дает нам основание рассматривать его как представителя неофрейдизма и отнести к теме «Психоаналитическая ориентация в социологии». Тем не менее проект Франкфуртской школы «Авторитарная личность» был основан на концепции «авторитарного характера», разработанной именно Фроммом. В работах Фромма последовательно воплощен подход к описанию общества, выдвинутый франкфуртцами: критика капиталистического

общества, исследование и разоблачение фашизма и др. Э. Фромм был увлечен идеями К. Маркса, занимался разработкой позитивной программы преобразования буржуазного общества, исследованием социального характера, индивидуальной и социальной психотерапией. В своих исканиях он приблизился к основным положениям экзистенциальной философии.

К последователям франкфуртцев можно отнести Ю. Хабермаса.

Хабермас Юрген (Habermas) (род. 1929) – немецкий социальный философ и социолог, идеолог «новых левых». Испытал огромное влияние идей Т. Адорно и М. Хоркхаймера. С 1956 по 1959 год работал ассистентом у Теодора Адорно в Институте социальных исследований во Франкфурте. С 1964 года является профессором университета во Франкфурте-на-Майне, руководителем кафедры философии и социологии, с 1970 года – содиректором Института по исследованию условий жизни научно-технического мира в Штарнберге. Ведущая тема социальной философии Хабермаса – проблема активной, «политически функционирующей» общественности, обострившаяся на Западе в середине XX века в связи с новым этапом развития капиталистического общества. Он также интересовался проблемой межчеловеческого взаимодействия, в особенности вопросами об отличии «истинной» коммуникации от «ложной», предлагая собственную интерпретацию социальной коммуникации – теорию коммуникативного действия.

Основные работы

- (1962): «Структура общественного мнения» (диссертация);
- (1968): «Знание и человеческие интересы»;
- (1969): «Движение протеста и реформа высшей школы»;
- (1970): «К рациональному обществу»;
- (1973): «Кризис легитимности»;
- (1974): «Теория и практика»;
- (1979): «Коммуникация и эволюция общества»;
- (1984, 1988): «Теория коммуникативного действия» (в 2-х томах);
- (1989): «Структурное преобразование публичной сферы»;
- (1990): «О логике социального обеспечения».

Основные темы, положения и вопросы для изучения концепций франкфуртской школы

Теории представителей Франкфуртской школы часто называют «неомарксизмом». *Что такое неомарксизм?* Можно сказать, что ученые, создавшие Институт социальных исследований во Франкфурте, предложили гуманистическую и открытую версию марксизма, неомарксистскую теорию истории и социологии. Основные источники их творчества: философия и политэкономия К. Маркса, психоанализ З. Фрейда, идеи К. Мангейма, социологические идеи М. Вебера и др. Франкфуртцы обогатили собственно философские и психологические понятия политэкономическим и общесоциологическим содержанием. Важным вкладом Франкфуртской школы в теоретическую социологию является критика марксистской теории, попытка обогатить ее психологическим содержанием, представлениями о личности современного человека.

Источники творчества представителей франкфуртской школы

У К. Маркса франкфуртцы взяли основное методологическое «оружие» – критику

современного общества, идеологий, оправдывающих власть и господство. Понятие «ложного сознания» как результата определенных общественных отношений и диалектика, которую К. Маркс наполнил общесоциологическим и историко-политическим содержанием, берутся на вооружение всеми теоретиками Франкфуртской школы. Понятие *отчуждения* К. Маркса было адаптировано ими к критике современного общества.

Отчуждение – одна из важных методологических категорий К. Маркса:

√ отчуждение создается в процессе принудительного труда;

√ отчуждается родовая сущность человека, превращаясь в чуждую ему сущность; человек отчуждается от других людей и от самого себя;

√ преодоление отчуждения возможно только через освобождение труда.

Теоретиками Франкфуртской школы использовались следующие идеи З. Фрейда:

√ представление о структуре человеческой психики;

√ некоторые положения психопатологии, позволяющие обрисовать негативное влияние современного общества на человека и трудности на пути развития революционного сознания;

√ представление о возможностях психического освобождения.

Теорию формальной рациональности М. Вебера также можно считать одним из интеллектуальных источников работ Франкфуртской школы. Теория включает следующие положения:

√ одним из основных процессов современного общества является *процесс рационализации социального действия* – вытеснения ценностно-рационального, традиционного и аффективного действия;

√ рациональность выступает как самоцель – это *судьба западной цивилизации* и путь всемирно-исторического процесса;

√ *развитие науки* представляет собой чистое воплощение принципа рациональности;

√ основными механизмами процесса рационализации являются *формализация и калькулируемость*;

√ *способы ведения хозяйства, управление во всех сферах социальной жизни, образ мышления людей* рационализируются;

√ *роль религии и церкви* в жизни общества уменьшается («расколдование мира»).

Основные идеи теоретиков франкфуртской школы

Теория «порочной цивилизации». В «Диалектике просвещения» история предстает как процесс нарастающего отчуждения, достигающего своего максимума в эпоху «позднего капитализма».

Центр внимания теоретиков Франкфуртской школы – современное им капиталистическое общество. Система господства, созданная в таком обществе, признается глубоко порочной и губительной для человеческой личности. Господство социальных и культурных структур над людьми является, с точки зрения авторов, результатом особого пути исторического развития, не характерного для всего человечества. Самое печальное, по мнению франкфуртцев, – то, что люди в большинстве своем не понимают и не чувствуют болезней современного общества, в котором живут.

Понятия рациональной тотальности и рационализации как основы *«просвещения»*. Просвещение как рациональное овладение природой включает:

√ расщепление изначальной целостности природы на субъект и объект;

√ разделение социальных отношений на отношения господства и подчинения;

√ саморасщепление индивида: подавление чувственных переживаний абстрактными представлениями о себе.

В результате этих процессов происходит полное отчуждение человека от природы,

общества, других людей и самого себя.

Рациональность и разум в концепциях теоретиков франкфуртской школы

Под *рациональностью* здесь имеется в виду процесс рационализации и формализации, характерный для западной цивилизации и понятый в веберовском духе. Под разумом – позитивная рациональность, гуманистическая разумность, изначально присущая человеческой цивилизации, принципами которой надо руководствоваться, чтобы противостоять негативным тенденциям технократической капиталистической культуры. Формальная рациональность выступает как апогей развития технократического мышления.

Представления об *«иррациональности» рационального мира*. Существующий мир иррационален, поскольку чужд реальным потребностям людей (например, потребности в самореализации), их способностям. Парадоксальным образом рационализация оборачивается «неразумностью», иррациональным и пассивным признанием существующего порядка вещей. Нацизм является примером торжества формальной рациональности в современном мире.

Категории *«овеществление»* и *«фетишизация»*. *Отчуждение и овеществление как основные черты и механизмы западной цивилизации. Роковая антиномия современного человека*: обретение власти над самим собой, своими взаимоотношениями и окружающим миром с необходимостью оплачивается прогрессирующим отчуждением от всего того, *над чем и над кем* обретается власть. За господство приходится платить не просто отчуждением человека от поработанных им объектов: с овеществлением духа «заколдованными» становятся отношения самих людей и даже отношение к себе. Мир расщепляется, мир противостоит человеку, и «расколотый» человек становится врагом самому себе. Люди безвольно признают существующую систему господства, поскольку она глубоко укоренена в истории западной цивилизации, а также потому, что система господства захватывает все сферы жизнедеятельности человека: она налицо не только в сфере экономики, но и в сфере культуры, она овладевает сознанием человека, полностью подчиняет его себе и подавляет его личность.

Почему работа М. Хоркхаймера и Т. Адорно называется «Диалектика просвещения»? Просвещение тоталитарно, это формальная рациональность, основной его инструмент – абстракция, абстрактное мышление. Капитализм обречен, развитие западноевропейской цивилизации рассматривается как рост социального безумия, утрата свободы, фашизация общества. «Поздний капитализм» рождает новые формы отчуждения. Технология подавляет индивидуальность, внутреннюю свободу личности, она используется в целях поддержания и развития отношений господства. Отсюда, *современное общество* – это «организованное общество», где процветает господство человека над человеком, отчуждение человека от человека. Такое общество – утилитарно, формально рационально и атомизировано, а также идеологизировано, что практически исключает возможность революционного протеста. Просвещение, бывшее результатом лучших человеческих побуждений, оборачивается «тотальным врагом» для современного человека. Неся рационализацию всех сфер человеческой жизнедеятельности, просвещение оборачивается системой господства, поддерживаемой большинством людей совершенно иррационально.

Г. Маркузе писал о том, что современные технологии превращают сегодняшнее общество в тоталитарное, поскольку используются для изобретения и внедрения более эффективных, обманчиво «приятных» методов социального контроля над индивидами (примером может служить телевидение). Таким образом, технологии стоят на службе у системы господства, «отупляют» людей, подавляют их индивидуальность и критическое мышление, их внутреннюю свободу. Поэтому Маркузе называет современное общество «одномерным».

Главный тезис критической теории Франкфуртской школы: существует подлинная человеческая природа, загнанная просвещением в бессознательное. Человек в просвещенном мире – это псевдоиндивидуальность, случайный носитель всеобщих требований социума,

отождествляющий себя со стереотипами шкалы ценностей, социальными нормами. Человек – «анонимный функционер», узел конвенциональных реакций и объективно ожидаемых способов функционирования. Человек в таком обществе – вещь, статистический элемент, оцениваемый в категориях «успеха» или «неудачи». Такие люди образуют псевдоколлективы, конгломераты псевдоиндивидуальностей и анонимов; сила коллектива становится инстанцией насилия. Кроме того, современная идеология, порождаемая социальной элитой, представляет собой систему идей, которая сбивает с толку людей, возвеличивает существующий социальный порядок.

Основные идеи «критической теории общества». Противопоставление «критической» и «традиционной» теорий общества. Критика традиционной социальной теории. Противопоставление субъекта и объекта – основной порок и основная черта традиционной теории. Поэтому необходимо преодолеть этот разрыв с помощью построения критической теории общества.

Критика позитивизма. Франкфуртцы не принимали позитивизм главным образом потому, что считали невозможным вынести человеческие ценности за рамки научного исследования. А также потому, что позитивизм претендует на бытие единственным эталоном достоверности и точности для всех научных дисциплин. По мнению мыслителей Франкфуртской школы, необходимо сфокусировать свое внимание, прежде всего на человеческой деятельности, ее воздействии на социальные структуры. Позитивизм способствует:

- невниманию к роли действующих субъектов;
- овеществлению социального мира (абсолютизации фактов);
- математизации мышления;
- идеологическому консерватизму (он не в состоянии бросить вызов существующей системе, а зачастую и поддерживает существующий социальный порядок);
- пассивности индивида и социального ученого.

Главный метод критической теории и науки – *«имманентная критика»*, негативизм, берущие свое начало в философии Гегеля и молодого Маркса.

Задачи критической теории:

- √ раскрытие природы общества;
- √ преодоление разрыва субъекта и объекта;
- √ фокусирование внимания на человеческой деятельности;
- √ разоблачение традиционного социального познания для того, чтобы вернуться к истинной природе человека;
- √ критическое отношение к миру данного, наличного, что позволит релятивизировать фактичность социального мира. Нужно не улучшать существующее, а критиковать его в целом: подвергать критической рефлексии категории «лучшего», «полезного», «целесообразного» как идеологически обусловленные.

Негативная диалектика Т. Адорно – особая установка исследователя на критическое осмысление диалектики: категории гегелевской диалектики переосмысляются с позиций общественно-экономической деятельности, приобретают политэкономическое и социологическое содержание.

Социология и социолог в мире «проклятого» буржуазного общества

Критика социологического разума. Главный пункт критики франкфуртцев – разобщение теории и практики в современной социологии. *Сциентизм* рассматривается как один из пороков социологии, поскольку превращает научный метод в самоцель. Сциентизм далек от критики современного общества, не помогает «угнетенным» людям, игнорирует личность как ценность. Социологи сконцентрированы на обществе в целом, а не на конкретных

личностях. Поэтому социология, возникшая в буржуазном обществе, не способна выйти за пределы современного социального порядка, не может найти способов, которые привели бы людей к справедливому и гуманному обществу.

Адорно критиковал социологический позитивизм и категорически отвергал разделение индивида и общества, характерное для позитивистской социологии. Отдельный социальный феномен невозможно понять вне целого (истории и общества). Поэтому Т. Адорно предлагал использовать *диахронический и синхронический методы рассмотрения и изучения социальной реальности*: т.е. взгляд на общество как на взаимодействие составляющих его частей – и рассмотрение его же с точки зрения генезиса и прогноза на будущее.

Критика современного эмпирического социального исследования с позиций Франкфуртской школы. В современных им социологических исследованиях:

- √ происходит «удвоение фактичности»;
- √ господствует идеология буржуазного общества (научная генерализация расценивается ими как апологетика капитализма);
- √ осуществляется манипуляция людьми;
- √ осуществляется функция поддержания существующего социального порядка;
- √ абсолютизируются результаты количественного анализа.

Франкфуртцы не выступали против эмпирического социального исследования как такового. Социология, по мнению теоретиков Франкфуртской школы, в корне отличается от естественных наук, так как исключает конструирование объективных закономерностей. Социолог должен погружаться в общество, субъект-объектную реальность или «тотальность», а не дистанцироваться от нее. Методы исследования должны проверяться не методологическим идеалом, а «самой сутью дела». Социолог не должен отрекаться от собственной субъективности, он неизбежно «партиен». Познание общества – это одновременно орудие его изменения. *Главная цель социологии*, таким образом, – объединить теорию и практику, восстановить отношения между ними для их взаимного обогащения.

Эстетическая альтернатива отчуждению и рациональности

Элитарные формы культуры. Роль социологии искусства и культуры в трактовке социальных процессов в целом. Апология авангарда в искусстве. Франкфуртцы (особенно Т. Адорно и Г. Маркузе) считали, что именно *через искусство возможно частичное освобождение от буржуазного общества*. Однако и в эту область вторгается рационализация, и здесь устанавливается система господства, характерная для западной цивилизации. Т. Адорно писал о музыке как о голосе человеческой личности, раздавленной капиталистическим отчуждением. Искусство авангарда, особенно авангардная музыка, по мнению Т. Адорно, помогает выразить протест против современного общества: организованное отсутствие смысла в музыке опровергает смысл организованного общества. Искусство авангарда помогает разоблачить современное общество, разрушить устоявшиеся типы мышления, освободить человека.

Где истина?

Истинный путь познания – преодоление фактов во имя Иного. Идеал – полное человеческое существование в единстве с природой, свободное развертывание телесно-природной и духовной сущности человека. Здесь обнаруживается сходство с идеалами К. Маркса о духовном и телесном самосовершенствовании человека, о построении нового общества, в котором люди будут находиться в гармонии с самими собой и друг с другом. Подлинное искусство выражает истину человеческого существования в гармоничном единстве человека с природой.

Франкфуртцы говорили о протесте против современного общества во имя появления «радикально иного», отменяющего предыдущее развитие человечества. Истинная природа буржуазного общества открывается группам интеллектуалов, безжалостно подавляемым авторитарными режимами, а также маргинальным группам. Эта категория людей, выбрасываемых за борт западной цивилизацией, является основным человеческим ресурсом радикальных перемен; это жители «третьего мира», не вовлеченные в процесс модернизации и Просвещения: радикально настроенные интеллектуалы, наркоманы, представители сексуальных меньшинств, инфантильная и нетрудоспособная молодежь, безработные и преступники. М. Хоркхаймер возлагал все надежды на *«критически мыслящую интеллигенцию»*, которая одновременно социально обусловлена и свободна от этой обусловленности в силу своей способности к критической рефлексии.

Авторитарная личность. Основные характеристики исследования

Т. Адорно был руководителем исследовательского коллектива, ответственным редактором коллективной монографии, в которой зафиксированы результаты проекта. Коллектив составили социальные психологи: Р. Невитт Сэнфорд, Дэниэл Дж. Левинсон, Эльза Френкель-Брюнстик. Теоретическую основу проекта разрабатывал Т. Адорно, опираясь на идеи «Диалектики просвещения», а также понятие «авторитарного характера», разработанное Э. Фроммом. Проект кроме того невозможно понять, не зная основ психоанализа З. Фрейда (таких понятий, как «бессознательное», «амбивалентность психики», «навязчивые состояния», «проекция», «вытеснение», «рационализация», «агрессия»). *Авторитарная личность* – основа всех тоталитарных режимов. Это тип социального характера, основная черта которого – самоидентификация с авторитетом и утверждение через эту идентификацию своей силы и привилегированности. Это человек, который, по словам Э. Фромма, «бежит от свободы», отказывается от своей независимости, стремится слить свое Я с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую ему самому.

В целом данный проект был попыткой осуществить одну из основных целей «критической теории общества». А именно: сосредоточиться на самом человеке, его мыслях, деятельности, понять, как социальное бытие человека воздействует на политический порядок, на успех или неуспех определенных идеологий; попытаться найти хотя бы некоторые способы освобождения человека от всего того, что навязывается ему существующей системой господства.

Основная цель проекта : описание «нового антропологического типа» – авторитарного характера.

Прагматический смысл : наука должна стать орудием борьбы против потенциальной угрозы фашистского мышления.

Задача исследования : установление соответствия между глубинной психологической динамикой личности и ее «поверхностными чертами» (например, предрассудками).

Основная идея : уловить связь между социальной средой и идеологическими чертами человека.

Основная гипотеза : убеждения индивида отражают определенный образ мышления, который является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера.

Личность понималась здесь скорее как диспозиция, потенциальная готовность к действию, нежели как актуальное поведение, а *социальный характер* рассматривался как особая устойчивая организация потребностей в конкретном культурном климате и как детерминанта идеологических предпочтений.

Потенциально фашистский индивид – основной предмет данного исследования. Это индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде.

Антисемитизм как одна из основных черт авторитарной личности в большей степени базируется на субъективных факторах и социальной ситуации, в которой находится антисемит,

чем на подлинных свойствах евреев, и детерминацию антисемитской установки следует искать прежде всего в личности носителя. *Гипотезы в связи с этим:* антисемитизм – не изолированное явление, а часть идеологической системы; восприимчивость индивидов к таким идеологиям зависит в первую очередь от их психологических потребностей.

Основные вопросы, поставленные исследователями в рамках проекта «Авторитарная личность»:

√ как возникает антидемократический способ мышления?

√ какие личностные факторы структурируют такое мышление?

√ насколько широко авторитарные индивиды («фашизоидные» личности) распространены в исследуемом обществе?

√ как получается, что одни воспринимают фашистские идеи, а другие – нет?

Методика исследования – измерение определенного множества мыслительных содержаний в группах испытуемых (интервьюируемых), а затем определение с помощью стандартизированных статистических методов того, как эти мыслительные содержания соотносятся друг с другом. Используемые шкалы качественно оценивают черты авторитаризма: *антисемитизм, этноцентризм, политико-экономический консерватизм*. На основе этих шкал построена *шкала фашизма – F-шкала* как непосредственно измеряющая «фашизоидность» (склонность к фашизму) в личности. Вопросники, использованные в этом исследовании, по мнению ученых, – не просто инструмент для сбора данных, а «клапаны» для «выхода наружу» глубоко лежащих личностных установок, спонтанно выражающих фашистские идеи или испытывающих их влияние.

F-шкала включает девять базовых личностных переменных:

√ *традиционность* (сильная привязанность к ценностям своего сословия или класса);

√ *авторитаризм* (некритическое подчинение авторитетам собственной группы);

√ *авторитарная агрессия* (стремление выискивать людей, не уважающих ценности и традиции для того, чтобы осудить и наказать их);

√ *анти-интрацепция* (неприятие фантазии и эмоциональной чувствительности);

√ *суеверность и стереотипность мышления* (склонность к мышлению в жестких категориях и мистическая вера в судьбу);

√ *силовое мышление и культ силы* (мышление в категориях господство – подчинение, сильный – слабый, вожьд – последователи, идентификация с образами, воплощающими силу, демонстрация силы);

√ *деструктивность и цинизм* (общая враждебность);

√ *проективность* (предрасположенность к вере в мрачные и опасные события, проекция собственных неосознанных импульсов на внешний мир);

√ *сексуальная озабоченность* (чрезмерный интерес к сексуальным вопросам («происшествиям»)).

Синдромы личностей с предубеждениями (потенциально фашистских индивидов): общее – стереотипность мышления, антисемитизм и расизм:

√ *синдром поверхностной зависти* (*основная черта* – страх перед социальной конкуренцией, *основная группа или категория* – мелкие торговцы, чернокожие);

√ *конвенциональный или конформистский синдром* (*основная черта* – мышление в категориях «своих» и «чужих»; *основная группа* – высшие и средние слои общества);

√ *авторитарный синдром* (*основная черта* – слепая вера в авторитет, агрессия по отношению к слабым; *основная группа* – низший средний класс);

√ *бунтовщик и психопат* (*основная черта* – слепая ненависть к авторитету и бессознательное восхищение им; *основная группа* – безработные, люди опасных профессий);

√ *фантазер или чудак* (*основная черта* – создают псевдореальность с помощью коллектива; *основная группа* – старики и пенсионеры);

√ *манипулятивный синдром, или «функционер»* (отсутствие эмоциональных связей,

сверхреализм; *основная группа* – инженеры, менеджеры, бизнесмены).

Надо добавить, что исследователей интересовали и личности, свободные от предрассудков. В своей работе они представили также примерную типологию индивидов без предрассудков, которые, по мысли ученых, не склонны к фашизму. Один из основных выводов исследования: лица, наиболее восприимчивые к фашистской пропаганде, имеют общие характерные особенности, складывающиеся в единый синдром. Лица, отвергающие фашизм, в большей мере отличаются друг от друга.

Синдромы личностей, свободных от предрассудков (такие синдромы являются менее «типизированными» и схематичными, однако в основном это личности, которые, несмотря на отсутствие предрассудков, не могут все же активно выступить против существующей системы господства, являются политически пассивными):

- *«закостенелый»*: отсутствие предрассудков здесь является случайным, не базируется на определенном опыте, не вписано в структуру характера, а выводится из внешних идеологических форм (чаще всего – борьба за права меньшинств); *социальная категория* – молодые «прогрессивные» люди, особенно студенты;

- *«протестующий»*: такой человек целиком руководствуется своей совестью, независимой от внешних законов, по чисто моральным причинам протестует против социального гнета или экстремальных предрассудков, таких как расовые; *социальная категория* – выходцы из среднего сословия, пережившие тяжелые семейные конфликты;

- *«импульсивный»*: личность, относительно свободная от деструктивных импульсов, склонная симпатизировать всем, кого считает угнетенными; *социальная категория* – лица с «асоциальными» характерами (такие как воры, проститутки, некоторые психопаты, а также актеры);

- *«непринужденный»*: характеризуется крайним нежеланием принимать какие-либо решения, пацифистской установкой в жизни, неагрессивностью, такие люди хорошо относятся к женщинам и признают их власть; *социальная категория* – выходцы из нижнего уровня среднего сословия;

- *«врожденный либерал»*: характеризуется открытостью, особенно ценит автономию и независимость личности, эмоциональность («гражданский кураж» – острая реакция на несправедливость), эстетические интересы; неэгоистичен, *социальную категорию* здесь выявить чрезвычайно трудно.

Библиография

Первоисточники

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения / Пер. М. Кузнецова). – М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

Адорно Т., Невитт Сэнфорд Р., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д.Дж. Исследование авторитарной личности / Под ред. В.П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, Академия исследования культуры, 2001.

Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75–85.

Адорно Т. Избранное: Социология музыки. – М.; СПб., 1998.

Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – К., 1995.

Критическая литература и учебники

Современная западная социология. Словарь. – М.: Политиздат, 1990.

- Баталов Э.Я.* Философия бунта. – М., 1979.
- Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М., 1977.
- Давыдов Ю.Н.* Социальная философия Франкфуртской школы. – М. 1978.
- Дмитриев А.Н.* «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования. 1993. № 3.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. – М.; СПб.; Н. Новгород и др., 2002. С. 82–83, 161–214.
- Юдин А.А.* Парадоксы Великого Отказа // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – К., 1995.
- История теоретической социологии. Т. 2 / Под ред. В.Н. Фомина. – М., 1998. С. 512–542.
- История теоретической социологии. Т. 3 / Под ред. И.Ф. Девятко. С. 407–424.
- История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 1993. С. 310–329.

Дополнительная литература

- Дмитриев А.Н.* Опыт сотрудничества П. Лазарсфельда и Т. Адорно в исследовании массовой коммуникации // Социологический журнал. 1997. № 3.
- Миллс Ч.Р.* Властвующая элита. – М., 1959.
- Монсон П.* Юрген Хабермас и современность // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб., 1992. С. 307–345.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.
- Хабермас Ю.* Модерное сознание времени и его потребность в самоуверенности // Философские науки. 1997. № 2, 3, 4.
- Хабермас Ю.* Формальная и эмпирическая прагматика // Современная зарубежная социология (70–80-е гг.). – М., 1993.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого. – М., 2001.
- Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. – М., 2003. – Т. 5. № 1/2. С. 254–263.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Каковы « пороки » традиционной социальной теории и, в частности, социологии с позиции М. Хоркхаймера и Т. Адорно?
2. Каковы задачи критической социальной теории?
3. Что такое « просвещение » в понимании представителей Франкфуртской школы?
4. Назовите основной методологический принцип построения теории общества, предлагаемый учеными Франкфуртской школы.
5. Каким становится человек в результате распространения просвещения?
6. Какие понятия заимствовали франкфуртцы у К. Маркса? У М. Вебера? У З. Фрейда?
7. Раскройте понятие отчуждения в свете идей Франкфуртской школы. Что нового внесли франкфуртцы в это понятие?
8. Какие люди не подверглись отчуждению и могут противостоять негативным процессам просвещения?
9. Есть ли у М. Хоркхаймера и Т. Адорно позитивная программа преобразования « большого общества »?
10. Если Т. Адорно и М. Хоркхаймер критиковали позитивистскую социологию и эмпирические исследования, проводимые позитивистами, то как стал возможен проект « Авторитарная личность »? Опишите основную методику исследования, примененную в этом

проекте.

11. Оцените значение концепции «авторитарного характера» Э. Фромма для эмпирических исследований, проведенных под руководством Т. Адорно. Как изменилось это понятие внутри самого исследования? Перечислите основные черты авторитарной личности.

12. Какие идеи психоанализа были использованы при построении теоретического фундамента исследовательского проекта «Авторитарная личность»?

13. Как участники проекта понимали антисемитизм?

14. Как была построена F-шкала?

15. Каковы результаты исследований американского общества в рамках проекта «Авторитарная личность»?

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«Путь человека к науке Нового времени пролегает через отречение от смысла» (*Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. – М., 1997. С. 18).

«Миф превращается в просвещение, а природа – всего лишь в объективность. Усиление своей власти люди оплачивают ценой отчуждения от всего того, на что их власть распространяется» (Там же. С. 22).

«Дистанцированность субъекта от объекта, предпосылка абстракции, имеет своим основанием ту дистанцию к вещи, которая приобретает господином посредством подданного» (Там же. С. 27).

«Всеобщность мысли, как ее развивает дискурсивная логика, господство в сфере понятия выстраиваются на фундаменте господства в действительности» (Там же. С. 28).

«Дедуктивной формой науки... отображаются иерархия и принуждение. Подобно тому, как первыми категориями репрезентировался организованный род и его власть над его членами, логический порядок в целом, правила взаимозависимости, объем и смычка понятий основываются на соответствующих отношениях социальной действительности, на разделении труда» (Там же. С. 36).

«Мир как гигантское аналитическое суждение, единственное, что еще остается от всех грез науки, есть явление, сходное с космическим мифом, связывающим смену весны и осени с похищением Персефоны» (Там же. С. 43).

«Господство оплачивается не просто отчуждением человека от порабощаемых им объектов: с овеществлением духа заколдованными становятся отношения самих людей, и даже отношение единичного к себе самому. Последний сморщивается до размеров узлового пункта конвенциональных реакций и способов функционирования, объективно от него ожидаемых. Анимизм одушевил вещь, индустриализм овеществляет души» (Там же. С. 44).

«Технический процесс, в который опредмечивает себя субъект после искоренения себя из сознания, свободен от многозначности мифологического мышления, равно как и ото всякого смысла вообще, ибо разум сам становится тут всего только подсобным средством всеобъемлющего экономического аппарата» (Там же. С. 46).

«С развитием городского товарного хозяйства сумрачный горизонт мифа озаряется солнцем калькулирующего разума, под чьими леденящими лучами вызревают всходы нового варварства. Под давлением господства человеческий труд с незапамятных времен уводил прочь от мифа, в зоне влияния которого он неизменно вновь и вновь оказывается в условиях господства» (Там же. С. 49).

«Проклятием безудержного прогресса является безудержная регрессия» (Там же. С. 53).

«На пути от мифологии к логистике мышлением был утрачен элемент рефлексии над самим собой, и сегодня машинерия изувечивает людей, даже когда вскармливает их. Но в облике машины отчужденное рацио движется к такому обществу, которое способно примирить

мышление в его окостенелой форме в качестве равным образом как материальной, так и интеллектуальной аппаратуры с освобожденной живой мыслью и соотнести его с самим обществом как с его реальным субъектом» (Там же. С. 54–55).

«Просвещенное человечество не в состоянии выбраться из ловушки: не в состоянии ликвидировать мышление, являющееся органом господства... Просвещение разоблачает самого себя» (Там же. С. 56–57).

«В самом начале исследования относительно потенциального фашистского индивида исходным пунктом наших размышлений был антисемитизм. Солидаризируясь с большинством обществоведов, авторы разделяют точку зрения, согласно которой антисемитизм в значительно большей степени базируется на субъективных факторах и общей ситуации, в которой находится антисемит, чем на подлинных свойствах евреев. Детерминацию антисемитской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Поскольку этот акцент на структуру характера с необходимостью выдвигает на первый план не исторические или социологические, а психологические подходы (хотя в конечном счете все эти три аспекта можно отграничить друг от друга только условно), мы стремились объяснить существование антисемитских представлений причинами общественного характера. Более того, вопрос ставился следующим образом: “Каким образом получается так, что определенные люди принимают такого рода идеи, в то время как другие – нет?” И поскольку исследование с самого начала ориентировано на вышеупомянутую гипотезу, мы исходили из предположений, (1) что антисемитизм не есть особое изолированное явление, а часть объемной системы, и (2) что восприимчивость индивида к такого рода идеологиям в первую очередь зависит от психологических потребностей» (*Адорно Т., Невитт Сэнфорд Р., Френкель-Брюнsvик Э., Левинсон Д.Дж.* Исследование авторитарной личности. – М.: Серебряные нити, Академия исследования культуры, 2001. С. 16–17).

«Что касается предварительных выводов и гипотез относительно антидемократических индивидов, то прежде чем их можно будет признать окончательными, они должны быть подвергнуты многочисленным тщательным наблюдениям – во многих случаях с помощью количественного анализа. Чтобы с уверенностью можно было сказать, что множество мнений, линий поведения и представлений о ценностях, демонстрируемых тем или иным индивидом, действительно представляют собой консистентную структуру или организованное целое, необходимо самым интенсивным образом исследовать этого индивида. Известна лишь одна методика, позволяющая установить, образуют ли групповые мнения, типы поведения и представления о ценностях определенные образы мышления, из которых одни более распространены, чем другие. Она заключается в том, чтобы измерить определенное множество мыслительных содержаний в заранее определенных группах испытуемых, а затем с помощью стандартизированных статистических методов определить, какие из них соотносятся друг с другом...» (Там же. С. 17).

«Между тем у индивида могут быть и “тайные” мысли, которые он, если это возможно, ни при каких обстоятельствах не выдаст. Это могут быть мысли, в которых он не желает признаться самому себе. Это могут быть мысли, о которых он не говорит вслух, поскольку они настолько смутные и неупорядоченные, что он не способен выразить их в словах. Найти доступ к этим скрытым тенденциям особенно важно, потому что, по-видимому, именно здесь находится потенциал для демократических или антидемократических идей и действий в решающих ситуациях.

То, что люди говорят, и в известной степени даже то, что они думают на самом деле, не в последнюю очередь зависит от духовного климата, в котором они живут. Если этот климат меняется, то один приспособляется к нему быстрее, чем другой. Если заметно усилится антидемократическая пропаганда, то некоторые люди быстро воспримут ее и тут же передадут дальше, другие же – только если им покажется, что “этому верят все”, третьи же не поддадутся и в этих условиях. Иными словами, индивиды очень различны в своей предрасположенности к антидемократической пропаганде, в своей готовности проявить антидемократические

тенденции. Для того чтобы измерить фашистский потенциал в этой стране (США. – *Прим. ред.*), представляется необходимым исследовать идеологию на этой “ступени готовности”... Точно так же, как и открытое вербальное высказывание, откровенное действие в большой мере зависит от социально-экономической ситуации, однако различные индивиды сильно отличаются друг от друга своей готовностью к тому, чтобы дать втянуть себя в активные действия. Исследование этого потенциала является частью исследования общей идеологии индивида. Выводы относительно того, какие и какой интенсивности мнения, типы поведения и представления о ценностях могут подвигнуть индивида на действия, и какие личностные факторы способны удержать его от них, имеют большое практическое значение» (Там же. С. 18–19).

«Теоретически объективность и рациональность идеологии определяют прежде всего те переменные характера, которые составляют часть Я, ту часть структуры характера, которая оценивает реальность, интегрирует другие его части и наиболее сознательно реагирует.

Именно Я опознает иррациональные силы в характере и берет на себя ответственность за них. На этом базируется наше убеждение, что в основе поисков психологических детерминант идеологии лежит надежда на то, что люди могут стать разумнее» (Там же. С. 26).

«Остается открытым вопрос, до какой степени и может ли вообще фашистской угрозе противостоять психологическое оружие. Психологическое “лечение” предубежденных личностей проблематично как из-за большого их количества, так и потому, что они, конечно, не больны в обычном смысле слова и, как мы видим, по крайней мере на поверхностном уровне часто лучше “приспособлены”, чем личности без предрассудков» (Там же. С. 269).

2. Концепции социального обмена. Дж. Хоманс, П. Блау

Концепции социального обмена представляют собой довольно известное течение в истории социологической, а также психологической мысли. Традиционно их относят к области микросоциологического анализа, однако это не вполне корректно. Представители концепций обмена стремились создать теорию поведения человека и анализировали институциональное поведение. Эти концепции часто рассматривают как альтернативу «большой» теории Т. Парсонса: не только потому, что авторы начинают с микроанализа, а потому, что они попытались создать качественно иное объяснение социального поведения. Дж. Хоманс намеревался построить общую социологическую теорию, объяснить человеческое поведение, добраться до его корней. При этом его не интересовала субъективная мотивация поведения, он был нацелен на объективистскую социологию. Дж. Хоманса часто обвиняли в том, что он некритически перенес положения психологического бихевиоризма в социологию. Однако так кажется только на первый взгляд. Ученый интересовался именно социальным поведением, учитывая всю сложность человеческих действий.

П. Блау продолжил дело Хоманса, попытавшись проанализировать взаимодействие между макросистемами. Кроме того, Блау обогатил теорию социального обмена, включив перспективы разных социологических теорий: структурного функционализма, символического интеракционизма, конфликтологических концепций. Таким образом, теория обмена не противопоставляет себя парсоновской теории, а использует ее достижения в объяснении институционального поведения.

Ключевые слова и термины: бихевиоризм, стимул, реакция, оперантное поведение, элементарное социальное поведение, обмен, абстракции первого и второго порядка, взаимодействие, деятельность, чувства, вознаграждение, наказание, издержки, вложения, справедливость вознаграждения, индуктивная теория, дедуктивная теория, косвенный обмен, субинституциональное и институциональное поведение, макроструктуры обмена, капитал, «подкрепители», институционализация отношений обмена, формальный обмен, интегративные,

дистрибутивные и организационные социальные институты.

Основные представители

Хоманс Джордж Каспар (Homans) (1910–1989) – американский социолог. В 1932 году получил степень бакалавра в Гарвардском университете. Занятия социологией начались в 1933 году с сотрудничества с профессорами Л.Дж. Хендерсоном и Э. Мэйо в Гарвардской школе бизнеса. Он участвовал в знаменитых исследованиях Э. Мэйо на предприятии «Хоуторн» (Hawthorne) компании «Вестерн Электрик» (Western Electric) в Чикаго. В это же время Хоманс познакомился с известными теоретическими и полевыми антропологическими исследованиями, с изучением сообществ и групп (как современных, так и дописьменных). После войны Хоманс получил штатную должность преподавателя в Гарвардском университете на отделении социальных отношений, которым руководил Т. Парсонс. Вскоре появилась первая работа Хоманса «Человеческая группа» (1950). В ней он применил свою концептуальную схему к антропологическим исследованиям. В Гарварде Хоманс был коллегой Б.Ф. Скиннера, одного из самых известных разработчиков теории бихевиоризма («оперантный бихевиоризм»). Это сотрудничество позволило Дж. Хомансу использовать основные положения бихевиористской концепции Скиннера для построения своей теории социального обмена.

Основные работы

- (1934): «Введение в Парето» (в соавторстве с Ч. Кертисом);
- (1950): «Человеческая группа»;
- (1958, статья): «Социальное поведение как обмен»;
- (1964, 1974): «Социальное поведение: его элементарные формы»;
- (1962): «Чувства и деятельность»;
- (1964): «Современная теория в социологии»;
- (1967): «Природа социальной науки»;
- (1967): «Фундаментальные социальные процессы».

Блау Питер Майкл (Blau) (род. 1918) – американский социолог австрийского происхождения. В 1939 году эмигрировал в США, в 1943 году стал гражданином США. После Второй мировой войны закончил обучение в Колумбийском университете, где получил степень доктора философии (1952). Поначалу П. Блау стал известен своими исследованиями формальных организаций; ими он занимается до сих пор. Работы Блау по социальной организации также остаются до сих пор актуальными и читаемыми. Его книга (в соавторстве с О.Д. Данкеном) «Американская структура занятости» (1968) удостоена премии имени П. Сорокина. Блау развивал не только теорию обмена, но также и структурную теорию. Ему принадлежит множество работ по разным темам. В 1973–1974 годах Блау занимал пост президента Американской социологической ассоциации.

Основные работы

- (1964): «Обмен и власть в социальной жизни»;
- (1968): «Американская структура занятости» (в соавторстве с О.Д. Данкеном);
- (1977): «Неравенство и гетерогенность: элементарная теория социальной структуры»;
- (1994): «Структурные контексты возможностей».

Последователи

Эмерсон Ричард (Emerson) (1925–1982) – американский социолог, известен благодаря своей попытке разработать интегрированный микро– и макроподход к теории обмена. Получил степень бакалавра в университете Юты в 1950 году, степень магистра и доктора философии в университете Миннесоты (1955). Специализировался по социологии и психологии, его докторская диссертация – «Детерминанты влияния в замкнутых группах». Далее Эмерсон работал в университете Цинциннати (1955–1964), затем в университете Вашингтона (1972–1982), где он написал работы по теории обмена. Эмерсон постарался избежать недостатков теории Дж. Хоманса и теории П. Блау. Действующими субъектами, согласно Эмерсону, выступают как индивиды, так и крупные корпоративные структуры. Он использовал принципы оперантной психологии для построения теории социальной структуры. Эмерсон так определял стоящую перед ним задачу: «Я пытаюсь расширить теорию обмена и исследования, посвященные данной сфере, от *микро-* до *макро* уровней анализа, обратившись к изучению *сетевых структур обмена* ». Понятие сетей обмена связывает изолированных индивидов и более крупные группы и совокупности индивидов, отсюда *сеть обмена* – конкретная социальная структура, которая создается в результате взаимоотношений обмена между действующими субъектами. Эмерсона также интересовали власть и зависимость в отношениях обмена, этому посвящена его первая книга.

Основные работы

- (1962): «Отношения власти и зависимости»;
- (1972): «Теория обмена, часть I: психологический базис социального обмена» (эссе);
- (1972): «Теория обмена, часть II: отношения обмена и сетевые отношения» (эссе);
- (1976): «Теория социального обмена» (статья).

Основные темы, положения и вопросы для изучения концепций социального обмена

Интеллектуальные корни теории обмена

Утилитаризм . Можно сказать, что авторы теорий обмена возродили модель *homo economicus*, разработанную в английской политической экономии (А. Смит). Они показали эвристическую ценность этой идеи для построения социологической теории (рационально действующий индивид как универсальная модель человека). Процесс социального взаимодействия представляется ими как процесс «взаимовыгодного обмена» (обмена наградами и наказаниями). Представители теорий обмена заимствовали также понятия **элементарной экономики** .

Антропологические исследования XIX – XX веков . Они оказали огромное влияние на всю историю социологической мысли и, в частности, на формирование теорий обмена в их современном виде. Теоретические результаты этих исследований сыграли скорее мировоззренческую роль в формировании исследовательских установок представителей теории обмена, эти теории помогли осознать ограничения экономической модели человека, а также выступили как наглядный материал для демонстрации некоторых теоретических положений. Вот положения антропологов, взятые на вооружение представителями теорий социального обмена:

1. *Институциональные образцы* , характерные для той или иной культуры, являются отражением экономических мотивов людей, которые *в процессе обмена* предметами или услугами стремятся удовлетворить свои основные экономические потребности (Дж. Фрезер).
2. Важен не только материальный, но и *символический обмен* , *психологические мотивы* ,

которые играют важную роль в поддержании отношений обмена и социальной интеграции всего общества (Б. Малиновский).

3. Именно *социальные группы*, а не отдельные индивиды, формируют отношения обмена, а последние в свою очередь обслуживают *мораль* данных групп (М. Мосс).

4. Отношения обмена – отражение *образцов социальной организации*. Последние важнее, чем любые мотивы людей, поэтому общество – это обширная система *косвенного обмена* (К. Леви-Стросс).

Теория бихевиоризма. Это одно из самых значительных течений в психологии, сыгравших в развитии концепций социального обмена главную роль. Можно сказать, что теоретические построения представителей теории обмена – это социологические модификации положений психологического бихевиоризма. Эмпирический материал теории бихевиоризма – наблюдения за поведением животных, которое Б.Ф. Скиннер называл *«оперантным»*. Принципы такого поведения вполне подходят для объяснения человеческого поведения, и любой представитель бихевиоризма мог бы сказать, что не нужно искать решения загадки природы человека, она кроется в простой схеме: *явное поведение человека – это реакции на стимулы окружающей среды*. Таким образом:

- на теорию обмена оказали влияние, прежде всего, *исследования Б.Ф. Скиннера* и его установка на изучение только *явного поведения*, являющегося реакцией на наблюдаемые стимулы в окружающей среде;

- современные теории обмена заимствовали у бихевиористов термин *«вознаграждение»*;

- здесь заимствованы *основные положения бихевиоризма*: ориентация поведения индивидов на максимальное вознаграждение и избежание наказания, закрепление успешных форм поведения: повторение тех или иных способов поведения, так как они вознаграждались в прошлом и др.;

- социологи, используя принципы психологического бихевиоризма, тем не менее осознавали, что свои исследования бихевиористы проводили в лабораторных условиях и над животными. Человек обладает языком, культурой, сложными эмоциями, поэтому обмен стал рассматриваться как более *сложная операция* внутри *социальной структуры и культуры*, которые в свою очередь поддерживают и опосредованный или косвенный обмен.

Дж. Хоманс: бихевиоризм в теории обмена

Теория элементарного социального поведения

Теория Хоманса с самого начала сосредоточивается на межличностном, непосредственном взаимодействии между индивидами и признает значимость психологических мотивов в отношениях. Все ситуации взаимодействия можно назвать отношениями обмена.

Социальное поведение – это обмен деятельностью, осязаемой или неосязаемой, более или менее вознаграждающей или сопряженной с издержками между по крайней мере двумя лицами. *Субинституциональное поведение* – реальное поведение в институциональных структурах, *элементарное социальное поведение* – это действительное поведение людей в прямом контакте друг с другом, где каждый прямо и непосредственно вознаграждает или наказывает другого.

Элементарное социальное поведение:

- социально (ориентация на другого человека);
- непосредственно (лицом-к-лицу);
- действительно (это реальное поведение, а не норма поведения);
- предполагает социальные нормы, которые, однако, не могут охватить всех ситуаций взаимодействия (роль и исполнение роли).

Хоманс пытался реабилитировать модель экономического человека, утилитарного действия, но осознавал, что у этой модели есть ограничения. Действительно, люди наказывают и вознаграждают друг друга в процессе обмена, но они не всегда стремятся к максимальной прибыли. Люди не обязательно полностью просчитывают свои действия и заглядывают далеко в будущее. При этом обмениваются не только деньги и материальные предметы, но и другие ценности, например, одобрение, любовь и привязанность.

Основная гипотеза Хоманса : «на уровне элементарного социального поведения нет евреев и цыган, греков и варваров, а есть только человек». Поэтому малые группы – «площадка» для наблюдения поведения в сетях межличностных отношений.

Теория поведения – объяснение этого поведения:

- *первый шаг* в построении теории, объясняющей элементарное поведение – *применение индуктивной стратегии* ;

- нужно сформулировать *абстракции первого порядка* , которые есть результат непосредственного наблюдения в данной ситуации и тесно связаны между собой;

- *индуктивная стратегия* предполагает, что обобщения должны проверяться на других массивах данных и совершенствоваться с целью подведения абстракций первого порядка под более абстрактные понятия. Индуктивную стратегию Хоманс попытался построить в работе «Человеческая группа» (1950), где проанализировал и вывел общие положения о поведении в разных человеческих группах или сообществах (примитивных и современных). Эти положения, имеющие под собой прочный эмпирический фундамент, Хоманс считал приемлемыми для выведения и проверки более абстрактных принципов, касающихся человеческого поведения вообще;

- далее необходимо построение *дедуктивной объяснительной схемы* . *Дедуктивная стратегия* предполагает построение дедуктивной системы, на верхнем уровне которой – общие аксиомы. Из них логически выводятся положения низших порядков. Самые низшие положения складываются из абстракций первого порядка, которые описывают реальные события в эмпирической действительности.

Основные понятия Дж. Хоманса

Деятельность (англ. *activity*) – факты поведения, имеющие целью вознаграждение. Обычно Хоманс определяет деятельность как единицу явного поведения. Это самое важное понятие в теории Хоманса, поскольку практически все другие понятия определяются им через деятельность.

Вознаграждение (reward) – объект обмена, считающийся ценным.

Ценность (value) – степень усилия или способности, удовлетворяющей потребности деятельности индивида. Существуют ценности отдельных индивидов и отдельных групп. Ценность содержит два основных компонента:

- само вознаграждение;
- продукт прошлых историй людей, в котором отражается регулярность или нерегулярность вознаграждения.

Чувство (sentiment) – сумма деятельностей, в которых индивиды сообщают друг другу «внутреннее расположение».

Взаимодействие (interaction) – факты обращения деятельности друг на друга с целью извлечь вознаграждение и избежать наказания.

Нормы (norms) – утверждения, посредством которых люди устанавливают, какой тип деятельности выбрать в данной ситуации.

Количество (quantity) – число единиц деятельности, производимой или/и получаемой в определенный отрезок времени.

Издержки (costs) – деятельность, приносящая наказание или альтернативное

вознаграждение, от которого отказываются, чтобы получить другое вознаграждение.

Вложения (investments) – сумма предшествующих деятельностей и социальных характеристик, значимых для данной ситуации и оцениваемых участниками взаимодействия.

Прибыль (profit) – вознаграждения минус издержки и вложения за участие в определенной деятельности.

Справедливость вознаграждения (distributive justice) – деятельности, предполагающие расчет того, обеспечат ли определенные издержки и вложения индивида в некотором обмене «справедливую» прибыль.

Дж. Хоманс сформулировал пять базисных принципов или аксиом, призванных объяснить социальное поведение. По своей природе они психологические.

1. Если в прошлом та или иная ситуация-стимул оказывалась случаем, в котором деятельность индивида вознаграждалась, то чем в большей степени текущая ситуация похожа на прошедшую, тем с большей вероятностью индивид выполнит соответствующую или похожую деятельность (*постулат стимула*).

2. Чем чаще в пределах данного отрезка времени деятельность одного индивида вознаграждает деятельность другого индивида, тем чаще второй индивид будет выполнять соответствующую деятельность (*постулат успеха*).

3. Чем более ценна для некоторого индивида единица определенной деятельности, которую представляет ему другой индивид, тем чаще он выполнит деятельность, вознаграждаемую соответствующей деятельностью другого (*постулат ценности*).

4. Чем чаще индивид в недавнем прошлом получал некоторую вознаграждающую деятельность от другого, тем менее ценной оказывается для него любая последующая единица соответствующей деятельности другого (*постулат депривации – пресыщения*).

5. Чем чаще в ущерб некоторому индивиду правило справедливости распределения оказывается нереализованным, тем с большей вероятностью он обнаружит эмоциональное поведение, которые мы называем раздражением (*постулат распределительной справедливости*).

Именно на основе вышеперечисленных психологических аксиом должна строиться социологическая теория. Не может существовать более абстрактных, обобщающих социологических законов, чем приведенные психологические принципы. Социологические законы в конечном итоге должны восходить к данным психологическим законам.

Возникает закономерный вопрос: *редукционист ли Хоманс* ? Сводит ли он социальный мир к действиям индивидов, к психологии поведения? Можно ли утверждать также, что теоретическая позиция Хоманса – позиция *социального номинализма* ?

- Хоманс пытался с помощью дедуктивных или аксиоматических систем объяснить социальные группы и институты;

- Редукционизм в теории Хоманса выступает как особая концептуальная стратегия – общество в целом формируется и структурируется на основе тех же процессов обмена, которые вызывают формирование социальных групп;

- Хоманс – близок к позиции *социального реализма* : отстаивая свою стратегию понимания социально-культурных явлений, он скорее сводит общие социальные законы к общим психологическим, предпочитая анализировать явления на микроуровне, то есть в межличностных отношениях и в малых группах.

Общество и теория социальных институтов

Каково же общество в целом в теории Дж. Хоманса ? Хоманс считал, что общество в целом характеризуется высокой упорядоченностью и высокой степенью организации. По его мнению, на макроуровне протекают те же самые процессы обмена, но в более сложной форме.

Понятие *капитала* имеет ключевое значение для анализа отношений обмена на

макроуровне. Под *капиталом* понимается любой вид вознаграждения или ценности, получение которого откладывается на определенный срок. Люди с «капиталом» вкладывают его в формирование сложных отношений, которые увеличивают вознаграждение – без капитала институциональное усложнение невозможно. Возросшие вознаграждения позволяют делать вложения в более сложные образцы организации – расширение сетей обмена. Усложняющиеся образцы организации требуют «подкрепителей» для поддержания отношений обмена, а также устойчивых норм для регуляции обмена. Институциональное поведение тяготеет к безличности.

Схема перехода с микроуровня на макроуровень отношений обмена в теории Дж. Хоманса:

Как примирить институты с человеческой природой? Важный момент в теории Хоманса : элементарное социальное поведение сохраняется наряду с институционализацией и черпает в институтах новые причины для своего существования. Институты, по мысли Хоманса, существуют только до тех пор, пока могут гарантировать первичное вознаграждение, то есть обслуживать межличностные отношения обмена. Иногда элементарное поведение вступает в конфликт с институциональным поведением: «Проблема цивилизованных людей состоит в том, что они не могут жить с институтами, которые сами изобрели...»

П. Блау: макросоциология обмена

Обмен – особый тип ассоциации, включающий действия, которые зависят от получаемых от других лиц вознаграждений и не осуществляются при прекращении ожидания вознаграждений.

Обменная деятельность – такое поведение, которое ориентировано на достижение целей, вознаграждений и подразумевает выбор линии действия из набора возможных. Обмен начинается с социального притяжения, то есть с ощущения индивидами возможности извлечения прибыли или получения вознаграждения.

Особенности такой модели обмена:

- люди редко преследуют одну цель;
- люди непоследовательны в выборе;
- у них нет полной информации о выборе;
- они не свободны от обязательств, их ограничивающих;
- ценности в представлении людей часто расплывчаты.

В отличие от Дж. Хоманса, П. Блау не придает решающего значения индивидуальным действиям, вообще индивиду. Его больше интересуют единицы более крупного размера: социальные группы и организации и так называемые *эмерджентные свойства* социальных структур – социальные факты, по Э. Дюркгейму. Они возникают из совместной деятельности и взаимодействий людей. Их нельзя объяснить качествами участников взаимодействия и типом деятельности, которую они осуществляют. Это новые характеристики, присущие ассоциациям индивидов как целому. Поэтому Блау с самого начала пытается перейти на макроуровень социологического анализа отношений обмена. Элементарные свойства социальных структур он рассматривает как результат обменных процессов и как уровни социальной структуры.

Ступени перехода от микроуровня к макроуровню :

1-я ступень – межличностный обмен. Он ведет к следующей ступени, поскольку индивиды не всегда обеспечивают вознаграждение друг друга в равной степени. При этом они постоянно оценивают друг друга с точки зрения обладания ресурсами;

2-я ступень – дифференциация статуса и власти. Здесь возможны разные варианты взаимного удовлетворения потребностей и переход к организации, признанной всеми участниками обмена;

3-я ступень – легитимация и организация. Социальная структура рождается из взаимодействия отдельных индивидов и сама начинает влиять на это взаимодействие, предполагая *два типа организации* : первый порождается процессами обмена и конкуренции (он носит случайный характер), при втором организации создаются специально для достижения определенных целей;

4-я ступень – оппозиция и изменение: как правило, создание организаций оборачивается возникновением оппозиции и конфликта между ними.

П. Блау также попытался сформулировать *основные принципы межличностного обмена* , на основании которых можно анализировать обмен между системами. Всего таких принципов семь, мы приведем лишь некоторые, чтобы можно было увидеть, чем они отличаются от аксиом Дж. Хоманса.

Принципы обмена

1. Чем большую выгоду ожидает человек, осуществляя определенную деятельность, тем более вероятно, что он будет осуществлять эту деятельность.

2. Чем большим количеством вознаграждений человек обменивается с другим лицом, тем более вероятно повторение актов обмена, благодаря возникающим взаимным обязательствам.

3. Чем чаще при обмене нарушаются взаимные обязательства, тем меньшей властью располагают партии, склонные к негативному санкционированию лиц, нарушающих нормы взаимности и другие принципы.

Главное отличие концепции П. Блау от теоретических положений Дж. Хоманса состоит в том, что по П. Блау отношения обмена сразу начинают институционализироваться. Благодаря существованию взаимных норм и обязательств обменных отношений возникает социальная структура. За распределительную справедливость отвечает общество.

Для осуществления последовательного анализа отношений обмена между крупными структурами и ассоциациями индивидов Блау понадобились положения других крупных социологических теорий: *теорий конфликта, структурного функционализма и символического интеракционизма* :

- Чем более стабильны и сбалансированы одни отношения обмена между социальными единицами, тем менее стабильны другие. Этот принцип показывает, что Блау начинает рассматривать *структурный контекст отношений обмена* . Таким образом, социальная жизнь предстает как разрешение «дилеммы», вследствие этого люди вынуждены менять стабильность и баланс в одних отношениях обмена на напряженность в других (функционализм и конфликтные теории);

- Блау подчеркивал, что для объяснения отношений обмена необходимо учитывать *механизм взаимного принятия ролей* : обмен на микроуровне происходит, по Блау, путем взаимного принятия ролей, формирования на этой основе представления о себе участниками обмена. Также при обмене имеет огромное значение исполнение ролей, манипулирование своим Я в процессе борьбы за вознаграждения (символический интеракционизм);

- П. Блау выделил *четыре основных вида вознаграждений (подкрепителей отношений обмена)* : *деньги, социальное одобрение, уважение, уступки* , при этом самое высокое вознаграждение получают обладатели власти. Поэтому социальные группы, как правило, организованы по принципам иерархии власти, престижа, одобрения и богатства. Эти властные отношения создают в группах две противоположные силы: стремление к интеграции и тяготение к оппозиции и конфликту. *Самый вероятный источник конфликтов* – дисбаланс в отношениях обмена, нарушающий взаимные нормы и нормы справедливости. Этот дисбаланс вытекает из неравного отношения некоторых ассоциаций к обладанию ценными ресурсами. Тем не менее конфликт Блау рассматривает как источник изменений, уточнения норм и ценностей. Здесь очевидно влияние теорий конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера.

Отсюда можно сделать вывод, что все отношения обмена интегрированы на основе общих ценностей, норм, взаимных обязательств, однако изначально содержат в себе источники дисбаланса, которые могут привести к конфликту. Таким образом, по Блау можно выделить основные моменты в отношениях обмена между любыми социальными единицами: *взаимное притяжение, конкуренция, дифференциация, интеграция и оппозиция*. Они действуют на всех уровнях социальной организации.

В теории Блау освещаются отличия обмена на микро– и макроуровне.

П. Блау классифицировал *крупные социальные единицы*, участвующие в обменной деятельности:

- *категории* (по атрибуту, например, раса);
- *сообщества* (по территориальному принципу);
- *организованные коллективы* (социальные организации);
- *социальные системы* (например, политические институты).

Ценности являются главным условием возникновения, развития и распада сложных систем обмена индивидами, группами, организациями. Соотношение норм и ценностей, по Блау: нормы относятся к уровню обмена между индивидом и сообществом, а ценности – к анализу отношений между сообществами. Ценности бывают *партикуляристскими и универсалистскими, законными и оппозиционными*.

Партикуляристские ценности обычно нацелены на интеграцию и консенсус внутри групп, участвующих в сложной системе обмена (например, репутация какой-либо социальной группы как ценность). Эти ценности – основа сплоченности социальных групп, основа для их идентификации, функциональный заменитель притяжения на макроуровне.

Универсалистские ценности нацелены на осуществление обмена и дифференциацию в сложных отношениях обмена. Они стандартизируют вклады людей в общую деятельность и виды вознаграждения, таким образом регулируя справедливость распределения.

Законные ценности – это формальные правила социального контроля, они обеспечивают социальный порядок.

Оппозиционные ценности определяют социальные изменения и реорганизацию отношений обмена.

Теория институционализации П. Блау

Процесс институционализации определяется ученым как регуляция и стабилизация сложных обменных отношений посредством формализации принципов обмена. Формализованный обмен более выгоден для большинства участников.

Институты, по Блау:

√ продукты истории. При их (институтов) посредстве от поколения к поколению передаются комплексы ценностей, формирующихся в ходе истории;

√ сеть относительно стабильных социальных норм, регулирующих различные типы отношений косвенного и сложного обмена между социальными единицами.

В сложных отношениях обмена всегда налицо *контринституциональный компонент* из нереализованных ценностей, которые существуют в культуре в том или ином виде. Эти ценности – источник конфликтов, отклонений и социальных изменений.

Классификация социальных институтов, по П. Блау. Институты классифицируются в соответствии с ценностями, лежащими в их основе.

√ *Интегративные* институты основаны на партикуляристских ценностях, поддерживают солидарность и идентичность участников обмена.

√ *Дистрибутивные* институты основаны на универсалистских ценностях, отвечающих за

сохранение соглашений по поводу льгот, вложений и вознаграждений.

√ *Организационные* институты основаны на законах, которые закрепляют полномочия для мобилизации и координации усилий в достижении целей.

Библиография

Первоисточники

Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994. С. 8–29.

Блау П. Исследование формальных организаций // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. С. 93–105.

Скиннер Б. Технология поведения // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994. С. 30–45.

Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994. С. 46–61.

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984.

Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 2. С. 117–163; № 3. С. 132–169; № 4. С. 98–122.

Хоманс Дж. Статус конторских служащих // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 130–134.

Критическая литература и учебники

История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 1993. Гл. 12. С. 278–309.

История теоретической социологии. Т. 3. / Под ред. И.Ф. Девятко). – М., 1998. С. 39–51.

Тернер Дж. Структура социологической теории. – М., 1985. Гл. 12–14. С. 271–384.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. – М., 2002. С. 317–334.

Фотев Г. Джордж Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994. С. 119–131.

Дополнительная литература

Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Дж.Б. Уотсон. – М., 1998.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Расскажите об интеллектуальных источниках теории обмена. Какие из них наиболее важны?

2. Какие основные положения заимствовал Дж. Хоманс из концепций психологического бихевиоризма?

3. Результаты каких антропологических исследований обсуждал в своей работе «Человеческая группа» Дж. Хоманс?

4. Что такое элементарное социальное поведение, которое является предметом

исследования Дж. Хоманса?

5. Назовите основные цели и задачи теоретической стратегии Дж. Хоманса.
6. Что такое индуктивная стратегия построения социологической теории?
7. Что такое «абстракции первого порядка»? «Абстракции второго порядка»?
8. Каковы основные категории теории обмена Дж. Хоманса?
9. Назовите пять основных аксиом Дж. Хоманса, объясняющих человеческое поведение.
10. Что такое дедуктивная стратегия построения теории?
11. Какие понятия Дж. Хоманс называет переменными, а какие дескриптивными терминами?
12. На основе чего возникает, по мысли Дж. Хоманса, институциональное поведение?
13. Как соотносятся институциональное и субинституциональное поведение?
14. Можно ли утверждать, что Дж. Хоманс задавался целью создать социологическую теорию, альтернативную «большой теории» Т. Парсонса? Аргументируйте свой ответ.
15. Почему концепцию П. Блау называют теорией интегративного обмена?
16. Использовал ли Блау положения теории Дж. Хоманса? Каким образом?
17. Охарактеризуйте модель обмена, предложенную П. Блау. Как Блау соединяет микро- и макроуровни отношений обмена?
18. Опишите основные категории концепции П. Блау. Какую роль играют ценности в обмене между макросистемами?
19. Назовите постулаты теории обмена П. Блау.
20. Каким образом использует П. Блау положения структурного функционализма/ символического интеракционизма в своей теории обмена?
21. Опишите конфликтные отношения с точки зрения П. Блау.
22. Можно ли сказать, что П. Блау сделал выводы относительно отношений конфликта, сходные с выводами Р. Дарендорфа? Какие?

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«Вероятно, нет ни одного социального института, у истоков которого не стояло бы элементарное социальное поведение» (*Хоманс Дж.* Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 2. С. 124).

«Институты – идет ли речь о таких вещах, как роль врача, или о таких, как бюрократия, – имеют за собой долгую историю развития в конкретном обществе, и общества сильно отличаются друг от друга своими институтами. Но внутри институтов, в отношениях лицом-к-лицу между индивидами, каждый день возникающих и иногда столь же быстро исчезающих, проявляются характеристики поведения, в которых человечество выдает свое потерянное единство» (Там же. С. 124).

«Малые группы – это не то, что мы собственно изучаем, а место, где мы это изучаем» (Там же. С. 125).

«Науку строили порой самыми ужасными методами, но стратегия, которой я следую, начинается с обследования литературы в соответствующей области с целью найти ясные, приблизительные, эмпирические положения и с попытки сформулировать их в некоторой единой системе понятий, то есть с помощью единого набора терминов» (Там же. С. 128).

«Понятийная схема – это не теория. Кроме нее наука нуждается в наборе общих положений об отношениях между категориями, ибо без таких положений объяснение невозможно. Никакое объяснение невозможно без положений! Но в значительной своей части современная социологическая теория кажется вполне довольной собой, когда выдвигает понятийную схему... Теоретик впихивает разные аспекты поведения в свои категориальные гнезда, кричит, потирая руки, “Ага!” и на этом останавливается. Он написал словарь некоего

языка, в котором нет предложений» (Там же. С. 130).

«Прежде всего чувства походят на другие деятельности тем, что могут подкреплять или наказывать поведение... когда Лицо благодарит Другого, оно может на самом деле не испытывать к нему никакой благодарности. Как социальные ученые мы можем также считать, что, грамотно расспросив Лицо, можно выяснить, насколько оно было искренним. Однако искренность не является для нас проблемой, настоящая проблема состоит вот в чем: вне зависимости от того, искренне поступает Лицо или нет, подкрепляет ли выражаемое им чувство поведение Другого?» (Там же. С. 143).

«Некоторые люди находят ценными самые презируемые вещи (или только так кажется остальным из нас). Тем не менее при объяснении таких ценностей мы поступаем в принципе точно так же, как и при объяснении других: изучаем прошлые истории интересующих нас лиц, поскольку они воздействуют на их текущие обстоятельства... в принципе, прошлое дает нам информацию, необходимую для того, чтобы мы могли навскидку оценить ценности независимо от того объема деятельности, который человек выдает для получения этих ценностей в настоящем» (Там же. С. 156–157).

«Иногда мы можем просто приводить слова других социальных ученых или обывателей о том, что группы или индивиды придерживаются определенных ценностей, не предлагая собственного объяснения того, почему они должны это делать. Наша проблема не в том, почему они придерживаются этих ценностей, а в том, что они с ними делают, если они их придерживаются. Соответственно, нам нужно знать, каковы эти ценности, а не почему они такие» (Там же. С. 160).

«При анализе человеческого поведения всегда возникает вопрос, как измерять различные деятельности вне зависимости от того, малы или велики эти различия, в соотношении с каким-то общим для всех стандартом. Теперь нам должно быть ясно, что различие в типе между выполняемыми деятельностями следует измерять через их различия в ценности. Иначе говоря, их надо измерять по их ценностям, соответствующим первому компоненту: в соотношении с временно постоянной шкалой ценностей человека, который их получает» (Там же. С. 161).

«“Секрет полишинеля” человеческого обмена состоит в том, чтобы дать другому человеку поведение, более ценное для него, нежели дорогостоящее для вас, и получить от него в ответ поведение более ценное для вас, нежели дорогостоящее для него» (*Хоманс Дж.* Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 3. С. 145–146).

«Отсутствие ожидаемого вознаграждения является не просто чем-то, что высвобождает эмоциональное поведение; оно является еще и наказанием, а его избежание, соответственно вознаграждением. Следовательно, люди не только выражают раздражение или, менее явно, вину, когда так или иначе нарушается распределительная справедливость, но и учатся как-то с этим справляться. Они учатся избегать деятельностей, вовлекающих их в несправедливые обмены; они учатся выдавать деятельности, вознаграждаемые достижением справедливости, и, более того, само невыполнение этих деятельностей превращается для них в издержки. Короче говоря, одной из обмениваемых ценностей становится сама справедливость» (*Хоманс Дж.* Социальное поведение: его элементарные формы. С. 163).

«Мы и в самом деле намерены реабилитировать “экономического человека”. Проблема с ним заключалась не в том, что он был экономическим и использовал свои ресурсы для получения какой-нибудь выгоды, а в том, что он был антисоциальным и материалистичным, интересовался только деньгами и материальными благами. Что в нем было не в порядке, так это его ценности: ему было позволено придерживаться лишь ограниченного круга ценностей. Однако новый экономический человек так не ограничен. Он может иметь какие угодно ценности... И даже если он научился находить вознаграждение в незначительном использовании своих ресурсов, даже если он ценит отсутствие размышлений о завтрашнем дне – и соответствующим образом действует, – его поведение остается экономическим. На самом деле,

новый экономический человек – это обычный человек» (Там же. С. 166).

«Люди, которые будут появляться на страницах этой книги, если угодно, не менее рациональны, чем голуби. Если для голубей будет рациональным учиться и принимать кратчайший из двух путей к вознаграждению, то столь же рациональным будет это и для наших людей. Они делают выбор из нескольких непосредственно доступных им альтернатив; они делают выбор, обращая мало внимания на подлинно долгосрочные результаты своего выбора, которые иной раз их удивляют. Однако ближайшие результаты им известны, и они знают их не столько как предмет вероятности, сколько как предмет определенности» (Там же. С. 169).

«В прошлом некоторые социологи в своих частных рассуждениях были склонны мыслить маленькую, неформальную группу как микрокосм общества в целом... Но сказать, что в двух явлениях есть что-то общее, вовсе не значит, что одно есть микрокосм другого, или просто его уменьшенная копия. Две сущности, о которых идет речь, не похожи хотя бы потому, что в неформальной группе человек завоевывает статус через свои прямые обмены с другими ее членами, тогда как в более широком обществе он получает статус благодаря наследованию, денежному состоянию, роду занятий, должности, правовому господству – и во всех этих случаях благодаря своей позиции в той или иной институциональной схеме, часто имеющей за собой долгую историю» (*Хоманс Дж.* Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 4. С. 99).

«...некоторые антропологи... говорили так, будто считали, что члены общества или какого-то его сектора поддерживают институциональное правило, преподанное им в молодые годы как нечто, чему они должны подчиняться, и санкционированное социальным одобрением. Если бы это было действительно так, я думаю, мы бы наблюдали в обществе гораздо меньше изменений, нежели фактически наблюдаем. Ибо социальное одобрение не действует в отрыве от всего остального: его санкционирующая сила держится на сохраняющейся энергии первичного вознаграждения» (*Хоманс Дж.* Социальное поведение: его элементарные формы. С. 102).

«Мы, социальные ученые, рассуждаем так, как если бы “общество” было большой вещью. Но институт функционален для общества лишь потому, что он функционален для людей. Для выживания общества нет иных функциональных предпосылок, кроме того, что общество должно давать своим индивидуальным членам достаточно вознаграждений, чтобы они продолжали вкладывать свои деятельности в его поддержание, и при этом вознаграждать их не как членов данного общества, а как людей...» (Там же. С. 105).

«Если достаточно долго искать тайну общества, то она предстанет перед вами со всей ясностью: тайна общества в том, что оно было создано людьми, и ничего, кроме того, что вложили в него люди, в нем нет» (Там же. С. 106).

«Без какого-нибудь капитала никакое институциональное поведение не может начаться» (Там же. С. 107).

«Располагая капиталом, каждое общество пробует разные институциональные нововведения. Если они оказываются окупаемыми – а прежде чем появится отдача, может быть израсходован огромный капитал – они сохраняются. Они могут даже занять место капитала и позволить обществу перейти к другому нововведению» (Там же. С. 111).

«Элементарное социальное поведение, следовательно, не вытесняется институционализацией, а сохраняется наряду с ней, черпая в ней новые причины для своего существования. Иногда оно вносит вклад в поддержание института. Но иногда, насколько мы знаем, они работают друг против друга» (Там же. С. 114).

3. Психоаналитическая ориентация в социологии. Концепции К. Хорни, Э. Эриксона, Э. Фромма

Психоаналитической ориентацией в социологии мы условно называем представителей

неофрейдизма, которые сосредоточили свое внимание на социальных и культурных процессах, обуславливающих поведение личности и внутриличностные конфликты. Многие крупные социологи использовали открытия З. Фрейда и его последователей для проведения эмпирических социологических исследований, для построения своих теорий.

Можно выделить несколько ученых, работы которых стали важны и для социологии, обогатили представления о социализации, социальных взаимодействиях и других социальных процессах и явлениях. Для методического пособия мы выбрали трех ученых, однако интересных работ в этой области гораздо больше. Карен Хорни, Эрик Г. Эриксон и Э. Фромм никогда не претендовали на разработку общей теории социологии, они пытались по-своему осмыслить современного человека и современное общество, используя для этого психоанализ. Концепции этих выдающихся мыслителей дополняют социологическую теорию, дают ей возможность развиваться, поставя эвристические идеи и принципы для исследования взаимодействия человека и общества.

Все эти исследователи рассматривали человеческую психику, социальные группы и общество в целом с точки зрения нормы и патологии. Это в первую очередь обусловлено тем, что все они были практикующими психоаналитиками. Они собрали богатый эмпирический материал, который очень ценен и для социолога. На этом материале (клинических и полевых антропологических исследований, отдельных наблюдений над семьями и социальными группами) они создали типологии социальных характеров, неврозов, внутренних конфликтов, описали типы развития индивидов. Концепции данных авторов показательны в том отношении, что они представляют собой результат междисциплинарных исследований, в них использованы средства психоанализа, антропологии, психологии, истории и социологии.

Терапевтическая практика этих ученых предопределила гуманистический характер всего их творчества: будь то борьба за равноправие женщин, детей, за права человека, подавленного «машинерией» современного общества, борьба за возрождение истинной природы человека. Общим «недостатком» этих теорий с точки зрения науки являются ценностные суждения о том, что есть норма, а что патология. Такая этическая направленность творчества характерна для всех неофрейдистов (часто неосознанная). Они стремились усовершенствовать психотерапию, наметить способы реформирования современного западного общества, найти пути к новой жизни, способствовать самореализации каждой человеческой личности. Однако крупнейшие социологи до сих пор черпают свои идеи из работ неофрейдистов. Эти работы помогают понять социальный характер современного человека, его душевное состояние, оценить изменения, которые происходят в его мотивационной структуре.

Ключевые слова и термины : социальный характер, авторитарная личность, типология социальных характеров, человеческие потребности, авторитарная и гуманистическая религия, фрейдомарксизм, невроз, невротическая личность, актуальное Я, реальное Я, идеальное Я, жизненный цикл, эго-идентичность, психосоциальная идентичность, кризис идентичности, психоистория, исторический момент, базисное доверие, генеративность, психосоциальный мораторий.

Основные представители

Хорни Карен (Horney) (1885–1953) – американский ученый, представительница неофрейдизма. Хорни родилась и выросла в Германии, училась медицине в университетах Фрейбурга, Геттингена, Берлина. Лекции К. Абрахама, известного участника фрейдовского кружка, побудили ее заняться психоанализом. В 1915 году Хорни защитила докторскую диссертацию, затем занялась психоаналитической лечебной практикой в Берлине. В это время она увлеченно занималась и научной работой, читала лекции, участвовала в конгрессах Международного психоаналитического общества. Германский период творчества Хорни закончился с приходом к власти нацистов: она эмигрировала в США и начала работать в

психоаналитическом институте Чикаго. Затем основала институт психоанализа в Нью-Йорке и начала издавать свой журнал. Здесь К. Хорни написала свои самые известные работы, успешно работала с американскими пациентами, ее идеи попали на благодатную интеллектуальную и идеологическую почву Америки и приобрели широкую известность. Впоследствии Карен Хорни была исключена из Американской психологической ассоциации по причине своих радикальных взглядов на психоанализ и психологию вообще, однако в 1941 году создала Ассоциацию психоанализа, которая существует до сих пор.

Основные работы

- (1937): «Невротическая личность нашего времени»;
- (1939): «Новые пути в психоанализе»;
- (1942): «Самоанализ»;
- (1945): «Наши внутренние конфликты»;
- (1950): «Невроз и развитие человека».

Эриксон Эрик Гомбургер (Erikson) (1902–1994) – американский психолог и антрополог. Его биография необычна. В молодые годы он был странствующим художником, одно время специализировался на детских портретах. За работой его увидела Анна Фрейд (дочь З. Фрейда) и увлекла детским психоанализом. Так Эриксон начал участвовать в семинарах Венской школы психоанализа, а в 1933 году получил диплом Венского психоаналитического общества и некоторое время работал под руководством Анны Фрейд. В этом же году он эмигрировал в США и занялся психоаналитической практикой, как и многие другие психоаналитики фрейдовской школы. В 30-х годах Эриксон работал в Гарвардской психологической клинике, затем в Йельском институте человеческих отношений, где участвовал в полевых антропологических исследованиях некоторых племен индейцев. Во время войны провел ряд исследований по заказам военных ведомств, главной задачей этих исследований было понимание и исцеление психических заболеваний военных. Затем Эриксон активно занимался психологией и разработкой психотерапии для детского и юношеского возраста (Институт человеческого развития при университете в Беркли). Первая его книга «Детство и общество» (1950) стала бестселлером и наиболее читаемым учебником по детской психологии среди студентов. Вторая книга «Молодой Лютер» (1958) принесла Эриксону еще большую известность, кроме того, его стали называть родоначальником новой области гуманитарных исследований – «психоистории».

С 1960 года Эриксон получил должность профессора Гарвардского университета, где начал читать свой авторский курс «Жизненный цикл человека». В 70-х годах он стал почетным профессором Гарвардского университета, продолжая издавать свои чрезвычайно интересные работы в области психологии, политологии, истории и религии.

Основные работы

- (1950): «Детство и общество»;
- (1958): «Молодой Лютер»;
- (1968): «Идентичность: юность и кризис»;
- (1975): «История жизни и исторический момент»;
- (1969): «Истина Ганди».

Фромм Эрих (Fromm) (1900–1980) – немецкий и американский социолог, философ, антрополог и психолог.

Фромм родился во Франкфурте. Он получил хорошее образование, знал много языков (в

том числе и древних), интересовался Ветхим Заветом, культурами Востока. В 1918 году поступил во Франкфуртский университет, а затем перешел в университет Гейдельберга, где изучал психологию, философию, социологию. Его учителями были М. Вебер, К. Ясперс, Г. Риккерт, А. Вебер. В 1922 году Фромм стал доктором философии. Свое образование он закончил в Мюнхене, а в Берлинском институте психоанализа получил диплом психоаналитика и в 1925 году стал практикующим врачом. Он значительно расширил лечебную процедуру психоанализа, превратив ее в доверительное общение.

Почти 10 лет (1930–1939) Э. Фромм был связан с Франкфуртским институтом социальных исследований, возглавляемым М. Хоркхаймером. Фромм руководил в нем отделом социальной психологии и в 1932 году на основе эмпирических исследований сделал вывод о вероятном приходе Гитлера к власти. В 1933 году ученый эмигрировал в США, в Чикаго, затем переехал в Нью-Йорк. В 1940-е годы Фромм окончательно ушел из Франкфуртской школы и начал работать в Институте психологии, психиатрии и психоанализа в Вашингтоне, где готовил специалистов по психоанализу. Фромм всегда читал свои курсы на междисциплинарной основе, мастерски связывая воедино данные антропологии, политологии и социальной психологии, рассказывая и о своей клинической практике. В творчестве Фромма психоанализ представлен – наряду с марксизмом, экзистенциализмом, философской антропологией – как компонент общей науки о человеке. В 1950–1960-е годы Фромм работал преподавателем и психоаналитиком в Мексике. В это время он вступил в социалистическую партию США, которая находилась в оппозиции к американским властям. Блестящий талант лектора и публициста сделал Фромма идеологом «новых левых» и любимцем молодежи в 1960-х годах. В 1974 году Фромм уехал в Швейцарию и провел там последние годы своей жизни.

Основные работы

- (1941): «Бегство от свободы»;
- (1947): «Человек как он есть»;
- (1950): «Психоанализ и религия»;
- (1955): «Разумное общество»;
- (1956): «Искусство любви»;
- (1962): «Из плена иллюзий»;
- (1968): «Революция надежды»;
- (1973): «Анатомия человеческой деструктивности»;
- (1976): «Иметь или быть».

К. Хорни: изучение внутренних конфликтов человека, или культурная психопатология

С самого начала своей творческой деятельности К. Хорни критиковала некоторые положения теории З. Фрейда, а именно:

- биологический детерминизм человеческого поведения;
- сексуальное происхождение неврозов;
- предопределяющую роль детства, детских переживаний в жизни человека: Хорни считала, что моральные и интеллектуальные способности человека можно развить, что человек способен к самосовершенствованию;
- неизбежную последовательность стадий развития человека;
- человек у Фрейда агрессивен и эгоистичен, а у Хорни – человек способен проявлять высокие моральные качества;
- Фрейд не допускал, что человеческие общества могут радикально отличаться друг от друга, и то, что считается в одном обществе неврозом в другом может считаться ценнейшим

качеством человеческого характера. Хорни при построении своей теории неврозов учитывала это;

- Хорни в отличие от Фрейда отвергала анатомическую обусловленность женской психологии, ограниченность женских возможностей, женскую неполноценность.

Цель К. Хорни – модифицировать психоанализ и психоаналитическую терапию.

Основные темы ее исследований таковы:

- внутриличностные конфликты;
- возникновение неврозов;
- связь человека и культуры – культурная психопатология.

Данные этнографии, социологии и антропологии позволяли в то время сделать вывод о множественности и разнообразии культур. На основании этого К. Хорни утверждала, что структурные особенности личности, черты коллективной психологии и типы неврозов зависят в основном от культуры – ее ценностей и противоречий между ними. Хорни обнаружила у своих пациентов симптомы, обусловленные трудностями социальной адаптации и различными формами социальной изоляции. Главной причиной невроза, с ее точки зрения, была неспособность реализовать себя в культуре, и этот невроз невозможно свести к вытесненным инстинктам и детским переживаниям, а Фрейд делал именно это. Хорни акцентировала сознательную деятельность человека, *сознательное единство личности*, выделяя:

- *идеальное Я* (невротическое, воображаемое Я);
- *актуальное Я* (эмпирическое, ситуативное Я);
- *реальное Я* (самость) – сила, благодаря которой осуществляется индивидуальное развитие человека, самосовершенствование и самореализация.

Основной тезис психологии К. Хорни : *внутренние конфликты присущи не только невротикам, но и нормальному человеку.* Эти конфликты – не психопатологическое отклонение, а неотъемлемая часть Я человека:

- внутренние конфликты в значительной степени детерминированы культурой;
- возникновение внутриличностных конфликтов связано с тем, что человек постоянно испытывает частично осознаваемое «*основное беспокойство*» или «*базовую тревогу*», связанную с ощущением отчаяния и беспомощности человеческого существования, которому противостоят чуждые природные и социальные силы;

- нормальный конфликт в личности может быть совершенно сознательным, в то время как невротический конфликт – бессознателен;

- основной источник внутренних конфликтов, по мнению Хорни, кроется не в противоречии между бессознательным стремлением человека к осуществлению своих скрытых желаний и страхом нарушить моральные заповеди семьи и общества (как было у Фрейда). Такой источник – утрата способности желать что-либо конкретное и определенное, поскольку под воздействием культурных и социальных условий существования человека его желания оказываются расщепленными и направленными в противоположные стороны;

- подобный конфликт может быть разрешен: для понимания природы конфликтов Хорни анализирует отношения между людьми, панораму конфликтных ситуаций в данной культуре и типы невротической личности.

Невроз есть отклонение от нормы, вызывающее у человека чувство вины, страха, неполноценности. Продуктивность личности при неврозе снижается, разрушаются связи с социальным окружением, человек не может достичь своих целей. Отклонением от какой нормы является невротическое расстройство? От норм, принятых в данной культуре. Невроз – есть нечто относительное, фиксируемое лишь исходя из норм данной культуры. Таким образом, *невроз – индивидуальный способ адаптации к культуре.* Невроз предполагает:

- √ отклонение от нормы (хотя это недостаточный признак невроза и невротиков);
- √ ригидность (жесткость, негибкость реакций и мышления: выбор вариантов поведения превращается в мучительный конфликт);

- √ неспособность реализовать свои возможности;
- √ страдание в тех ситуациях, где нормальные люди чувствуют себя легко и непринужденно;
- √ повышенную тревожность, поиск оправданий своего поведения (рационализации и защиты);
- √ конфликт противоположных тенденций (или желаний).

Хорни отмечает, что поскольку система установок личности в целом соответствует системе культурных ценностей, то и причину тревожности нужно искать в культуре.

Чем динамичнее и сложнее культура, в которой живет человек, тем больше поводов для тревоги. Тревогу трудно вынести, поэтому человек избавляется от нее путем вытеснения, невротическим способом. По Хорни, таких способов четыре:

- √ рационализация – тревога превращается в объяснение страхов;
- √ подавление симптомов тревожности;
- √ наркотизация: наркотики, уход в работу, чрезмерную сексуальную активность;
- √ избегание ситуаций, мыслей и чувств, которые могут возбудить тревожность.

Хорни подчеркивает огромную значимость *межличностной коммуникации* или *общения* для психосоциального здоровья человека. Она утверждает, что существует взаимосвязь между типами невротизма и типами общения (установками по отношению к другим людям). Хорни в своей психоаналитической практике столкнулась с невротизмом, вызванным не подавлением сексуальных или агрессивных влечений, а с неудовлетворенностью социальных потребностей – в эмоциональном контакте, поддержании престижа и др.

К. Хорни различает три типа *социальных потребностей*, направленные:

- 1) *к людям*;
- 2) *против людей*;
- 3) *от людей*.

Различные культуры неодинаково относятся к этим потребностям, давая перевес то одной, то другой из них. У каждой личности обычно доминирует один тип потребностей общения, благодаря чему все личностные проблемы приобретают специфическую окраску. Доминирующий тип потребностей определяет тип характера. Характеры отличаются друг от друга степенью открытости, контактности, конкурентности, агрессивности, замкнутости. Удовлетворенность общением активизирует человеческое развитие, поддерживает психическое здоровье, поэтому последнее напрямую связано с частотой, качеством и интенсивностью контактов с людьми.

Тип невротизма обусловлен усилением одного из элементов базовой тревоги – враждебности, чувства покинутости, чувства беспомощности.

√ Если человек направлен преимущественно *к людям (уступчивый тип)*, то для него характерно стремление присоединиться к более влиятельной личности, свои агрессивные устремления он подавляет.

√ Если доминирует направленность *против людей*, то мы имеем дело с *«агрессивным типом»*, для которого характерно представление о жизни как борьбе всех против всех. Другие для него – враги, отсюда его главная цель – контроль над другими.

√ Направленность *от людей* формирует тип *разобщенной личности*: человек испытывает потребность в «эмоциональной дистанции», поскольку близкий контакт вызывает у него тревогу. Чтобы быть независимым, он готов ограничить свои потребности, подавить чувства, воздержаться от оценок и пр.

Невротический конфликт разрывает человека: в нем борются разнонаправленные стремления. Силы невротизма уходят на то, чтобы отвергнуть конфликт и создать искусственную гармонию. С этой целью выстраиваются *защитные психологические механизмы* :

- затуманивание части конфликта и придание большего веса противоположной тенденции;
- создание идеализированного образа себя (идеального Я). Реальное Я становится

несущественным, на его место выдвигается вымышленное представление о себе, часто ошибочное. Чем больше невротик стремится уподобиться своему идеальному Я, тем глубже его разрыв с действительностью.

Идеальное Я замещает реальное самоутверждение личности, не способствует разрешению внутренних конфликтов. Это невротическая структура личности, способ приспособления к существующей культуре. Задача человека – осознать свое идеальное Я и освободиться от него. *Цель психоаналитической терапии Хорни* – разрушение вымышленного образа, который отгораживает человека от других людей, сковывает его реальное Я. Такая терапия не ограничивается стенами кабинета, нужно научить пациента самоанализу, который поможет человеку поверить в себя, настроиться на путь самосовершенствования. Спасение – во внутренних ресурсах личности. Самоанализ не завершается никогда.

Один из основных вопросов, которым задавалась Хорни: обладают ли сегодняшние невротики общими существенными чертами, которые позволили бы говорить о «*невротической личности нашего времени*»? При анализе самых разнообразных типов личностей, страдающих различными типами неврозов, отличающихся по возрасту, темпераменту и интересам, выходцев из различных социальных слоев, Хорни обнаружила, что содержание главных конфликтов является общим, и что они вызываются трудностями, существующими в данное время в данной культуре. Одной из форм обнаружения основных конфликтов для Хорни является наблюдение отношений между людьми. Эти отношения связаны:

- с любовью, привязанностью и расположением человека (как по отношению к другим людям, так и с их стороны);
- оценкой Я;
- самоутверждением;
- агрессией;
- сексуальностью.

Характеристики «невротической личности нашего времени» (т.е. типичного невроза в западном обществе) К. Хорни определяет следующим образом:

√ одной из доминирующих черт невротиков является их *чрезмерная зависимость* от одобрения и расположения со стороны других людей;

√ *заметно противоречие* между желанием получить любовь от других и их собственной способностью питать это чувство (невротики часто не способны любить);

√ *внутренняя незащищенность* невротика, выражающаяся в этой зависимости от других людей, обуславливает характерное для него чувство неполноценности;

√ *трудности с самоутверждением и самореализацией*: самоутверждение понимается невротиком как акт утверждения собственного Я или своих притязаний. В результате у него возникают *внутренние запреты*, которые он не в состоянии преодолеть:

- запрет на то, чтобы выразить свои желания или просьбы о чем-либо, сделать что-либо в своих интересах, высказать мнение или обоснованную критику, выбрать человека, с которым он хочет общаться;

- невротик не способен защитить себя от нападков или сказать «нет» в случае, когда он не хочет уступить желаниям других;

- он испытывает трудности при принятии решений, формировании мнений, осознании собственных желаний, неспособен что-либо планировать, пассивен в выборе профессии и спутника жизни из-за своих невротических страхов;

√ *агрессия*, которая возникает в противовес отношениям, связанным с самоутверждением, и направлена против кого-либо: это унижение других людей, посягательство на чужие права и др. Агрессия проявляется в двух различных формах:

- в склонности быть властным, чрезмерно требовательным, распоряжаться, обманывать, критиковать или придирается, при этом невротики могут не осознавать, что их поведение оскорбительно;

- в чувстве, что их постоянно обманывают, ими управляют, их бранят или унижают: эти люди не осознают того, что это лишь их собственное искаженное восприятие;

√ отношения, касающиеся *сексуальной сферы*:

- навязчивая потребность в сексуальной активности;
- навязчивый запрет на сексуальную активность. Эти запреты могут проявляться на каждом шагу, ведущем к сексуальному удовлетворению. Они могут вступать в действие при приближении лиц другого пола, в процессе ухаживания, проявляться в самой сексуальной функции.

Хорни следующим образом описывает *основные тенденции современного общества*, имеющие отношение к проблеме возникновения неврозов в западной культуре.

- Современная культура экономически основывается на *принципе индивидуального соперничества*. Психологическим результатом такой ситуации является враждебная напряженность между людьми: соперничеством и сопутствующей ей потенциальной враждебностью проникнуты все человеческие отношения – между полами, между взрослыми и детьми и пр. Такое соперничество само по себе не является биологически обусловленным, оно есть результат данных культурных условий. Соперничество стимулируется в жизни человека с колыбели до самой смерти.

- Потенциальное враждебное напряжение между людьми рождает *страх* потенциальной враждебности со стороны других, усиленный страхом мести за собственную враждебность. Другим важным источником страха у нормального человека является перспектива неудачи, которая означает не только экономический неуспех, но также потерю престижа и все виды эмоциональных переживаний неудачи.

- Навязчивое *желание успеха* воздействует на *самооценку людей*: не только другие люди оценивают нас по нашим успехам, наша собственная самооценка также следует по этому пути. Под давлением существующей идеологии даже абсолютно нормальный человек считает, что его значимость напрямую связана с сопутствующим успехом.

Перечисленные выше факторы – соперничество, враждебные отношения, страхи и сниженная самооценка – в психологическом плане приводят к тому, что человек чувствует себя *изолированным*, даже когда у него много друзей и он счастлив в браке.

У нормального человека ярко выражена потребность в любви и привязанности как своего рода лекарстве. Роль любви в нашей культуре переоценивается: она становится призрачной мечтой, несущей иллюзию того, что любовь является решением всех проблем, поскольку мы ждем от нее большего, чем она может дать.

Все эти факторы воздействуют на невротика в гораздо большей степени, чем на обычного человека. Результаты оказываются гораздо более глубокими, приводя к краху чувства собственного достоинства, усилению соперничества, порождающему тревожность и деструктивные импульсы, к обостренной потребности в любви и привязанности. При каждом неврозе имеют место противоречивые тенденции, которые невротик не способен примирить, поэтому закономерно возникает вопрос: *нет ли в данной культуре определенных сходных противоречий, лежащих в основе типичных невротических конфликтов?*

К. Хорни выделяет следующие главные противоречивые культурные тенденции западного общества:

√ *между соперничеством и успехом, с одной стороны, и братской любовью и человечностью – с другой*. Его можно трактовать как противоречие между экономическими способами достижения успеха и христианскими идеалами братской любви;

√ *между стимуляцией потребностей современного человека и фактическими препятствиями на пути их удовлетворения*. В западной культуре потребности стимулируются такими средствами, как, например, реклама. Однако для огромного большинства реальное осуществление этих потребностей жестко ограничено. Психологическое следствие для человека – постоянный разрыв между желаниями и их осуществлением;

√ *между провозглашаемой свободой и всеми ее фактическими ограничениями.* Шутливое выражение о том, что родителей не выбирают, можно распространить на жизнь в целом: на выбор работы, форм отдыха, друзей. В итоге человек колеблется между ощущением безграничной власти в определении собственной судьбы и ощущением полной беспомощности.

Эти противоречия, заложенные в культуре, представляют собой в точности те конфликты, которые постоянно пытается примирить невротик: склонность к агрессивности и тенденцию уступать; чрезмерные притязания и страх никогда ничего не получить; стремление к самовозвеличиванию и ощущение своей беспомощности. Отличие от нормы здесь имеет чисто количественный характер. Если нормальный человек способен преодолевать трудности без ущерба для своей личности, то у невротика все конфликты обостряются до такой степени, что какое-либо удовлетворительное решение становится невозможным. *Хорни дает следующее определение невротика* : это человек, который пережил обусловленные культурой проблемы в обостренной форме, преломив их главным образом через сферу детских переживаний, и вследствие этого оказался неспособным разрешить эти проблемы или же разрешил их ценой большого ущерба для своей личности.

Э.Г. Эриксон: формирование личностной идентичности человека

Концепцию Э.Г. Эриксона принято относить к психоаналитическому направлению в социальной мысли, однако в его теории имеется *ряд существенных отступлений от классического фрейдизма* . Так, в отличие от Фрейда Эриксон:

- сосредоточивается на проблемах *сознания и его взаимодействия с социальным окружением* , причем последнее признается главным фактором в развитии человека;
- интересуется не патологическими явлениями в психике, а *нормальным здоровым развитием человека* , обосновывает возможность прогрессивного развития и после ранних стадий;
- полагает, что наряду с фазами психосексуального развития (по Фрейду) существуют и *психологические стадии развития* , в ходе которых индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и социальной среде. Становление личности происходит на протяжении *всего жизненного цикла* , а классический фрейдизм рассматривал проблему стадильности психического развития только в детстве;
- объясняет более *поздние формы поведения* как не сводимые к детским переживаниям и непосредственно связанные с такой социальной переменной, как способность общества поддержать личность (в отличие от репрессивной функции общества по Фрейду);
- включает в рассмотрение социализации и полного жизненного цикла человека новую переменную – *историческую ситуацию* , где локализован индивид;
- говорит о жизненной необходимости *образа мира* ; главной составляющей такого образа мира могут выступать действенная идеология или религиозная система.

Концепция Эриксона, в основном разработанная в 1950-е годы, базируется на материалах этнографических, культурологических и социально-антропологических исследований, получивших к тому времени широкое распространение как в Западной Европе, так и в США (М. Мид, Р. Бенедикт и др.). Сам Эриксон относил свои взгляды именно к этому направлению.

Главное место в творчестве Эриксона занимает проблема критериев психической нормы человека. С точки зрения Эриксона, проблема психического здоровья может быть разрешена только с учетом социальных детерминант человеческого существования. Эта связь между «внешним» и «внутренним» получает выражение в понятии «эго-идентичности» как выражении сбалансированности и адекватности психической организации. Основная же цель развития, по Эриксону, состоит в формировании личностью своей психосоциальной идентичности. Эриксон шел к новой концепции не теоретически, но через распространение опыта клинической

практики на другие области жизни: для него идентичность является и социологическим понятием, и частью психоаналитической теории Эго. В творчестве Эриксона реализуется принцип дополнительности психологической и социологической точек зрения на проблему развития индивида и общества. Эриксон использует понятие о «среднеожидаемом окружении» и существовании врожденной склонности к взаимной регуляции между индивидом и средой. Согласно Эриксону, не только среднеожидаемое окружение, в котором рождается ребенок, но и весь спектр таких окружений, все значимые отношения и соответствующие принципы социального порядка участвуют в развитии индивида. Это взаимная регуляция означает, что каждый индивид оживляет и воспроизводит каждый социальный институт, как только дорастает до него.

Важно заметить, что Эриксон не вписывается в общее русло неопрецидизма. К. Хорни, А. Кардинер, Г. Салливан, Э. Фромм тоже пытаются найти основы целостности человека. Но при этом они исходят из тезиса о том, что человек приспособляется к «враждебной» и репрессивной социальной среде, а потому и процесс адаптации неизбежно чреват психической патологией. Эриксон же, напротив, считает, что нормальная адаптация не только возможна, но социальная среда стремится поддержать процесс индивидуальной адаптации.

Теория развития личности

Психосоциальная теория развития, предложенная Эриксонем, объясняет развитие индивида через понятие *генетически социального характера*, отражающегося в понятии «идентичности». *Основой развития личности* у Эриксона является процесс *формирования личностной идентичности*, соответствующей каждой данной стадии развития и требованиям социокультурной среды. Концепция Эриксона не затрагивает напрямую структурно-функциональный аспект жизни общества, а имеет дело с внутренними, и тем не менее социально значимыми, характеристиками индивида. Человек выступает здесь как *субъект социализации*. Он может избирательно относиться к стандартам социализации, действовать самостоятельно, независимо от ожиданий других, т.е. творчески относиться к себе и к социальным институтам.

Эриксон считал, что *развитие личности* :

- есть целостный, неделимый процесс, охватывающий всю жизнь человека и включающий *восемь стадий* ;
- предполагает, что каждая стадия развития здоровой личности систематически связана со всеми другими стадиями;
- есть процесс, возрастными результатами которого выступают идентичности, «конфигурации идентификаций», а основным механизмом является идентификация. Этот механизм помогает индивиду овладеть окружающим миром и собственными силами. Постоянное обретение идентичности есть не только цель, но и условие дальнейшего полноценного развития;
- происходит посредством критических шагов – «*нормативных кризисов идентичности* », т.е. путем преодоления внутренних противоречий, выбора между патологическим и нормальным качеством, что ведет в продуктивном случае к усилению чувства внутреннего единства и способности двигаться дальше в соответствии со своими собственными стандартами и стандартами значимых для него людей. Кризис перехода от стадии к стадии, по Эриксону, есть переход к новым видам социальной активности, связанным с предшествующими стадиями;
- протекает в соответствии с этапами, предопределенными готовностью человеческого организма расширять круг значимых индивидов и институтов, осознавать их, взаимодействовать с ними. При этом динамической силой развития служит жажда социального признания. Внешний мир соответствует внутреннему миру ребенка не только в форме значимых связей, но также в форме интегрирующих принципов социального порядка. Каждый принцип

социального порядка связан с соответствующим социальным институтом. Таким образом, *структура общества и структура индивида тесно переплетены* ;

• подразумевает, что на каждой стадии могут складываться свойственные каждому возрасту *ритуализации* , связывающие индивида с социальным порядком, а также их патологические двойники – *ритуализмы* . Ритуализации – это модели поведения, посредством которых передаются культурные смыслы и значения. Ритуализмы – это ритуально выглядящие типы поведения, для которых характерно механическое повторение и бездушный автоматизм и которые уничтожают интегративную ценность социальной организации.

Стадии развития

1. **Младенчество** . Здесь происходит выбор между чувством *базисного доверия* и чувством *базисного недоверия* . Между этим двумя качествами должен установиться баланс, в котором преобладает положительное качество – доверие к миру и людям. Наиболее ярко ритуализация проявляется в том способе, каким мать и ребенок приветствуют друг друга. Во взрослом возрасте доверие преобразуется в способность верить и таким образом первая стадия развития обеспечивает воспроизводство религиозных институтов. Преобладание базисного недоверия будет выражаться по мере развития как препятствие в общении. По отношению к младенцу ритуализм проявляется в отсутствии контакта с ним, в бесконечных повторениях стереотипных телодвижений. В результате такого способа развития элементом взрослого ритуала становится идолопоклонство.

2. **Раннее детство** . Имеет место *конфликт между чувством автономии* и чувством *стыда* . На этой стадии возникает чувство свободы распоряжаться собой и ощущение чужого сверхконтроля. Последнее ощущение рождает устойчивую склонность к сомнению и стыду. Важно, чтобы эта склонность не возобладала и не появилось чрезмерного самосознания, которое может нарушить самооценку и препятствовать развитию. Институциональная гарантия автономии индивида – в принципах правопорядка. В повседневной жизни, так же, как и в судебных инстанциях – государственных и международных, – этот принцип определяет каждому его привилегии и ограничения, обязанности и права. Таким образом, чувство автономии, воспитывающееся у малыша и видоизменяющееся в процессе жизни, служит сохранению в экономической и политической жизни чувства справедливости, равно как и само поддерживается им.

3. **Игровой возраст** . *Инициатива выступает против чувства вины* . Инициатива прибавляет к автономии предприимчивость, планирование и стремление «атаковать» задачу. Опасность кроется теперь в чувстве вины, которое пробуждается из-за буйства движения, возникающего при овладении своим телом. На этой стадии ребенок быстро и жадно учится, приобретает навыки сотрудничества, стремительно взрослеет. Эриксон не рассматривает «трагедию» Эдипова комплекса, как З. Фрейд, а говорит о том, что при нормальном развитии этот конфликт разряжается в полезной совместной деятельности. Данная стадия задает направление движения к возможному и реальному, которое позволяет «мечты раннего детства» связать с целями активной взрослой жизни. Поэтому социальные институты предлагают детям этого возраста экономический слой культуры в образе взрослых, узнаваемых по своим функциям, достаточно привлекательным, чтобы заменить собой героев книжек с картинками.

4. **Школьный возраст** . Эта стадия отмечена противостоянием *трудолюбия* и чувства *неполноценности* . Нормально развивающийся ребенок учится завоевывать признание, занимаясь полезным нужным делом. Во всех культурах дети на этой стадии получают систематическое обучение. Именно на этой стадии общество должно предоставить ребенку возможности для понимания ролей, значимых в технологии и экономике этого общества. Поскольку трудолюбие предполагает способность к выполнению работы рядом и вместе с другими людьми, появляется и развивается *осознание технологического этоса культуры* .

Фундаментальная опасность этой стадии – ограничение человеком самого себя и сужение своих горизонтов до границ поля своего труда. Если он признает работу своей единственной обязанностью, а профессию и должность – единственным критерием ценности человека, то может легко превратиться в сверхконформиста, не рассуждающего раба техники и ее хозяев.

5. Подростковый возраст . На этой стадии человек выходит из детства, расширяет круг социального взаимодействия, происходит *выбор между идентичностью и ее смешением, неопределенностью* . Этот кризис Эриксон считает одним из самых важных в жизни человека, одним из самых драматичных в развитии личности. На данной стадии развития происходит объединение всех значимых идентификаций с точки зрения новых задач и требований к взрослому человеку, которые выдвигает общество. Для того чтобы стать взрослым, молодому человеку необходимо сформировать мировоззрение, которое поможет понять, кем он является в глазах других людей, какое место занимает в обществе. Подростковый ум – это идеологический ум. В поисках социальных ценностей, служащих основанием идентичности, подростки сталкиваются лицом к лицу с проблемами идеологии. По Эриксону, стать взрослым означает не только освоить современную технологию и осознанно включиться в свою социальную группу, но и научиться отвергать чуждое мировоззрение и чуждую идеологию.

Описывая эту стадию, Эриксон вводит понятие «**психосоциального моратория** ». Это период необходимой относительной и временной изоляции человека от социума, почти всегда добровольной. Это время обретения нового уровня психосоциальной идентичности, поиск места в жизни, равновесия между внутренними стремлениями и социальным статусом. В этот период индивид примеряет на себя все прошлые и предлагаемые обществом роли и идеологии. Молодые люди перед угрозой смешения идентичности ощущают тревогу, изолированность от мира, опустошенность и неспособность сделать выбор или принять решение. Это переживание, по Эриксону, обуславливает такие черты юношеской личности, как нетерпимость, склонность к образованию братств, клик, банд, готовность безоглядно следовать за лидером, предлагающим простые доктрины, даже ценой потери собственной индивидуальности. Поэтому для умов молодежи так привлекательны тоталитарные идеологические доктрины. Примечательно, что качества юноши, находящегося в поиске идентичности, напоминают определение авторитарной личности, предложенное Э. Фроммом.

6. Юность . «*Близость против изоляции* » – является началом зрелости индивида. Молодой человек готов к интимной близости, он способен отдать себя сотрудничеству с другими в конкретных социальных группах и обладает достаточной этической силой, чтобы твердо придерживаться групповой принадлежности. Опасность этой стадии – изоляция, т.е. избегание индивидом контактов, которые обязывают к близости. Тем не менее существуют формы партнерства, ограждающие обоих партнеров от необходимости столкнуться со следующим критическим событием – развитием генеративности. Отсюда сопутствующий социальный институт – брак, семья, сексуальные отношения, любовные отношения, дружба.

7. Зрелость . «*Генеративность против стагнации* » включает в себя такие понятия, как «продуктивность» и «креативность». Это заинтересованность в воспитании нового поколения. Зрелый человек обладает навыками участия практически в любом социальном взаимодействии, способен критически оценивать социальные нормы и ценности, а если необходимо, вырабатывать новые и на основе накопленного опыта воспитывать подрастающее поколение.

8. Старость . «*Целостность Эго против отчаяния* » – таков конфликт последней стадии. Целостность Эго означает накопленную уверенность, принятие своего единственного и неповторимого жизненного цикла, как чего-то такого, чему суждено было произойти. Поэтому для отдельного человека тип целостности, развитый его культурой или цивилизацией, становится «вотчиной души», и при этом, как утверждает Эриксон, смерть теряет свою мучительность. Отчаяние означает невозможность испытывать другие пути целостности, а также страх смерти.

Оценивая осуществленную работу, Эриксон признавал, что его периодизацию нельзя

рассматривать как теорию личности: это ключ к построению такой теории. Для социологии важно то, что Эриксон берет за основу периодизации жизненного пути *социальные переходы*, качественно меняющие положение, статус или структуру деятельности индивида. Эти поворотные пункты являются социально-типичными, общими для всех членов данного общества. Это возрастные, *нормативные жизненные кризисы*.

Зная типичную траекторию жизненного пути и особенности половозрастной стратификации данного общества, мы можем достаточно точно сказать, в каком именно возрасте человеку предстоит столкнуться с определенными проблемами, как эти проблемы переплетаются друг с другом, каковы типичные варианты их разрешения и т.д. (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Понятие идентичности в теории Э.Г. Эриксона

Идентичность для Эриксона – это типичная характеристика индивидов, составляющих общество. Вместе с тем, это не есть только социальная идентичность, это одновременно и индивидуальное качество, складывающееся как результат уникального биографического опыта, совмещающего в себе культурные особенности данного общества, его ценностной системы и общие черты социального взаимодействия. Это главная характеристика здоровой личности, она гарантирует адаптацию в сети межличностных отношений. Идентичность – продукт межличностного взаимодействия и одновременно условие его слаженного протекания, а также результат и условие нормального полного жизненного цикла отдельного человека и целых поколений. В этом понятии отразилась природа отношения человека к социокультурным ценностям, необходимым для воспроизводства общественного порядка.

Эго-идентичность – глубинный механизм целостности личности, ядро психосоциальной идентичности – вера в то, что собственная способность поддерживать внутреннюю тождественность и непрерывность соответствует тождественности и непрерывности того значения и образа, которые человек вызывает у других. Данная формулировка сопоставима с определением «зеркального Я» Ч.Х. Кули. Что касается *психосоциальной идентичности*, то в этом случае Эриксон описывает общее состояние, рождающееся на каждой стадии жизненного цикла. Оно показывает результат функционирования индивида в определенной системе социальных связей, качество вполне осознанное и включающее в себя непрерывность индивидуального опыта, идентификацию с групповым окружением, определение собственной социальной значимости через принятие или неприятие ролей, предлагаемых обществом. Если уйти от психологических формулировок и определить, какие смыслы включает данное понятие на уровне повседневного языка, то можно сказать, что понятие идентичности включает следующие значения: быть независимой личностью; обладать последовательностью характера; быть в ладу со своим телом; чувствовать себя удобно в отношении того, кто ты и что ты есть. Надо заметить, что личностная идентичность в понимании Эриксона – понятие чрезвычайно широкое, поскольку одновременно обозначает и характеристику человека, и индивидуальное переживание, и способ познания.

Аспекты идентичности:

- 1) *личностный*, отражающий жизненный опыт, организующийся в целостное Я;
- 2) *органический*, т.е. восприятие непреложной данности физического внешнего облика, задатков и способностей;
- 3) *групповой*, образующийся в результате участия индивида в различных социальных общностях, субъективное существование некоторой коллективной целостности, из которой индивид черпает свой статус;

4) *психосоциальный*, который дает человеку ощущение значимости своего бытия с точки зрения общества и объединяет предыдущие аспекты;

5) *экзистенциальный*, выражающий глубоко индивидуальную сторону идентичности – результат решения проблемы конечных смыслов существования (например, отношение к неизбежности смерти).

Таким образом, личностную идентичность Эриксона можно назвать связующим звеном между субъективной реальностью и объективной реальностью социального мира.

Экзистенциальный анализ личностной идентичности. Попытка встроить экзистенциальное измерение в свою теорию идентичности – следствие намерения Эриксона преодолеть доминирующую в классическом психоанализе естественнонаучную парадигму. Человеческая жизнь как она *является* (например, психотерапевту) должна быть, согласно Эриксону, *понята, истолкована*. Эриксон переосмысливает концепцию идентичности с точки зрения основного тезиса экзистенциализма о том, что жизнь есть сознательный выбор, и при этом человек должен нести ответственность за свой выбор и за свое существование. Он утверждает, что все аспекты человеческого развития имеют экзистенциальную ценность. Например, экзистенциальная ценность ситуации, когда младенец лежа ищет человеческое лицо, вновь проявляется во взаимодействиях, имеющих решающее значение: в опыте влюбленности, восприятии харизматической фигуры, а также в поиске «божественной поддержки». Эриксон разделяет экзистенциальное и психосоциальное развитие.

Формирование экзистенциальной идентичности отражает решение человеком экзистенциальных проблем: осознания конечности своей жизни, поиска смысла жизни и т.п. Таким образом, наряду с психосоциальной сферой, по Эриксону, важна и экзистенциальная сфера ценностей. Первая связана с социальной наукой и психотерапией и позволяет исцелять, вторая связана с религией и мировоззрением. Анализ экзистенциальной идентичности реализуется Эриксоном в исследованиях на ниве психоистории.

Психоисторический метод исследования личностной идентичности. Понятия теории жизненного цикла применялись Эриксонем к разнообразию клинических случаев и ситуаций, исторических фигур и биографий для более глубокого понимания человеческого развития. Теория идентичности применительно к проблеме исторического изменения раскрывается в биографических исследованиях о М. Лютере и М. Ганди, которые представляют собой приложение схемы развития идентичности к личной истории основоположника Реформации и индийского политического деятеля и вместе с тем используют потенциал психоанализа в рассмотрении проблем культуры.

В самом широком плане понятие идентичности означает нахождение личностью таких способов жизнедеятельности в своей конкретно-исторической эпохе, которые обеспечивают ей возможность разрешения своих внутренних конфликтов. *Основная задача психоистории* – установление соответствия между тенденциями социальных изменений в определенный исторический момент, исторически детерминируемых «психологической реальностью» и определенным типом взаимодействия лидера и масс. Эриксон смотрит на проблему социального изменения сквозь призму тех изменений в мироощущении выдающегося исторического деятеля, которые непосредственно связаны с процессом становления его личностной идентичности. Этим обусловлен и выбор объектов исследования: религиозные лидеры, харизматические фигуры, решавшие этические и идеологические вопросы современной им исторической ситуации. Поэтому социальное изменение связано для Эриксона в первую очередь с ломкой мировоззрения, изменением в идеологической картине мира, переформулировкой основных смыслов картины социальной реальности, наконец, с перестройкой сознания индивида.

Эриксон находит свой интерес в особой зависимости кризиса идентичности исторической личности от социально-психологического и идеологического кризиса ее эпохи. Харизматический лидер, благодаря своему особому складу характера, является «двигателем»

социально-исторического процесса. Этот особый склад определяется не только незаурядными индивидуальными характеристиками, но и чрезвычайно острым переживанием кризиса идентичности (на той или иной стадии развития: юношеский кризис идентичности у Лютера, кризис генеративности в зрелости у Ганди), который в свою очередь предопределяется необыкновенной моральной и психологической чувствительностью к проблемам эпохи. Таким образом, решая свой кризис, выдающийся человек решает кризис целых поколений, формируя новую идеологическую систему, диктующую новый образ жизни, более конструктивный в данных условиях. Рассматривая социальные изменения как необходимо связанные с харизматическим лидером, Эриксон предлагает и реальную методологию для изучения лидеров, деятелей, которые стоят у власти или могут прийти к власти.

По наблюдению Эриксона, все известные харизматические лидеры были в юности жертвами острого кризиса идентичности. Для них характерен длительный подростковый период, а также резкая перемена занятия в 20-летнем возрасте. Это не клинический случай, поскольку здесь самой причиной «болезни» выступает стремление к выздоровлению как радикальному обновлению, «второму рождению». Изобретение новой идеологии есть отчаянная попытка выйти из круга страдания из-за личностной неопределенности. Эриксон доказывает, что идентичность Лютера, сформулированная в его религиозной идеологии, привела к общему психосоциальному выздоровлению, поскольку предложила личностную идентичность, адекватную данному историческому времени. Созданная Лютером протестантская идентичность представляла собой суть социальных ожиданий и стремлений всех слоев немецкого общества. Эриксон не ставит вопроса об истинности теологических воззрений Лютера, он стремится на примере Лютера-богоискателя показать один из возможных методов использования господствующей религии как средства в борьбе за личное самоутверждение. Как считал Эриксон, Лютер изобрел идентичность взрослого *мужчины* – успешный священник, теолог, лектор, реформатор церкви и общества, Лютер предложил по сути «религиозность взрослого человека». Таким образом, *историческая идентичность личности*, по Эриксону, – это гармония присущих ей идей, образов и поступков с доминирующим в данную эпоху социально-психологическим образом человека.

По мысли Эриксона, исторические лидеры подразделяются на два типа:

- Истинные герои выживания, «*великие терапевты*», способные дать своим современникам новое и более широкое видение мира. Лидеров этого типа отличают преждевременные и крайне острые возрастные кризисы, а не только юношеский кризис. Можно сказать, что они проводят жизнь в состоянии непрерывного кризиса. Продолжателем традиций таких подлинных героев и великих «целителей» в наше время Эриксон называет М. Ганди.

- Политические, военные деятели, сужающие картину мира в рамках нового догматизма и разделяющие людей. Это *лидеры деструктивного типа*, такие, как А. Гитлер. Они пробуждают все деструктивные качества, дремлющие в человеке, решающие его социальные проблемы аномальным способом, не сулящим полноценного существования ни отдельному человеку, ни обществу в целом.

Ниже дан перечень *общих черт харизматических лидеров*, составленный Эриксоном на основе своих исследований о Ганди и Лютере:

- привязанность к отцу;
- чувство робости и неполноценности;
- преждевременное развитие самосознания в детстве;
- попытка сбросить с себя бремя своей судьбы;
- чувство избранности и особого высшего предназначения;
- убежденность в своей ответственности за некоторую часть человечества, способность служить ему;
- необычная моральная чувствительность, способность к ситуации постоянного выбора;
- (в случае с Ганди) женственные черты характера (способность проявлять заботу).

Для Эриксона исторический процесс – постоянная смена человеческих «культурных консолидаций», которые поддерживают свое существование с помощью устоявшейся организации социального опыта и общепринятой системы ценностей, гарантирующей членам «культурной консолидации» устойчивую экзистенциальную идентичность. Но если система теряет стабильность, а ценности – действенность, то социальная общность вступает в переломную эпоху, возникает вакуум идентичности. Причинами такого вакуума могут быть географические и научные открытия, изменение контуров бытия, крах религиозных систем, развитие экономики и коммуникации, появление новых видов оружия. Хотя Эриксон и уделяет много внимания экономическим факторам, но они не являются определяющими. Поэтому источник преодоления вакуумов идентичности Эриксон видит и в сфере формирования новых ценностей. Историческому творчеству высокоодаренной личности, которая в переломные моменты истории острее и глубже других ощущает изменение привычного «образа мира», Эриксон отводит главную роль в преодолении ценностно-нормативного вакуума социальной идентичности. *Новая историческая идентичность* – некий продукт не оформленных, не всегда осознаваемых социальных чувств, настроений и идей, которые «разлиты в воздухе». Именно укорененностью в «психологии эпохи» объясняет Эриксон социальный успех и широкий общественный резонанс созданного лидером мировоззрения. При этом наряду с харизматическим лидером, основной силой в психоистории выступают социально-психологические возможности молодого поколения. Опасность идеологических регрессов, по Эриксону, особенно велика тогда, когда «исторический момент», характеризующийся вакуумом идентичности, предлагает молодежи психопатического и деструктивного лидера. Так, социально-психологический стереотип солдата-завоевателя стал для немецкой молодежи символом национального возрождения.

Роль религии в формировании идентичности

В поздних работах Эриксон рассматривал развитие человека как необходимо связанное с религиозностью и религией. Нормальное развитие человека в концепции Эриксона подразумевает и определенное отношение к религии, и определенный тип религиозности. При этом центральной проблемой его концепции остается развитие и поддержание психосоциальной идентичности, и именно этим обусловлен интерес ученого к религии. В религиозном самоопределении личности Эриксон видит логическое завершение процесса достижения человеком своей личностной идентичности.

Эриксон рассматривал религию как социальный институт в связи с первой стадией развития человека – младенчеством. Качества, возникающие на этой стадии, способствуют воспроизводству религии как института, а религия, в свою очередь, способствует укреплению жизненно важных психических структур. Базисное доверие впоследствии будет фундаментом, на котором индивид будет устанавливать связь сначала со значимыми Другими (если воспользоваться терминологией Дж.Г. Мида в силу ее идейного сходства с концепцией Эриксона) далее, с обобщенным Другим, а затем и с Абсолютным Другим – Богом. По убеждению Эриксона, этот контакт с Абсолютным Другим должен с необходимостью состояться в жизни любого человека, поскольку, начиная с младенчества, в индивиде остается потребность в защите со стороны могущественного существа, осуществляющего *Заботу* о его судьбе.

Эриксон подчеркивал, что религия интересует его исключительно как источник идеологий для тех, кто находится в поисках идентичности. Эриксон подмечает сходный характер функций религии и идеологии. Как идеология необходима для формирования идентичности, так и религиозная идеология необходима для формирования экзистенциальной идентичности. Большинство людей заимствуют экзистенциальную идентичность из определенной религиозной традиции. Но есть люди, которые непосредственно «занимаются» экзистенциальными

проблемами – религиозные гении. Поэтому Эриксон рассматривает деятельность религиозных лидеров функционально: люди религии играют важную роль в обновлении религиозных идеологий, они устанавливают новый способ отношения к Богу. В этом смысле они помогают остальным принять экзистенциальную идентичность, необходимую для психосоциального развития.

Эриксон отходит от позиции психоанализа, заключающейся в том, что религия – способ защиты индивида от враждебного социального начала, подавляющего его природные инстинкты. Религия, наоборот, призвана объединять людей, способствовать полноценной групповой идентичности, обеспечивать круговорот поколений, снабжая подрастающие поколения продуктивными ценностными ориентирами для формирования личностной идентичности.

Э. Фромм: гуманистическая теория общества

С самого начала целесообразно рассмотреть теоретические расхождения Э. Фромма и основателя психоанализа З. Фрейда (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Теория Э. Фромма – сознательная и гуманистическая социологическая переработка гиперсексуализма З. Фрейда. Это изменение в теории Фромм осуществлял с помощью теории К. Маркса. Поэтому часто его концепцию называют *фрейдомарксизмом*. Действительно, Фромм находил много общего в мировоззренческих установках К. Маркса и З. Фрейда:

- Они оба критически относились к авторитетам, разоблачали общепринятые мнения. Для анализа «ложного сознания» Фрейд использует идею бессознательного с его принципами репрессии и сопротивления, а Маркс – понятие классовой идеологии, оправдывающей эксплуатацию и подавляющей свободу личности.

- Маркс утверждал, что живая, творческая сила труда превращается в мертвую, безличную силу денег. Родовые способности человека отчуждаются в религиях и идеологиях, образах богов и кумиров и становятся силами социального и экономического принуждения; Фрейд в свою очередь рассматривал индивидуальный невроз как самоотчуждение личности, выражающееся в навязчивых действиях и состояниях.

- Источником отчуждения для Маркса была экономическая эксплуатация, подкрепляемая насилием. Фрейд объяснял отчуждение давлением культуры на психику, подавлением первичных влечений.

- Драма человека с точки зрения обоих мыслителей состоит в неспособности понять истинную причину своего положения.

Фромм использовал идеи Маркса и Фрейда для обоснования программы гуманистического социализма, построения гуманистической науки о человеке.

Центральной в творчестве Э. Фромма можно считать *концепцию социального характера*, которая выражает проблему взаимодействия сущности и существования человека: проблему связи социально-экономических и психологических факторов. Это тип человека, его образ, ядро, которое общество навязывает человеку. *Человеческая природа* и *характер* осмысливаются Э. Фроммом через *экзистенциальные* и *исторические* дихотомии и человеческие потребности.

Потребности человека отражают его социальный характер и его подлинную природу. Любая потребность может удовлетворяться в зависимости от типа общества – продуктивным или патологическим способом. Основные человеческие потребности перечислены в табл. 3.3.

Таблица 3.3

Суть антропологии Фромма заключается в том, что спонтанность и разумность пересиливают инстинктивно-биологические черты человека. Человек, с одной стороны, биологически predetermined и неизменная сущность, а с другой стороны – существо активное и социальное: источник потребностей – не природа, а общество. Поэтому появление человека – регресс животного, утрата биологических инстинктов и биологических механизмов адаптации к среде, в результате чего появляется сознание как компенсация за утрату этих биологических механизмов. Человек одновременно и принадлежит природе, и возвышается над ней, результатом чего является утрата гармонии. Отсюда два пути – регрессивный и прогрессивный: установить новое отношение к миру или вернуться в животное состояние.

Человеческие потребности, о которых говорит Фромм, можно назвать экзистенциальными, поскольку каждая из них связана с особенностями существования человека, с «человеческой ситуацией». Экзистенциальные потребности отличаются от любых других тем, что:

- никогда не могут быть *полностью* удовлетворены;
- разрешаются под знаком разума и свободы;
- характеризуют только человека и свидетельствуют о психическом здоровье, а их отсутствие – о патологии.

По мнению Э. Фромма, человек не может удовлетвориться добросовестным исполнением социальной роли, он выходит за границы социальных ролей. Социальная жизнь связана не столько с социальными и классовыми противоречиями, сколько с экзистенциальными дихотомиями, сопутствующими человеческой природе. Они принципиально неразрешимы, поэтому человек всегда находится в состоянии неудовлетворенности, ощущает противоречивость бытия, что заставляет его творить, искать, познавать. Человеческая ситуация всегда остается открытой, проблематичной.

Экзистенциальные дихотомии :

- между жизнью и смертью;
- кратковременность жизни человека не позволяет полностью реализовать все возможности и способности, даже при наличии благоприятных условий;
- стремление к неограниченному взаимопониманию и доверию.

В жизни человека и общества существуют и *исторические дихотомии*, или противоречия. Они не являются необходимой частью человеческого существования, создаются человеком и им же разрешаются. В отличие от экзистенциальных, эти дилеммы, по мысли Фромма, могут быть преодолены: социальные условия могут быть изменены, у человека есть выбор, и он может сделать его в сторону истины.

Теория социального характера Э. Фромма

В основе теории социального характера лежит вопрос: *какие мотивы поведения, распространенные в массе людей, поддерживают данную социальную систему, а какие ее разрушают?* Фромм рассматривает определенный тип социального характера в качестве связующего звена между личностью и обществом, в нем связываются разные сознательные и бессознательные установки. Социальный характер по Фромму – заместитель животных инстинктов. Он социален по происхождению, встроен в личность и обладает для нее принудительной силой. Подчиняясь влечениям характера, люди желают того, что хочет от них общество, и не принимают того, что противоречит общественной идеологии. Социальный характер обуславливает удовлетворение человеческих потребностей тем способом, который выгоден обществу. Этим поддерживается устойчивость в отношениях людей, надежность в

выполнении ими своих обязательств. Социальный характер опирается на бессознательный, иррациональный базис. Он является более эффективным и надежным средством, чем нравственный долг и принуждение. Характер как инструмент социального контроля мало зависит от интеллектуального и нравственного развития, образовательного уровня личности и обеспечивает быстрое, почти автоматическое реагирование на ситуации определенного типа. Характер может быть *продуктивным или непродуктивным, здоровым или невротическим* – безотносительно к типу общества. Первый побуждает к творчеству, осознанию ответственности, любви. Второй – изолирует от людей, заводит в духовный тупик.

Как формируется социальный характер?

Уже в раннем детстве рождаются бессознательные мотивы и комплексы. Их специфика зависит от системы воспитания. Та или иная степень заботы, особенно материнской, формы наказаний и поощрений определяют черты характера. Например, избыточная забота или опека затрудняют взросление, формируют пассивный, зависимый тип личности, но главным источником черт характера Фромм считает опыт жизни в условиях той или иной социальной системы. Тоталитарное государство воспитывает авторитарную личность. Эта личность действует эффективно только в системе господства-подчинения. Конечно, при любой системе в силу разнообразия исходных темпераментов и условий микросреды формируются личности различного типа. Однако характеры, не отвечающие требованиям социальной системы, либо разрушаются, либо оказываются на периферии данного общества.

Э. Фромм обращает внимание на следующие *функциональные особенности* социального характера:

- *регулятивная роль в структуре психики* – установки и ориентации характера регулируют удовлетворение естественных потребностей и инстинктов; действуя в соответствии с характером, человек чувствует себя живым, свободным, даже если с точки зрения другого человека он находится в рабском положении;

- *функция социального контроля и самоконтроля* ;

- *воспроизводство* социальной системы;

- *установки социального характера соответствуют иерархии общественных ценностей* – для людей определенной культуры удовлетворение установок социального характера является настоящей потребностью и, если каналы разрядки энергии отсутствуют, то возрастает напряженность и возможен социальный взрыв;

- *информационная функция социального характера* – ориентации характера направляют работу интеллекта: одна информация воспринимается легко, другая – отталкивается и искажается. Усваиваются те идеи, которые подкрепляют существующие верования и привычки. Фашистский миф легко воспринимался потому, что отвечал бессознательным стремлениям и надеждам.

Социальный характер имеет тенденцию воспроизводиться по инерции, даже утратив свою функциональность.

Социальный характер является продуктом различных идеологий и религий, в которых закреплены мировоззренческие позиции, смысложизненные установки и убеждения. Поэтому для того, чтобы создать новое общество, нужно создать новый тип человека. Человек по Фромму – не добрый и не злой, все зависит от социальных условий, но прогрессивной социальной системы не создано: все существовавшие исторически типы социального характера – деформации продуктивного характера человека.

Таким образом, поведение человека в основном определяется, по Фромму, социальным характером. Бессознательная основа социального характера позволяет синтезировать в нем ориентации различного и даже противоположного типа. Будучи деятельной и стабилизирующей силой в условиях своей культуры, тот же самый характер может стать тормозом развития и деструктивным фактором в чуждой ему культурной среде.

Социальный характер в капиталистическом обществе (по Э. Фромму)

Социальный характер, порожденный современным капиталистическим обществом, обладает следующими чертами:

- конкурентностью;
- накопительством;
- эксплуататорством;
- авторитаризмом;
- агрессивностью.

Эпоха раннего капитализма способствовала формированию в людях таких качеств, как рациональность, предусмотрительность, твердость в достижении цели, точность, аккуратность в делах, способность к самоограничению. Этот комплекс черт обеспечивал быстрое обогащение, рост положения в обществе. Рассматривая роль социального характера в генезисе фашизма, Фромм анализирует *садомазохистский авторитарный характер* мелкого собственника, сочетающий в себе стремление к господству и подчинению. Этот характер возник отчасти под влиянием экономических отношений эпохи первоначального накопления капитала, а также под влиянием протестантской трудовой этики. Распространенность и устойчивость этого характера объяснялась не только его экономической эффективностью, но также тесной связью с учением Кальвина о предопределении. Следствием этой тоталитарной протестантской этики стали, по мнению Фромма, такие черты социального характера, как невротическая активность и комплекс неполноценности. Эти чувства компенсируются с помощью:

- стремления к господству, эксплуатации окружающего мира – природы, людей, ресурсов, знаний;
- подчинения богатому и власть имущему;
- «бегства в работу».

Однако такой социальный характер был эффективен лишь в условиях свободной конкуренции и относительно стабильной экономики. Но после Первой мировой войны оказалось трудным перестроиться на новые ценности. Возникает фашизм, который предлагает массовому сознанию символы, компенсирующие утраченные ценности. Стремление к господству находит выражение в чувстве принадлежности к арийской расе, стремление к подчинению – в культе фюрера, в идее долга перед нацией. Высшее призвание – строительство нового порядка, «тысячелетнего рейха».

Бегство от свободы и понятие авторитарной личности. Фромм первым сформулировал понятие «авторитарной личности», которое было взято на вооружение учеными Франкфуртской школы и до сих пор используется историками, социологами и психологами в объяснении тенденций современного общества.

Авторитарная личность в теории Э. Фромма – это:

- *основа всех тоталитарных режимов*, формируется в патриархальной семье и служит опорой тоталитарного режима; *авторитарный человек – человек толпы*;
- человек, основная черта которого – *самоидентификация с авторитетом* и утверждение через эту идентификацию своей силы и привилегированности;
- *садомазохистский социальный характер* – сочетание мазохистской установки – стремления избавиться от собственной личности и садистской установки – стремления полностью овладеть другим человеком, поработить его. Результат – чрезвычайная зависимость и от своих жертв, и от своих палачей.

Бегство от свободы – основной способ существования авторитарной личности, это тенденция отказа от независимости своей личности, слияния своего Я с кем-нибудь или чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду. Механизмы бегства от свободы: *авторитаризм, разрушительность, автоматический конформизм*. Бегство от свободы – феномен ухода человека от ответственности, боязнь трезво и

мужественно осознать свои проблемы. Это бегство от разума, попытка укрыться под сенью мифов и идеологий. Каждый шаг по пути культуры и свободы не только увеличивает творческий потенциал человека, но и рождает чувства страха, покинутости, бессилия. Душевно здоровый человек обладает мужеством быть собой и совершать выбор, он не пытается избежать сложностей жизни и спрятаться от ответственности в тени авторитета.

С помощью психоанализа Фромм обнаруживает, что за разными идеологиями, такими, как кальвинизм, фашизм и коммунизм, стоят глубинные сходные умонастроения, и вырастают они на основе авторитарного типа личности. Для такой личности характерно стремление к власти, готовность подчиниться силе, авторитету, неспособность к любви и свободному мышлению, комплекс неполноценности, страх и агрессивность.

Фромм пишет, что капиталистическое общество способствует все большему отчуждению человека от своей подлинной природы и от других людей. Фромм использует понятие «просвещения» в духе идей Франкфуртской школы, описывая колоссальный размах разрушительных тенденций, кризис современной цивилизации. В этой ситуации нужна новая психология, новая социальная наука, которая помогала бы строить здоровое общество и воспитывать творческую, жизнелюбивую, гуманистически ориентированную личность.

Гуманистический психоанализ должен стать основой планирования и новой организации общества. Психоаналитическое просвещение направлено на понимание душевной реальности, лежащей за общепринятыми нормами и представлениями. Подлинное просвещение ориентировано не только психоаналитически, но и экзистенциально.

Оно не требует установления единого образа жизни, одинаковой политической и социальной системы, но *предполагает единое понимание подлинного и неподлинного бытия человека*. Это разграничение конкретизируется рядом экзистенциальных дихотомий:

- здорового и больного общества;
- любви к жизни и любви к смерти (биофилия и некрофилия);
- авторитарной религии и этики и гуманистической религии и этики;
- агрессивно-деструктивной и любовно-творческой ориентации характера.

Иными словами, разграничением двух способов бытия: «быть» и «иметь». Здоровый, подлинный способ жизни предполагает свободу разума, восприимчивость к чужим страданиям и радостям, любовь к другим и самому себе. Человек должен «быть» – быть самим собой при любых обстоятельствах и совершать свой выбор. Такой человек не пытается решить свои проблемы за счет других, избежать мучительности выбора, спрятаться под сенью авторитета, переложить на него ответственность.

Взгляды Фромма на *пути и задачи преобразования капиталистического общества* в основном совпадают с позицией радикальных гуманистов:

- производство должно служить человеку, а не экономике;
- отношения между человеком и природой должны строиться на кооперации, а не на эксплуатации;
- антагонизмы повсюду должны быть заменены отношениями солидарности;
- высшей целью всех социальных мероприятий должно быть человеческое благо и предотвращение человеческих страданий;
- должно быть не максимальное, а лишь разумное потребление, служащее здоровью и благосостоянию человека;
- каждый человек должен быть заинтересован в активной деятельности на благо других людей и вовлечен в нее.

Таким образом, можно составить представление о том *образе общества*, который просматривается во всех работах Э. Фромма:

- *общество* – изменяющееся целое, в котором *возможен прогресс*. Бессознательное – результат «плохого», репрессивного общества; в гармоничном обществе бессознательное исчезает – инстинкты реализуются через потребности;

- *больное общество рождает больных людей*: садомазохистский характер – результат неспособности вынести изоляцию, одиночество в буржуазном обществе;
- человек подавлен общественными отношениями, но *способен освободиться, изменить социальную жизнь* ;
- *идеал общества* – коммунитарный социализм, *идеал человека* – продуктивный социальный характер (творчество и спонтанность в любви и работе);
- достижение социального идеала и идеала человека возможно с помощью гуманистической социальной терапии через *духовную революцию* (общество должно существовать ради блага каждого своего члена), через *спонтанную любовь и труд* .

Духовная революция становится возможной потому, что в каждом обществе и у каждого человека есть не только чувство вины, но и чувство справедливости, которое поможет людям построить нормальное общество. В нормальном обществе свобода превращается в подлинную свободу – свободу творчества. Духовная революция также подразумевает создание *религии всеобщей любви* . Э. Фромм называет *религией* любую систему взглядов и действий, которая служит источником жизненных ориентаций и объектом поклонения. Религии существовали и будут существовать всегда. Главный вопрос с точки зрения Фромма заключается в том, какая религия завладеет умами людей, и насколько она будет способствовать разрыванию человеческих сил.

Фромм различает *гуманистические* и *авторитарные религии* . Кальвинизм авторитарен, поскольку внушает человеку страх, покорность, чувство самоуничижения, а Бога трактует как источник власти и силы. В этой системе религиозных взглядов отсутствует материнское начало (культ девы Марии), исчезает и идеал христианской любви, милосердия, сострадания. Авторитарные религии (идеологии типа фашизма и сталинизма) являются непродуктивными ответами на религиозную потребность. Им присущи: догматизм, закрытость, поклонение отчужденным свойствам человека, страх, ненависть, садистские и мазохистские наклонности.

Религиозный идеал Фромма – раннее христианство, которое утрачивается с приходом протестантизма. Раннее христианство отрицало идолопоклонничество, оно было подлинно *гуманистическим* . Гуманистическое христианство требует развития разума, свободной воли, любви. Добродетель состоит не в послушании, а в самореализации. Преобладающим настроением гуманистической религии является радость, а не чувство вины. Бог есть символ самого человека, а не чьей-то власти над ним.

Тип религии определяется, по мнению Фромма, *типом общества* . Там, где управляет могущественное авторитарное меньшинство, держащее массы в повиновении, человек охвачен страхом, неспособен к сильному и независимому чувству. Его религиозный опыт оказывается авторитарным. В свободном демократическом обществе человек сам будет отвечать за свою судьбу и развивать гуманистическое религиозное сознание. Гуманистическая религия должна в полной мере выразить сущность человека как свободного, разумного, любящего существа, но вместе с тем страдающего, зависимого. Признаками такой религии являются:

- способность ощущать жизнь как проблему;
- стремление к саморазвитию;
- признание человека основанием системы ценностей;
- открытость миру и сопричастность всему сущему;
- освобождение от эгоизма и алчности;
- способность к любви и творчеству, независимому свободному познанию;
- надежда, мужество, сострадание.

Библиография

Первоисточники

- Фромм Э.* Характер и социальный процесс // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М., 1982. С. 48–54.
- Фромм Э.* Иметь или быть? – М., 1990.
- Фромм Э.* Пути больного общества // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. С. 443–482.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. – М., 1990.
- Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М., 1993.
- Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М., 1995. С. 273–596.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
- Хорни К.* Культура и невроз // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М., 1982. С. 118–126.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М., 1993.
- Хорни К.* Недоверие между полами // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 125–131.
- Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная концепция невроза // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М., 1995. С. 191–272.
- Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. – СПб., 1997.
- Эриксон Э.Г.* Проблема эго-идентичности // Реферативный журнал. Сер. «Социология». 1991. № 1. С. 173–200; № 2. С. 155–172.
- Эриксон Э.Г.* Жизненный цикл: эпигенез идентичности // Архетип. 1995. № 1. С. 105–114.
- Эриксон Э.Г.* Первый психоаналитик // Архетип. 1996. № 1. С. 89–98.
- Эриксон Э.Г.* Детство и общество. – СПб: Фонд «Университетская книга», 2000.
- Эриксон Э.Г.* Идентичность: Юность и Кризис. – М.: Прогресс, 1996.
- Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. – М.: Медиум, 1996.

Критическая литература

- Буржуазные психоаналитические концепции общественного развития. Реферативный сборник / Под ред. Д.Н. Ляликова. – М.: ИНИОН РАН, 1980.
- Давыдов Ю.Н.* Человек вожделеющий «левый» фрейдизм и «общество потребления» // Социологические исследования. 1977. № 2.
- Добренков В.И.* Неофрейдизм в поисках «истины». Иллюзия и заблуждения Эриха Фромма. – М., 1974.
- Лейбин В.* Карен Хорни. Тихий бунтарь в психоанализе // Вопросы психологии. 1980. № 4. С. 164–165.
- Лейбин В.* Психоаналитическая трактовка человека // Концепция человека в современной западной философии. – М., 1988. С. 72–92.
- Ляликов Д.Н.* Психоанализ и проблемы современного буржуазного общества. – М., 1985.
- Овчаренко В.И., Грицанов А.А.* Неофрейдистские концепции // История социологии. – Минск, 1993. С. 189–201.
- Руткевич А.М.* «Психоистория» Э.Г. Эриксона // Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. – М. 1996. С. 3–22.
- Флоренская Т.А.* Социологизация фрейдизма в теориях личности К. Хорни и Г.С. Салливена // Вопросы психологии. 1974. № 3.

Дополнительная литература

Браун К.-Х. Психология Фрейда и постфрейдисты. – М., 1997.

Гуревич П. Человек в аванюре саморазвития // Э. Фромм. Психоанализ и этика. – М., 1993. С. 5–15.

Давыдов Ю.Н. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. – М., 1978. Гл. 2. С. 155–187.

Лейбин В., Ранкур-Лафеттер Д. Психоанализ в жизни общества. Актуальное интервью // Общественная жизнь за рубежом. 1991. № 12. С. 37–43.

Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб; М., 1997.

Райх В. Массовая психология фашизма // Архетип. 1995. № 1. С. 91–97.

Руткевич А.М. Психоанализ. – М., 1997.

Функ Р. Эрих Фромм. Страницы документальной биографии. – М., 1991.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Охарактеризуйте общую направленность концепций представителей психоаналитической ориентации в социологии.

2. В чем их можно назвать продолжателями дела Фрейда, а в чем нет? Перечислите основные положения З. Фрейда, которые все неофрейдисты подвергали критике.

3. Какие понятия и положения социальной философии и психологии З. Фрейда неофрейдисты использовали или оставили неизменными при построении своих теорий?

4. Почему многие понятия и концепции неофрейдистов интересны для социологов? Назовите некоторые из них. Используются ли они в наши дни в социологической теории?

5. Чем, по К. Хорни, невротик отличается от нормального человека?

6. Какую роль в жизни человека играет его социокультурное окружение, с точки зрения К. Хорни? Виновата ли культура в психологических отклонениях и внутренних конфликтах человека?

7. Каким образом нужно учитывать культурные условия при определении психического состояния человека?

8. Опишите невротическую личность нашего времени, по К. Хорни.

9. Какие культурные условия американской культуры способствуют возникновению типичных неврозов?

10. Существуют ли способы преодоления типичных неврозов?

11. Что такое социальный характер, по Э. Фромму? Каковы его основные функции в обществе?

12. Опишите типы социального характера.

13. За что критикует Э. Фромм современное ему капиталистическое общество?

14. Можно ли достичь, по Э. Фромму, совершенных социальных условий, в которых развернулась бы подлинная природа человека? Каковы пути создания нового общества? Согласен ли Фромм с К. Марксом в вопросах преобразования капиталистического общества?

15. Почему теорию Э. Фромма часто называют «фрейдомарксизмом»? Почему сам Фромм называл свою позицию «нормативным гуманизмом»?

16. Раскройте концепцию авторитарной личности Фромма. Почему этот тип характера Фромм называет садомазохистским?

17. Опишите механизмы «бегства от свободы», которые определил Э. Фромм.

18. Каковы источники творчества Э. Эриксона?

19. Опишите стадии развития человека, по Эриксону. Назовите основные механизмы развития. В чем новаторство теории развития человека Э. Эриксона?

20. Что такое психосоциальная идентичность в теории Эриксона?

21. В чем суть кризиса идентичности, по Эриксону? Является ли кризис идентичности следствием определенных социокультурных условий, в которых живет человек? Кризис идентичности – норма или патология?

22. В чем функциональная роль кризиса идентичности выдающейся личности для общества? Раскройте психоисторическую перспективу творчества Э. Эриксона.

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«Когда мы сосредоточиваем наше внимание на сложившихся к данному моменту проблемах невротика, мы осознаем при этом, что неврозы порождаются не только отдельными переживаниями человека, но также теми специфическими культурными условиями, в которых мы живем. В действительности культурные условия не только придают тот или иной вес и окраску индивидуальным переживаниям, но в конечном итоге определяют их особую форму» (Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – СПб., 2002. С. 5).

«Используя более глубоким образом открытия антропологов, нам приходится признать, что некоторые из наших представлений о человеческой природе являются довольно наивными; например, мысль о том, что конкуренция, детское соперничество в семье, родство между привязанностью и сексуальностью – явления, неотъемлемо присущие человеческой природе. Мы приходим к нашим представлениям о нормальности через одобрение определенных стандартов поведения и чувств внутри определенных групп, которые налагают эти стандарты на своих членов. Но стандарты видоизменяются в зависимости от культуры, эпохи, класса и пола... Результатом всего этого является подтверждение того, что уже неоднократно утверждалось некоторыми социологами: не существует некоей “нормальной психологии”, одинаково справедливой для всего человечества» (Там же. С. 12–13).

«Оставляя в стороне картину внешних проявлений и обращаясь к рассмотрению движущих сил, участвующих в порождении неврозов, можно обнаружить один существенно важный фактор, общий для всех неврозов. Им является тревога и те защиты, которые выстраиваются против нее. Какой бы запутанной ни была структура невроза, тревога является тем мотором, который запускает невротический процесс и поддерживает его течение» (Там же. С. 16).

«Жизненные условия в каждой культуре порождают некоторые страхи... Невротик, однако, не только разделяет страхи, общие всем людям в данной культуре, но и вследствие условий своей индивидуальной жизни, которые переплетены с общими условиями, он также испытывает страхи, которые качественно и количественно отличаются от страхов определенного культурного образца.

Для отражения страхов, существующих в данной культуре, в общем имеются определенные способы защиты (такие, как табу, ритуалы и обычаи)... нормальный человек, хотя ему свойственны страхи и защиты своей культуры, будет в целом вполне способен раскрыть свои потенциальные возможности и получить удовольствия, которые ему может предложить жизнь. Нормальный человек может наилучшим образом воспользоваться возможностями, предоставляемыми ему в культуре. Невротик, с другой стороны, всегда страдает больше, чем нормальный человек. Вследствие указанного различия ему неизменно приходится платить за свои защиты чрезмерную плату, заключающуюся в ослаблении его жизненной энергии и дееспособности или, в особенности, в ослаблении его способности к достижениям и получению удовольствия. В действительности невротик – человек, постоянно страдающий» (Там же. С. 18–19).

«Имеется еще один существенно важный признак невроза, и он заключается в наличии конфликта противоположных тенденций, существование которых, или, по крайней мере, их точное содержание, сам невротик не осознает и в отношении которых он произвольно

пытается найти некие компромиссные решения. Отличие невротических конфликтов от обычно встречающихся в данной культуре конфликтов заключается не в их содержании и не в том, что они в своей основе являются бессознательными... а в том, что у невротика конфликты более резко выражены и более остры.

...невроз является психическим расстройством, вызываемым страхами и защитами от них, а также попытками найти компромиссные решения конфликта разнонаправленных тенденций. По практическим причинам целесообразно называть это расстройство неврозом лишь в том случае, когда оно отклоняется от общепринятого в данной культуре образца» (Там же. С. 20).

«...мы можем поставить вопрос: обладают ли сегодняшние невротики существенными общими чертами, которые позволили бы нам говорить о “невротической личности нашего времени”... при анализе самых разнообразных типов личностей, страдающих различными типами неврозов, разных по возрасту, темпераменту и интересам, выходцев из различных социальных слоев, я обнаружила, что содержание динамически центральных конфликтов и их взаимосвязи являются существенно сходными во всех из них... Так что, говоря о невротической личности нашего времени, я имею в виду не только то, что у людей, страдающих неврозами, имеются существенно важные общие особенности, но также и то, что эти базисные сходства в своей основе вызываются трудностями, существующими в наше время и в нашей культуре» (Там же. С. 23–24).

«Многие читатели, столкнувшись с конфликтами и отношениями, о которых они знают из собственного опыта, могут спросить себя: невротик я или нет? Наиболее достоверный критерий состоит в том, ощущает ли человек себя скованным препятствиями, создаваемыми его конфликтами, может ли он правильно воспринимать и преодолевать их.

Когда мы осознаем, что в нашей культуре невротики движимы теми же самыми основными конфликтами, которым подвержен также и нормальный человек, хотя и в меньшей степени, мы снова сталкиваемся с вопросом...: какие условия в нашей культуре ответственны за то, что неврозы сосредотачиваются вокруг описанных мной специфических конфликтов, а не вокруг других?» (Там же. С. 213–214).

«Родители, которые имеют дело с развитием нескольких детей, должны жить в постоянной готовности принять вызов и должны развиваться вместе с ними. Мы искажем ситуацию, если резюмируем ее таким образом, будто считаем, что родитель “обладает” такой-то личностью в момент рождения ребенка и далее пребывает в статическом состоянии, сталкиваясь с бедным маленьким созданием.

Ибо это слабое и изменяющееся крохотное существо заставляет расти вместе с собой всю семью... Фактически можно сказать: семья воспитывает малыша благодаря тому, что воспитывается им. Какие бы образцы реакций ни задавались биологически и какой бы график ни предопределялся эволюционно, мы должны считаться с тем, что существует ряд потенциальных возможностей для изменения характера взаимного регулирования» (Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 2000. С. 58).

«Первым социальным достижением младенца... оказывается его готовность без особой тревоги или гнева переносить исчезновение матери из поля зрения, поскольку она стала для него внутренней уверенностью и внешней предсказуемостью. Такая согласованность, непрерывность и тождественность личного опыта обеспечивает зачаточное чувство эго-идентичности, зависящее, я полагаю, от “понимания” того, что существует внутренняя популяция вспоминаемых ощущений и образов, которые прочно увязаны с внешней популяцией знакомых и предсказуемых вещей и людей» (Там же. С. 235).

«...общее состояние доверия предполагает не только то, что малыш научился полагаться на тождественность и непрерывность внешних кормильцев, но и то, что он может доверять себе и способности собственных органов справляться с настойчивыми побуждениями и потому вправе считать себя настолько надежным, что этим кормильцам не потребуется быть настороже, чтобы их не укусили» (Там же. С. 236).

«...степень доверия, вынесенного из самого раннего младенческого опыта, зависит не от абсолютного количества пищи или проявлений любви к малышу, а скорее от качества материнских отношений с ребенком. Матери вызывают чувство доверия у своих детей такого рода исполнением своих обязанностей, которое сочетает в себе чуткую заботу об индивидуальных потребностях малыша с непоколебимым чувством верности в пределах полномочий, вверенных им свойственным данной культуре образом жизни. Возникающее у ребенка чувство доверия образует базис чувства идентичности, которое позднее объединяет в себе три чувства; во-первых, что у него “все в порядке”, во-вторых, что он является самим собой и, в-третьих, что он становится тем, кого другие люди надеются в нем увидеть» (Там же. С. 237).

«При описании возрастного развития и кризисов человеческой личности... (таких как “доверие против недоверия”) мы прибегаем к помощи термина “чувство” (sense of), хотя подобно “чувству здоровья” или “чувству нездоровья” такие “чувства” пронизывают нас от поверхности до самых глубин, наполняют собой сознание и бессознательное. В таком случае, они одновременно выступают и способами переживания опыта (experiencing), доступными интроспекции, и способами поведения, доступными наблюдению других, и бессознательными внутренними состояниями, выявляемыми посредством тестов и психоанализа» (Там же. С. 239).

Характеристика результатов развития на второй стадии жизненного цикла: «Из чувства самоконтроля, как свободы распоряжаться собой без утраты самоуважения, берет начало прочное чувство доброжелательности, готовности к действию и гордости своими достижениями; из ощущения утраты свободы распоряжаться собой и ощущения чужого сверхконтроля происходит устойчивая склонность к сомнению и стыду» (Там же. С. 242).

«Мы определили соотношение между базисным доверием и институтом религии. Постоянная потребность индивидуума в том, чтобы его воля переподтверждалась и определялась в размерах внутри взрослого порядка вещей, который в то же самое время переподтверждает и устанавливает размеры воли других, имеет институциональную гарантию в *принципе правопорядка*» (Там же. С. 242).

Характеристика третьей стадии жизненного цикла, которая соответствует эдиповой стадии в теории З. Фрейда: «...“эдипова” стадия имеет своим результатом не только введение деспотического морального чувства, ограничивающего горизонты дозволенного; она также задает направление движения к возможному и реальному, которое позволяет связать мечты раннего детства с целями активной взрослой жизни. Поэтому социальные институты предлагают детям этого возраста экономический этос в образе идеальных взрослых, узнаваемых по своей особой одежде и функциям и достаточно привлекательных, чтобы заменить героев книжек с картинками и волшебных сказок» (Там же. С. 247).

Четвертая стадия: «...латентная стадия – это наиболее решающая в социальном отношении стадия: поскольку трудолюбие влечет за собой выполнение работы рядом и вместе с другими, здесь появляется и развивается осознание технологического этоса культуры... фундаментальная опасность – ограничение человеком самого себя и сужение своих горизонтов до границ поля своего труда... Если он признает работу своей единственной обязанностью, а профессию и должность – единственным критерием ценности человека, то может легко превратиться в конформиста и нерассуждающего раба техники и ее хозяев» (Там же. С. 249).

«...в отрочестве и ранней юности все тождества и непрерывности, на которые это полагалось до этого, снова в той или иной степени подвергаются сомнению вследствие интенсивности физического роста, соизмеримого со скоростью роста тела ребенка в раннем возрасте, усугубляемой добавившимся половым созреванием. Растущих и развивающихся подростков, сталкивающихся с происходящей в них физиологической революцией и с необходимостью решать реальные взрослые задачи, прежде всего заботит то, как они выглядят в глазах других в сравнении с их собственными представлениями о себе, а также то, как связать роли и навыки, развитые и ценимые ранее, с профессиональными прототипами дня

сегодняшнего» (Там же. С. 250).

«Интеграция, теперь уже имеющая место в форме эго-идентичности, есть нечто большее, чем сумма детских идентификаций... В таком случае чувство идентичности эго есть накопленная уверенность в том, что внутренняя тождественность и непрерывность, подготовленная прошлым индивидуума, сочетается с тождественностью и непрерывностью значения индивидуума для других, выявляемого в реальной перспективе “карьеры”» (Там же. С. 250).

«Опасность этой стадии заключается в смешении ролей... в большинстве случаев жизнь отдельных молодых людей осложняется неспособностью установить именно профессиональную идентичность. Чтобы сохранить себя от распада, они временно сверхидентифицируются (до внешне полной утраты идентичности) с героями клик и компаний... Ибо подростки, формируя клики и стереотипизируя себя, свои идеалы и своих врагов, не только помогают друг другу справляться с тяжелым положением, в которое они попали, но к тому же извращенно испытывают способность друг друга хранить верность. Готовность к такому испытанию объясняет также и ту привлекательность, которую простые и жестокие тоталитарные доктрины имеют для умов молодежи тех стран и социальных классов, где она утратила или утрачивает свою групповую идентичность (феодалную, аграрную, родовую, национальную) и сталкивается с глобальной индустриализацией, эмансипацией и расширяющейся коммуникацией» (Там же. С. 250–251).

Характеристика шестой стадии социализации: «...новоиспеченный взрослый, появившийся в результате поисков и упорного отстаивания собственной идентичности, полон желания и готовности слить свою идентичность с идентичностью других. Он готов к близости или, по-другому, способен связывать себя именованными отношениями интимного и товарищеского уровня и проявлять нравственную силу, оставаясь верным таким отношениям, даже если они могут потребовать значительных жертв и компромиссов» (Там же. С. 252).

«Однажды Фрейда спросили, что, по его мнению, обычному человеку следовало бы уметь хорошо делать. Спрашивавший, вероятно, ожидал пространного ответа. Но, как утверждают, Фрейд в отрывисто-грубой стариковской манере сказал: “Любить и работать” (“Lieben und arbeiten”). Краткость окупается возможностью размышлять над этой простой формулировкой: она обретает глубину по мере того, как мы думаем над ней... Он имел в виду общую плодотворность работы, которая не поглощала бы индивидуума до такой степени, когда он теряет способность быть генитальным и любящим существом» (Там же. С. 253).

Седьмая стадия: «Модное упорство в преувеличении зависимости детей от взрослых часто закрывает от нас зависимость старшего поколения от младшего. Зрелый человек нуждается в том, чтобы быть нужным, а зрелость нуждается в стимуляции и ободрении со стороны тех, кого она произвела на свет и о ком должна заботиться.

Тогда генеративность – это прежде всего заинтересованность в устройстве жизни и наставлении нового поколения...» (Там же. С. 255).

Последняя стадия: целостность эго это «...накопленная уверенность эго в своем стремлении к порядку и смыслу... Это принятие своего единственного и неповторимого цикла жизни как чего-то такого, чему суждено было произойти... Даже сознавая относительность всех тех различных стилей жизни, которые придавали смысл человеческим устремлениям, обладатель целостности эго готов защищать достоинство собственного стиля жизни против всех физических и экономических угроз.

...При такой завершающей консолидации смерть теряет свою мучительность.

Отсутствие или утрата этой накопленной интеграции эго выражается в страхе смерти: единственный и неповторимый жизненный цикл не принимается как завершение жизни. Отчаяние выражает сознание того, что времени осталось мало, слишком мало, чтобы попытаться начать новую жизнь и испытать новые пути целостности.

...И, по-видимому, можно развить парафраз отношений между целостностью (integrity)

взрослого и младенческим доверием (trust), сказав, что здоровые дети не будут бояться жизни, если окружающие их старики обладают достаточной целостностью, чтобы не бояться смерти» (Там же. С. 257–259).

О карте человеческого развития: «В основе такого картирования лежат следующие предположения: 1) человеческая личность в принципе развивается по ступеням, предопределяемым готовностью растущего организма проявлять стойкий интерес к расширяющейся социальной среде, познавать ее, взаимодействовать с ней; 2) общество в принципе стремится к такому устройству, когда оно соответствует такой готовности и поощряет эту непрерывную цепь потенциалов к взаимодействию, а также старается обеспечивать и стимулировать надлежащую скорость и последовательность их раскрытия. В этом и состоит “поддержание человеческого общества”».

Однако карта – это лишь инструмент мышления и поэтому не может претендовать на роль предписания, требующего неукоснительного выполнения в практике воспитания и обучения ребенка, в психотерапии или же в методологии изучения детей» (Там же. С. 259).

«Говоря об авторитете, какой из двух мы имеем в виду: рациональный или иррациональный? *Источник рационального авторитета – компетентность*. Человек, авторитет которого основан на уважении, всегда действует компетентно в выполнении обязанностей, возложенных на него людьми. И ему не надо ни запугивать людей, ни вызывать их признательность с помощью каких-то неординарных качеств; постольку, поскольку он оказывает им компетентное содействие, его авторитет базируется на рациональной почве, а не на эксплуатации, и не требует иррационального благоговения. Рациональный авторитет не только допускает, но и требует оценки и критики со стороны подчиняющихся ему; он всегда временен, его приемлемость зависит от его действительности. Источник же иррационального авторитета – власть над людьми. Эта власть может быть физической или духовной, абсолютной или относительной, обусловленной тревогой и беспомощностью подчиняющегося ей человека. Сила и страх – вот те опорки, на которых строится иррациональный авторитет. Критика авторитета в данном случае не только недопустима, но попросту запрещена» (Фромм Э. Человек для самого себя // Э. Фромм. Психоанализ и этика. – М., 1993. С. 26).

«Происхождение человека тогда можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного, самостоятельного существа, это способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначать различные предметы и действия с помощью знаков и символов; это способность разумного постижения и понимания мира; это его способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек – самое беспомощное из всех животных, но именно эта его биологическая беспомощность – основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств». (Там же. С. 46).

«С появлением разума в человеческом существовании утвердилась дихотомия, побуждающая человека к постоянному поиску новых путей ее преодоления. Динамичность истории человечества связана именно с наличием разума, который побуждает его к развитию и, следовательно, к созданию собственного мира, в котором он чувствовал бы себя дома с самим собой и другими... он принужден двигаться вперед с бесконечными усилиями, познавая еще не познанное, расширяя ответами пространство своего знания. Он должен отдавать отчет о смысле своего существования. Он движим стремлением преодолеть свою внутреннюю раздвоенность, внутреннее рассогласование, мучимый страстным желанием “абсолюта” – другой формы гармонии, которая поможет снять проклятие, оторвавшее его от природы, от людей и самого себя.

Эта раздвоенность человеческой природы порождает дихотомии, которые я называю экзистенциальными... потому что они укоренены в самом существовании человека, являясь

такими противоречиями, которые человек не в силах устранить, но на которые реагирует по-разному, в зависимости как от собственного характера, так и от культуры, к которой он принадлежит» (Там же. С. 47).

«Дисгармония человеческого существования рождает потребности, далеко превосходящие те, в основе которых лежат инстинкты, общие всему животному миру и сказывающиеся в непреодолимом желании восстановить единство и равновесие с природой. Прежде всего он пытается создать в своем представлении всеохватывающую картину мира, в рамках которой стремится получить ответ на вопросы о своем реальном месте в мире и о том, что он должен делать... В поисках нового равновесия он стремится к единству во всех сферах бытия. Поэтому любая более или менее удовлетворительная система ориентации подразумевает не только интеллектуальные притязания, но и чувства и ощущения, реализующиеся во всех сферах жизнедеятельности. Приверженность какой-либо цели, идее или сверхъестественной силе, к примеру, Богу, есть выражение этой потребности осуществления полноты существования» (Там же. С. 51).

«Поскольку потребность в системе ориентации и поклонения есть неотъемлемая часть человеческого существования, становится понятной и глубина этой потребности. В самом деле, нет иного, более сильного, источника человеческой энергии. Человек не свободен в выборе, иметь или не иметь ему “идеалы”, но он свободен в выборе между разными идеалами: поклоняться ли разрушительным силам или разуму и любви» (Там же. С. 53).

«Под личностью я понимаю целокупность как унаследованных, так и приобретенных психических качеств, которые являются характерными для отдельно взятого индивида и которые делают этого отдельно взятого индивида неповторимым, уникальным. Различия между врожденными и приобретенными качествами в целом синонимичны различиям между темпераментом, талантом, а также физическими конституциональными качествами, с одной стороны, и характером – с другой. В то время как различия в темпераменте не имеют этической значимости, различия в характерах составляют реальную проблему этики; они являются показателем того, насколько индивид преуспел в искусстве жить» (Там же. С. 53–54).

«...определяющим в характере является не какая-то одна конкретная черта, но целостная структура характера, определяющая его отдельные черты. Всю совокупность черт характера следует рассматривать как синдром, являющийся следствием особой организации, или, как я это называю, ориентации характера. При этом я сознательно ограничиваю число черт характера, непосредственно следующих из каждого типа ориентации. Что касается других черт характера, то относительно них тоже можно показать, что они определяются базисной ориентацией характера или являются результатом смещения основных, главных черт характера с признаками темперамента» (Там же. С. 58).

«Главное отличие излагаемой нами теории характера от теории Фрейда заключается в том, что принципиальная основа характера видится не в типах организации либидо, а в специфических типах отношения человека к миру. В процессе жизнедеятельности человек оказывается связанным с миром двояким образом: 1) приобретая и потребляя вещи и 2) устанавливая отношения с другими людьми (и самим собой). Первое я буду называть процессом ассимиляции, а второе – процессом социализации. Обе формы связи являются “открытыми”, а не обусловленными инстинктами, как у животных... Ориентации, посредством которых человек соотносит себя с миром, составляют самую суть его характера; отсюда характер можно определить как (*относительно постоянную*) форму, в которой канализируется энергия человека в процессах ассимиляции и социализации» (Там же. С. 59).

«...характер не только обеспечивает последовательное и „разумное“ поведение индивида; он одновременно является основой приспособления человека к обществу... Средняя семья есть своего рода “психологический посредник” общества, поэтому в процессе адаптации в семье ребенок формирует характер, который затем станет основой его адаптации к обществу и решения различных социальных проблем. У него формируется такой характер, который делает

для него желательными те действия, которые от него требуются, основные черты которого роднят его с большинством людей, принадлежащих к тому же социальному слою, классу или к той же культуре. Тот факт, что большинство членов социального класса или культуры разделяют существенные свойства характера, а также то, что можно говорить о “социальном характере” как о характере типичном, свидетельствует о степени влияния социальных и культурных моделей на его формирование» (Там же. С. 60).

«Следует заметить, что значение изучения корреляций между ориентациями характера и социальной структурой заключается не только в том факте, что оно помогает нам понять некоторые из наиболее важных причин формирования характера, но и в том, что все эти ориентации – в той мере, в какой они присущи большинству членов той или иной культуры или социальной группы, – представляют собой мощный эмоциональный фактор, действие которого мы должны знать, чтобы понимать характер функционирования общества. Принимая во внимание современные представления о воздействии культуры на личность, я позволил бы себе утверждать, что отношения между обществом и индивидом не следует понимать так, что социальные институты и культурные модели „влияют“ на индивида. Их взаимопроникновение много глубже. Любая “средняя” личность формируется под воздействием стиля взаимоотношений между людьми, а он детерминируется социоэкономическими и политическими структурами общества до такой степени, что в принципе из анализа одного человека можно вывести всю целостность социальной структуры, в которой он живет» (Там же. С. 72–73).

«Продуктивная ориентация личности – ее фундаментальное свойство, а именно *способ ее отношения к миру* во всех сферах деятельности... Продуктивность есть способность человека применять *свои силы*, реализуя заложенные в нем возможности. Если мы говорим, что он должен приложить свои силы, то мы имеем в виду, что он должен быть свободен, а не зависеть от кого-либо, кто контролирует его силы... *Продуктивность – это отношение, к которому способен любой человек, если у него нет эмоциональных и психических отклонений*» (Там же. С. 76–77).

«Когда нарушены связи, дававшие человеку уверенность, когда индивид противопоставит миру вокруг себя как чему-то чуждому, когда ему необходимо преодолеть невыносимое чувство бессилия и одиночества, перед ним открываются два пути. Один путь ведет к “позитивной” свободе; он может спонтанно связать себя с миром через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом, он может вновь обрести единство с людьми, миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности собственного “я”. Другой путь – это путь назад: отказ человека от свободы в попытке преодолеть свое одиночество, устранив разрыв, возникший между его личностью и окружающим его миром... это попросту бегство из невыносимой ситуации, в которой он не может дальше жить. Такое бегство имеет вынужденный характер... и в то же время оно связано с более или менее полным отказом от индивидуальности и целостности человеческого “я”... Оно смягчает невыносимую тревогу, избавляет от паники и делает жизнь терпимой, но не решает коренной проблемы и за него зачастую приходится расплачиваться тем, что вся жизнь превращается в одну лишь автоматическую, вынужденную деятельность» (Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1995. С. 123–124).

«Уничтожение собственного “я” и попытка за счет этого преодолеть невыносимое чувство бессилия – это только одна сторона мазохистских наклонностей. Другая – это попытка превратиться в часть большего и сильнее всего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей. Этой силой может быть другой человек, какой-либо общественный институт, бог, нация, совесть или моральная необходимость. Став частью силы, которую человек считает непоколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к ее мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего “я”, от собственной свободы, но при этом приобретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к

той силе, к которой он теперь может себя причислить. И кроме того, приобретает защиту от мучительного сомнения. Мазохист избавлен от принятия решений» (Там же. С. 135).

«Я предложил бы назвать общую цель садизма и мазохизма *симбиозом*. Симбиоз в психологическом смысле слова – это союз некоторой личности с другой личностью (или иной внешней силой), в котором каждая сторона теряет целостность своего “я”, так как обе они становятся в полную зависимость друг от друга. Садист так же сильно нуждается в своем объекте, как и мазохист – в своем. В обоих случаях собственное “я” исчезает» (Там же. С. 137).

«...именно жажда власти является наиболее существенным проявлением садизма. В наши дни эта проблема приобрела особую важность.... С возникновением фашизма жажда власти и ее оправдание достигли небывалых размеров. Миллионы людей находятся под впечатлением побед, одержанных властью, и считают власть признаком силы... Но в психологическом плане *жажда власти коренится не в силе, а в слабости*. В ней проявляется неспособность личности выстоять в одиночку и жить своей силой. Это отчаянная попытка приобрести заменитель силы, когда подлинной силы не хватает» (Там же. С. 140).

«Характер человека, в котором преобладают садистско-мазохистские побуждения, может быть определен как садистско-мазохистский; но такие люди – не обязательно невротики. Является ли определенный тип характера “невротическим” или “нормальным” – это в значительной степени зависит от тех специальных задач, которые люди должны выполнять по своему социальному положению, и от тех шаблонов чувства и поведения, которые распространены в данном обществе, в данной культуре. Для огромной части низов среднего класса в Германии и других европейских странах садистско-мазохистский характер является типичным; и, как будет показано, именно в характерах этого типа нашла живейший отклик идеология нацизма. Но поскольку термин “садистско-мазохистский” ассоциируется с извращениями и с неврозами, я предпочитаю говорить не о садистско-мазохистском, а об “авторитарном” характере, особенно когда речь идет не о невротиках, а о нормальных людях. Этот термин вполне оправдан, потому что садистско-мазохистская личность всегда характеризуется особым отношением к власти. Такой человек восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему. Есть еще одна причина, по которой этот термин правомочен. Фашистские системы называют себя авторитарными ввиду доминирующей роли власти в их общественно-политической структуре. Термин “авторитарный характер” вбирает в себя и тот факт, что подобный склад характера определяет “человеческую базу” фашизма» (Там же. С. 142).

«С помощью рассмотренных нами механизмов “бегства” индивид преодолевает чувство своей ничтожности по сравнению с подавляюще мощным внешним миром, или за счет отказа от собственной целостности, или за счет разрушения других, для того, чтобы мир перестал ему угрожать.

...этот механизм является спасительным решением для большинства нормальных индивидов в современном обществе. Коротко говоря, индивид перестает быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным “я” и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием. Этот механизм можно сравнить с защитной окраской некоторых животных: они настолько похожи на свое окружение, что практически неотличимы от него. Отказавшись от собственного “я” и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги» (Там же. С. 158–159).

«В социальный характер входит лишь *та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни*. Хотя всегда существуют “отклоняющиеся” с совершенно другим типом характера, структура личности большинства членов группы представляет собой лишь разные вариации одного и того же “ядра”, состоящего из общих черт

характера...» (Там же. С. 230).

«Если рассматривать социальный характер с точки зрения его функции в общественном процессе, то мы должны начать с того же утверждения, какое было сделано по поводу функции социального характера для индивида: приспособляясь к социальным условиям, человек развивает в себе черты характера, которые побуждают его хотеть действовать именно так, как ему *приходится* действовать. Если структура личности большинства людей в данном обществе, то есть социальный характер, приспособлена к объективным задачам, которые индивид должен выполнять в этом обществе, то психологическая энергия людей превращается в производительную силу, необходимую для функционирования этого общества» (Фромм Э. Человеческий характер и социальный процесс. С. 235).

4. Леворадикальная социология Ч. Миллса

Миллс Чарльз Райт (Mills) – (1916–1962) – американский социолог. Выходец из среднего класса, окончил Техасский университет, в 1939 году получил степень бакалавра и магистра. Позднее, защитив в университете Висконсина диссертацию об американском прагматизме, стал доктором философии. С самого начала Миллс был увлечен идеями американского прагматизма и во всех своих работах так или иначе подчеркивал приверженность этим идеям. Большую часть своей жизни Миллс работал (с 1945 года) в Колумбийском университете, где сотрудничал с такими известными социологами, как Дж. Ландберг и П. Лазарфельд.

Социология Ч. Миллса проникнута духом критики, вдохновленной отчасти работами К. Маркса: он критиковал и современное ему капиталистическое общество, и современную социологию. При этом страстно отстаивал традиции классической социологии и считал, что социолог не должен оставаться безучастным к жизни общества. В своей знаменитой работе «Социологическое воображение» Миллс бросил вызов не только авторитету своего времени Т. Парсонсу, но и своему коллеге по Колумбийскому университету, известному методологу П. Лазарфельду. Он стремился разоблачить идеологические подоплеки особенно популярных социологических концепций. По выражению Дж. Ритцера, Миллс умер «изгнанником в социологии».

Миллсу был близок идеал независимого ученого-одиночки с хорошо развитым социологическим воображением, каким был и он сам. Социологическое воображение, с его точки зрения, позволяет интуитивно нащупать и выбрать необходимые инструменты для исследования социальных явлений и, кроме того, дает возможность ответить на актуальные запросы современников, найти возможные пути выхода из конкретных проблемных ситуаций. Миллс не скрывал своих радикальных политических взглядов и сам постоянно подвергался критике. Он принял на себя роль интеллектуального просветителя, пропагандиста социологического воображения, которое, по его мысли, помогает обличать пороки капиталистического общества и, возможно, поможет изменить это общество в лучшую сторону. Представление Ч. Миллса о социологии и ее роли в современном обществе легко оспорить, но по его знаменитым рецептам вполне возможно развить социологическое воображение.

Основные работы

- (1943): «Профессиональная идеология социальных патологов» (статья);
- (1948): «Новые люди у власти»;
- (1951): «Белые воротнички: средний класс Америки»;
- (1953): «Характер и социальная структура» (в соавторстве с Х. Гертом);
- (1956): «Властвующая элита»;
- (1958): «Причины третьей мировой войны»;

- (1959): «Социологическое воображение»;
(1960): «Слушайте, янки: революция на Кубе»;
(1962): «Марксисты» (под его редакцией).

Ключевые слова и термины : социологическое воображение, личные трудности и социальные проблемы, высокая теория, абстрактный эмпиризм, либеральный практицизм, роль сравнительно-исторического метода в социальном познании, бюрократическая рационализация, власть, господство, социальная структура, институциональный порядок, элита, властвующая элита, централизация институциональных средств, военная элита, политическая элита, экономическая элита, историческая эволюция элит.

Основные темы, проблемы и положения для изучения социологии Ч. Миллса

Социология и социологическое воображение. Место социолога в современном обществе и научном сообществе

Социология, по мысли Ч.Р. Миллса, занимается изучением многообразия социальных миров, человеческих групп, социальных категорий, человеческих характеров и пр. При этом важны не только сами социальные объекты, но и *смыслы*, которые люди придают этим объектам. Поэтому социология изучает смыслы, которые люди вкладывают в свои действия. Узловые моменты социологической методологии Миллса – *история общества, человеческая биография, социальные структуры*. Социология производит упорядочивание социальной реальности посредством изучения биографий, истории и их пересечения внутри социальных структур. При этом социальная структура представляет собой определенный тип связи социальных институтов, расклассифицированных в соответствии с выполняемыми ими функциями. Социальные структуры, как правило, находятся под политической властью. Все эти моменты составляют целостный контекст, который осмысливается с помощью социологического воображения. Способность связать собственную биографию с историческим временем и социальной структурой, в которых живет человек, сравнить себя с другими, Миллс называет « **социологическим воображением** ».

Соответственно можно условно выделить виды социологического воображения:

√ *структурное социологическое воображение*: умение понимать строение общества, его элементы, их взаимодействие, то, как они функционируют, и чем данная структура отличается от социальной структуры других обществ;

√ *историческое социологическое воображение*: способность видеть отличительные особенности современного мира в сравнении с прошлыми историческими эпохами, механизмы изменения данного общества;

√ *человеческое социологическое воображение*: способность понять, какие типы людей играют особую роль в современном обществе, какие типы людей могут появиться в будущем, какое влияние оказывает на природу человека социальная структура.

Социологическое воображение позволяет различать свои личные трудности и социальные проблемы, оно позволяет подняться над ситуацией, создать образцы и модели социальных ситуаций. Социологическое воображение, или чувство, нужно развивать, для этого необходимо самовоспитание и стимулирование воображения. Миллс описывает особые приемы, *рецепты развития интеллектуального мастерства*:

√ *Ведение записей (журнал наблюдений)* – описание фактов из личного опыта и служебной деятельности, профессиональные наблюдения и личные переживания, а также пересортировка собранных записей, разделение на рубрики, обсуждение с коллегами и друзьями. Это необходимо для:

- стимулирования систематического осмысления научных проблем;
- развития письменной речи;
- лучшего осознания собственного опыта.

√ *Составление планов эмпирических исследований*: формулировка проблемных ситуаций, формулировка задач.

√ *Построение типологий и классификаций*.

√ *Применение метода доказательства от противного*.

√ *Различение идеи и темы* (идея должна пронизывать всю работу, представлять собой стержень научной работы, а раскрытие различных тем может продемонстрировать разные грани этой идеи).

√ *Постоянная тренировка мышления*: переключение из одной перспективы в другую, использование и сравнение различных точек зрения на один и тот же предмет.

√ *Составление прогнозов и обсуждение их*.

√ *Написание автобиографии*.

Миллс так представляет себе конкретные *шаги социологического анализа*:

√ нужно исходить из того, что каждый социальный институт производит отдельный институциональный порядок;

√ необходимо выяснить:

• какова сцепка существующих институтов, каков характер их интеграции в данном обществе,

• с какой скоростью идут социально-структурные изменения,

• каково соотношение элементов социальной структуры, каков характер их координации;

√ структурный анализ данного общества всегда должен быть дополнен историческим анализом этого общества.

Такое представление об особенностях социологического анализа связано у Миллса с *критикой двух основных направлений в социологии США*. Первое направление Миллс называет «*Высокой теорией*», связывая свою критику этого направления прежде всего с теорией Т. Парсонса. С точки зрения Миллса, представители «Высокой теории» пишут много, туманно, используют сложные термины, фетишизируют понятия.

Таблица 4.1

Ч. Миллс в книге «Социологическое воображение» подробно и обстоятельно критикует *абстрактный эмпиризм*:

1) эмпирические исследования дают информацию в основном для рекламодателей, администраторов, ведомств и т.п., но *не для построения* адекватной социологической теории;

2) проблематика эмпирических исследований часто формируется и определяется *интересами тех, кто платит*: нет истинного «приращения данных», они используются в коммерческих и бюрократических целях;

3) для абстрактного эмпиризма характерно так называемое «*методологическое (само) ограничение*»: воплощение естественно-научных методов исследования в изучении общества превращается в самоцель;

4) принципы абстрактного эмпиризма подразумевают создание нового аппарата сотрудников или расширение этого аппарата, поэтому становятся модными такие профессии как «*интеллектуал-менеджер*» и «*специалист-исследователь*» в противовес традиционным – «профессора» и «ученого-гуманитария». Это вредит обществоведению;

5) психологизм абстрактного эмпиризма выражается в том, что ученые-эмпирики избегают

рассмотрения реальных проблем социальной структуры, предпочтение отдается проблемам индивидуальной жизнедеятельности;

6) из разрозненных данных эмпирических исследований невозможно вывести общие закономерности в развитии общества;

7) не учитывается *историческая перспектива* и историческая изменчивость – эмпирические исследования задумываются и проводятся как будто «вне истории»;

8) полученные данные эмпирических исследований неправомерно подводятся под факты социальной структуры, под положения классических теорий, факты глубинной психологии, *цифры подгоняются к теоретическим положениям*, а теоретические положения к цифрам;

9) точность статистических данных сомнительна, но для представителей абстрактного эмпиризма привлечение статистики является обязательным, чтобы результаты исследований выглядели солидно. Поэтому Миллс утверждает, что именно *идеи* должны руководить сбором и интерпретацией фактов, а не специальные методы;

10) *псевдоточность методов* абстрактного эмпиризма – точность метода, по мнению Миллса, нельзя отождествлять с эмпирической или истинной точностью.

Миллс считает, что в современном западном обществе распространен так называемый «*либеральный практицизм*», идеологическая установка в рассмотрении социальной действительности, которая поддерживается абстрактным эмпиризмом, в то время как «Высокая теория» способствует *политическому консерватизму*. *Основная функция либерального практицизма* – рассеяние внимания, отвлечение людей от насущных социальных проблем. Она осуществляется с помощью *неявной пропаганды* определенного взгляда на общество («*принципиальный плюрализм*»): причины социальных событий неизбежно многочисленны, фрагментарны, поэтому необходимо бесконечное накопление фактов, а не рассмотрение социальной структуры в целом. Отсюда – пропаганда осторожных реформ: ведь нужно учесть бесчисленное множество разнообразных причин. Создается представление об обществе как о равновесном, гармоничном и совершенно аполитичном. В результате формируется профессиональная неспособность ученых абстрагироваться от текущей конкритики. Миллс утверждает, что либеральный практицизм – это *морализаторская* социология повседневности, пропаганда конформного поведения (например, понятие «культурного отставания», или «культурного лага» носит оценочный характер). Либеральный практицизм – установка ограниченная и идеологическая, помогающая манипулировать действиями людей.

Либеральный практицизм, основывающийся на абстрактном эмпиризме, стимулирует развитие *бюрократической* социальной науки, так как происходит:

- стандартизация и рационализация каждого этапа познания;
- развитие коллективности и систематичности исследований (подобно расширению бухгалтерии на крупном предприятии);
- формирование особого типа работников;
- служение целям клиентов;
- достижение результатов и их применение способствуют повышению эффективности бюрократических форм господства в современном обществе.

Социология же, по Миллсу, в исследовании любой проблемы должна учитывать структурно-социальный контекст и выходить на властные отношения. В социологии недопустимо развитие социальной инженерии, т.е. использование достижений науки для манипулирования поведением людей без соответствующей оценки последствий и проблем, которые возникнут после применения этих открытий, то есть недопустимо оправдание существующего социального порядка.

Позиция социолога : исследователи человека и общества явно или неявно делают нравственный или политический выбор. Ценности все равно влияют на решение научных проблем. *Задача социолога в этой ситуации* : использовать больше «ценностно-нейтральных» терминов и эксплицировать сохраняющееся в них ценностное содержание, постоянно его

отслеживать. Необходимо понимать, что работа обществоведа так или иначе ориентирована на господствующие в обществе представления, т. е. оправдывает или разоблачает власть. Поэтому научные результаты могут применяться в целях господствующей идеологии и для осуществления своих целей бюрократическими структурами. *Таким образом, абстрактный эмпиризм и «Высокая теория» убивают социальную науку и разумную политику.*

Социология как наука и социолог должны стремиться высвободить *социологическое воображение*, а это предполагает:

- использование социологических методов и теории, которые нельзя превращать в самоцель: *каждый ученый сам себе методолог и сам себе теоретик* ;
- сохранение *максимальной осведомленности* в изучаемой области (нужно практиковаться в разных областях социального знания, а не замыкаться на узкой специальности);
- *систематическое переформулирование* изучаемых проблем, что позволяет постоянно модифицировать теории;
- теснейшее *взаимодействие методов и практической работы* (нельзя чрезмерно абстрагироваться от повседневной жизни людей), теснейшая связь теории и методов;
- *соблюдение этики* научного исследования: тщательности и объективности;
- правильное использование *процедуры верификации* : в классической традиции утверждения верифицируются детальным описанием любых эмпирических материалов, относящихся к делу;
- осуществление исследований в ответ на *социально значимые проблемы* , т.е. в ответ на личные трудности людей, которые затрагивают также и всю социальную структуру. Эти проблемы можно обнаружить с помощью двух ведущих ценностей: *свободы и разума* ;
- *постоянное осознание проблем и ценностей* , содержащихся в исследовательской работе – критическое отношение к ним;
- *сравнительный и исторический анализ* социальных структур;
- использование *междисциплинарного сотрудничества* для решения социологических проблем: отказ от ограничивающего себя чисто социологической областью исследования.

Социолог должен руководствоваться следующими ценностями:

- *истиной* , фактом. Однако любое утверждение о факте имеет политическое и моральное значение;
- *разумом* , что предполагает постоянный поиск ответа на вопросы: каково значение полученных данных в жизни людей, каковы последствия применения научных достижений?
- *человеческой свободой* .

Социология и история . Социолог не может адекватно понять человека и общество без изучения соответствующего исторического контекста. Работы историков – огромная картотека для общественных наук. Каждое хорошо продуманное исследование требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов. «Вся социология достойна называться исторической социологией».

История помогает социологу:

- понять и осмыслить историческое многообразие человеческих обществ, сравнить различные социальные структуры;
- описать большие структуры, взаимодействие между макро– и микроуровнем социальной структуры, избежать статического представления о социальной структуре;
- изучить незападные общества, взаимодействие разных социальных миров;
- избежать идеологических объяснений социальной структуры;
- понять современные общества.

Но исторический метод сам не должен становиться самоцелью, исторические данные, данные сравнительно-исторического анализа тоже нужно рассматривать критически и постоянно проверять.

По мнению Миллса, *социология должна стоять на службе обществу* , базироваться на

социологическом воображении и нести преобразующую общество функцию.

Миллс называл себя «чистым марксистом», поскольку считал, что вносит радикальный дух в социологию и социальные науки вообще. Он также находился под влиянием социологии знания К. Мангейма и его представления о ведущей и преобразующей роли интеллигенции. Как можно достичь истинного знания? Ведь человек исполняет социальные роли, идентифицируется с ними и усваивает их. В обществе есть группа, которая свободна от социального статуса и социальных ролей. Такой группой Миллс считает вслед за Мангеймом «свободно парящую интеллигенцию», радикально настроенных обществоведов. Эта группа свободна и может понять и принять любой класс, любую социальную группу. Она может получить знания и преобразовать общество.

Роли ученого-обществоведа в современном обществе . Миллс критикует два типа ученых, занимающихся социальными науками: «царствующий философ» и «советник правительства», которые обладают властью «человека знания». *Идеал* Миллса – независимый ученый, по-видимому, одиночка, он сам выбирает проблему для исследования, результаты его исследований одинаково принадлежат и широкой общественности, и властным структурам. Это, как правило, преподаватель, представитель среднего класса по статусу, власти и образованию, обладающий самостоятельным мышлением, способностью к самообразованию и самосовершенствованию. Он противостоит массовому обществу, ориентирован на проблемы современности, обладает социологическим воображением, высоким творческим потенциалом. Он должен производить, по словам Миллса, «адекватное и общественно значимое определение действительности».

Анализ современного общества по Ч.Р. Миллсу . Современное общество характеризуется прежде всего *ошеломляющими социальными изменениями и развитием процесса рационализации* (Миллс опирается на веберовское представление о формальной рациональности), а также:

- *бурным развитием науки* , которая не гарантирует большей разумности в социальной жизни, так как продолжают существовать мифы и суеверия, которыми пользуются властные структуры. Продолжает расти роль обмана в социальной жизни;

- *широким распространением формальной рациональности* , которая не обеспечивает высокого уровня мышления людей, это ограничивает способность к самостоятельному мышлению и проявлению индивидуальной воли. Поэтому рациональность – не свобода, а часто средство для тирании, манипуляции, т. е. для лишения свободы;

- *ростом крупных рационально организованных бюрократий* , вследствие чего люди не могут осмыслить эти бюрократические структуры, так как занимают в них подчиненное место;

- *появлением новых сфер жизни, где рациональное мышление затруднено* (люди не понимают, что они делают и не знают о цели своих действий);

- *рационализацией повседневной жизни* (например, «саморационализация»: человек подчиняет свою частную жизнь бюрократической организации и даже в интимных сторонах жизни руководствуется ее принципами);

- *повышением уровня тревожности* людей.

Вывод : главная идеологическая проблема современного общества заключается в том, что с возрастанием рациональности возвышение свободы и разума необязательно. Рациональная организация – структура отчуждающая. Главная проблема современного человека и общества – отчуждение, рациональность без разума. Человек может быть погружен в отчаяние или быть жизнерадостным роботом. Потеря разума и свободы – проблема и личная, и общественная.

Властвующая элита и анализ современного общества

Одной из самых известных работ Миллса является «Властвующая элита» (1956). *Эта*

работа содержит следующие темы :

- *состав и характеристики властвующей элиты*: кто властвует в современном американском обществе и принимает ответственные решения общегосударственного масштаба, на какие социальные институты опираются властвующие;
- *формирование и воспроизводство властвующей элиты* : образование представителей властвующей элиты, анализ их карьерного роста;
- *историческая эволюция властвующей элиты* .

Миллс опирается на концепции элит В. Парето, Р. Михельса, Г. Моски, которые утверждают, что деление общества на элиты и массы неизбежно. Р. Михельс считал, что образование элит естественно для общества, но только одна элита приходит к власти. Какими бы демократическими ни были государства, в них, как правило, демократия перерождается в олигархию. В этом состоит «*железный закон олигархии* », т.е. происходит закрепление власти, и это неизбежно. Миллс во многом следует этим идеям. Он уверен в том, что преобразование современного капиталистического общества необходимо, и подтверждает этот тезис анализом властных структур. Власть определяется Миллсом в духе М. Вебера как способность человека или группы людей влиять на другого человека или группы людей, общество, контролировать их, независимо от того, склонны эти последние сотрудничать или нет.

В современном обществе особенно влиятельными являются следующие *элиты* :

- 1) *экономическая* (крупные промышленники, руководители крупнейших корпораций);
- 2) *политическая* (официальные руководящие работники правительственного аппарата);
- 3) *военная* (генералитет армии).

Эти элиты создают «*властвующую элиту* ». Элита обладает богатством, престижем и реальной властью. Миллс рассматривает социально-структурный и институциональный контекст элиты: властвующая элита основана на социальных институтах, которые представляют собой неперенные основы власти, богатства и престижа. Властвующая элита носит общенациональный характер, опирается на общенациональные институты, принимает общегосударственные решения. Властвующая элита создается в результате процесса укрупнения и централизации в военной, политической и экономической сферах. Именно эти институты являются определяющими, тогда как все другие социальные институты выполняют подчиненную роль (например, семья готовит будущих солдат, система образования производит необходимых служащих и пр.). Все три элиты вносят одинаковый вклад в управление обществом: координируют и контролируют действия друг друга. В современном обществе взаимодействие между этими тремя элитами вышли на новый уровень, стали еще более тесными и координированными. Властвующая элита формирует общенациональную идеологию, навязывая мировоззрения, представления, предпочтения, взгляды, за которыми стоят собственные интересы этой элиты. Властвующая элита представляет собой *социальное и психологическое единство* .

В своей работе «Властвующая элита» Ч.Р. Миллс:

- прослеживает процесс формирования «высшего общества» в провинциальных и центральных городах (формирование высшего класса благодаря богатству, высший класс – разбогатевшая буржуазия);
- анализирует наблюдения за «клубами для джентльменов» как центрами, где принимаются финансовые и коммерческие решения;
- рассматривает привилегированные учебные заведения, доступные только богатым: члены элиты – в основном воспитанники этих учебных заведений;
- разоблачает идеологический миф властвующей элиты о «self-made man» с помощью анализа группы мультимиллионеров разных поколений: только 9% богатейших американцев в современном обществе являются выходцами из бедных семей, 68% – выходцы из высшего класса. Поэтому случайно во властвующую элиту не попадают, существуют «фильтры», которые отсеивают «простого человека»;

- разоблачает миф о бережливости американских богачей: основное средство для увеличения богатства – использование привилегий, унаследованных вместе с богатством, что позволяет находить выгодные сделки и осуществлять финансовые махинации, например, благодаря нужным связям в исполнительной власти страны;

- показывает, что важную роль в формировании психологической и социальной общности членов властвующей элиты играет не только сходство социального происхождения, вероисповедания и образования. Членов элиты объединяют не только критерии, которыми они руководствуются при допуске в свою среду, но и *единство в вопросах ценностей, оценок и моральных норм* .

Современное общество, по Миллсу, обладает такой экономикой, которая пронизана политикой и тесно связана с военными институтами и их решениями. Военные институты начинают играть все большую роль в управлении страной (составляют активную часть властвующей элиты), поскольку:

- активно протекает процесс милитаризации страны;
- наблюдается рост объема и удельного веса военного бюджета;
- очевидно проникновение военных на руководящие посты корпораций (военные «необходимы» руководителям корпораций для получения выгодных заказов, а также благодаря своим связям в министерстве), а также в политику.

Политические институты современного общества характеризуются возвышением официальных руководителей правительственного аппарата, решения принимает властвующая элита, а не выборные органы политической власти:

- налицо процесс бюрократизации политики: в политику и власть приходят люди, которые не избирались;
- упадок законодательных органов, Конгресс не занимается нуждами обычных людей;
- различия между двумя правящими партиями невелики и расплывчаты: они подчиняются элите;
- политические власти активно помогают крупным экономическим корпорациям;
- уменьшается роль профсоюзов в политике и экономике страны, а значит, незначительна и роль рабочего класса в обществе.

Одна из важных идей Миллса заключается в том, что общество, управляемое демократическими институтами, не обязательно является демократическим, поскольку во главе стоит элита. Показательны в этом отношении разногласия между Миллсом и американским социологом Д. Рисменом. Рисмен утверждал, что демократизм проявляется в плюрализме элит, управляющих страной, именно в этом случае создается социальное равновесие. Миллс считал, что теория равновесия – это идеологическое затушевывание господства одной из трех элит над массой неорганизованных и лишенных доступа к власти людей.

Могут ли люди противостоять властвующей элите ? Миллс смотрит на такую возможность довольно пессимистически. Американское общество политически инертно, не развиты общественные дискуссии, общественного мнения по сути не существует. Это не общественность, а пассивная масса. Инертности общества способствует бурное развитие массовой культуры (например, телевидения). Так, открываются пути для тотального контроля над получением информации, манипуляции мнением людей. Люди, живущие в городах, в высшей степени инертны, они не хотят выходить за пределы своей частной жизни, за пределы своих жилищ. Смотрят телевизор и открыты для манипуляции. *Парадокс современного американского общества, по Миллсу, заключается в том, что одновременно происходит централизация институтов, принимающих важнейшие решения, и расщепление общества на все более узкие круги* . Миллс указывает на потерю людьми самостоятельности мышления: современный человек хочет заполучить долю материального блага и удовольствия, у него нет собственных желаний, желания ему навязаны или внушены.

Миллс выявляет механизмы, с помощью которых элита остается у власти . Это разные

идеологические картинки, мифы, которые позволяют верить в существующую властвующую элиту и поддерживать ее. Несмотря на то, что элита обладает полной властью, она стремится сгладить различия между своими представителями и массой через установление тесных контактов с избирателями, заигрывание с ними. Для этого устраиваются, например, широкие избирательные кампании. Девиз представителей элиты:

«не выделяться». Кроме того, властвующая элита сознательно поддерживает идеал успешного человека, причем главным критерием успеха выступают деньги, богатство. Такой идеал помогает элите достигать признания, она предстает в глазах большинства людей как группа успешных, трудолюбивых людей. Люди в своей массе желают найти подтверждение того, что они не хуже других, доказательства своего достоинства. Миллс называет это престижной паникой. Люди становятся «искателями статусов» (status-seekers), они эмоционально направлены на то, чтобы идентифицироваться с более высоким статусом. Элита использует это в своих интересах.

Властвующая элита, как показывает Миллс, не представляет собой цвета американской культуры, а состоит из людей, которых нельзя назвать выдающимися, зачастую посредственных или аморальных. Это люди, которые управляют и манипулируют другими людьми, а цвет культуры как раз и обслуживает элиту. Например, ученые и особенно социологи, как показывает Миллс, часто действуют в целях поддержания существующего порядка вещей.

Социальный идеал Миллса – это общество *неэлитарное*. Его структура должна формироваться не в соответствии с материальным положением и властными полномочиями, а по истинным интересам и талантам. И в этом случае Миллс возлагает особые надежды на интеллектуалов, ученых, которые будут опираться на силу разума и стремление к свободе и заниматься социологическим просвещением людей для того, чтобы те могли отстаивать свои интересы.

Библиография

Первоисточники

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. – М., 1959.

Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М., 2001.

Миллс Ч.Р. Высокая теория // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1994. С. 147–167.

Миллс Ч.Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1.

Критическая литература

История теоретической социологии. – СПб., 2000. Т. 4. С. 89–102.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. – М., 2002. С. 84–87.

Дополнительная литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.

Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. – М., 1995. № 1.

Вопросы и задания для самопроверки

1. К какой ориентации в теоретической социологии можно отнести концепцию Ч. Миллса? Почему?

2. Перечислите основные темы в социологии, которые интересовали Миллса.
3. Какова роль классических традиций в развитии социологической науки, по мнению Ч. Миллса (концепций К. Маркса, М. Вебера и других)?
4. Что такое «социологическое воображение»? Можно ли условно выделить типы социологического воображения? Почему?
5. Как можно развить социологическое воображение? Конкретные методические процедуры. В чем суть теоретико-социологического мышления?
6. Перечислите основные критические замечания в адрес «высокой теории» и «абстрактного эмпиризма» со стороны Ч. Миллса. В чем суть предлагаемой им самим методологической позиции?
7. Как можно прокомментировать знаменитое изречение Ч. Миллса, что «каждый сам себе методолог и каждый сам себе теоретик»?
8. Какую позицию должен занимать ученый-социолог в отношении оценочных суждений об обществе, как возможно исключить их из процесса построения социологической теории? Несет ли, по Миллсу, социолог ответственность за применение своих научных открытий?
9. Какие типы ученых-обществоведов распространены в американском обществе? Есть ли среди них такие, которые отвечают требованиям и убеждениям Ч. Миллса?
10. Какие педагогические задачи ставил перед собой Миллс?
11. Каков предмет и объект социологической науки по Миллсу?
12. Почему Миллс придавал огромное значение сравнительно-историческому методу в социологическом исследовании?
13. Для чего нужна психология в социологическом исследовании?
14. Как Миллс характеризует современные ему западные общества? Перечислите основные характеристики.
15. Какова, по мнению Ч. Миллса, роль понятия «отчуждение» в социологическом анализе современного общества?
16. Какова роль бюрократических организаций в современном обществе?
17. Какой тип человеческого характера, свойственный западным обществам, рисует Миллс?
18. Какова структура господства в американском обществе?
19. Каковы методы легитимации власти в современном обществе?
20. Каковы характеристики правящей элиты? Каковы механизмы образования правящей элиты? Какова историческая эволюция правящей элиты и ее перспективы?
21. На какие классические теории элиты опирается Миллс?
22. Что нового внес Ч. Миллс в анализ элит?

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«Тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет объяснять, как в бурном потоке повседневной жизни у людей часто формируется ложное сознание своих социальных позиций. В этом водовороте событий являет себя устройство современного общества, которое формирует психический склад у людей» (Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М., 2001. С. 13).

«Социологическое воображение позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними... посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» (Там же. С. 15).

«...то, что мы переживаем в своих индивидуальных средах деятельности, часто вызвано структурными изменениями в обществе. Поэтому, чтобы понять эти изменения, происходящие в отдельных индивидуальных “ячейках”, необходимо выйти за их пределы. Тем более, что количество и разнообразие структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние, и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее – значит получить возможность проследить связи внутри величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать – значит обладать социологическим воображением» (Там же. С. 19–20).

«Главный признак “Высокой теории” заключается в исходной ориентации на столь общий уровень рассуждений, что снизить до наблюдений становится логически невозможным. Оставаясь в рамках “Высокой теории”, ее последователи никак не могут спуститься с высот генерализаций и рассмотреть конкретные проблемы в их историческом и структурном контекстах» (Там же. С. 45).

«Если мы хотим составить себе представление о том, что такое “общие ценности”, нужно изучить, как в различных социальных структурах легитимируется институциональный порядок, вместо того, чтобы пытаться сначала постичь ценности, а затем из них “объяснять” из чего состоит общество и что его объединяет. Мы можем, полагаю, говорить об “общих ценностях” там, где большинство членов институционального порядка признают его легитимным, когда с помощью конкретной легитимации успешно достигается повиновение или по крайней мере сдерживается недовольство» (Там же. С. 51–52).

«Сегодня у нас нет оснований говорить о том, что в конечном счете управление людьми должно основываться на их взаимном согласии. В настоящее время в качестве средств власти преобладают управление и манипулирование согласием. То, что мы не знаем пределов власти, но надеемся, что таковые существуют, не отменяет того факта, что власть зачастую успешно обходится без санкций со стороны разума и совести подвластных... В ходе любого серьезного исследования тем, кто придерживается развиваемой мною точки зрения на власть, приходится сталкиваться с многими проблемами. Но решить их едва ли помогут уводящие от сути дела предположения Парсонса, который просто утверждает, что в любом обществе якобы существует воображаемая им “ценностная иерархия”. Более того, выводы из его теории систематически затрудняют ясное формулирование важных проблем развития общества.

Чтобы принять его схему, требуется вычеркнуть из картины мира реальное существование власти, а на деле и наличие всех институциональных структур, в частности экономической, политической и военной. В этой странной “общей теории” таким структурам доминирования не находится места» (Там же. С. 54–55).

«По своему идеологическому смыслу “Высокая теория” очень сильно тяготеет к оправданию стабильных форм господства. Однако если консервативные группы более остро почувствуют необходимость в оправдании своих позиций, у “Высокой теории” появится шанс приобрести политическое значение» (Там же. С. 63).

Об эмпирических исследованиях: «Попытка классифицировать индивидов на “менее подверженных” и “более подверженных” влиянию того или иного средства массовой информации может представлять большой интерес для рекламодателей, но она не дает адекватной основы для развития какой-либо социальной теории средств массовой информации» (Там же. С. 66).

«Эмпирики даже не пытались разработать труднейшие проблемы “классового сознания”, “ложного сознания”, понятие “статуса” в противоположность “классу” и веберовскую идею статистически подтверждаемого “социального класса”. И, что самое печальное, при исследовании социальной стратификации в выборку постоянно попадают малые города, хотя совершенно очевидно, что никакая совокупность подобных исследований не может ни на йоту приблизить нас к пониманию подлинной общенациональной картины распределения классов,

статусов и власти» (Там же. С. 69).

Об абстрактных эмпириках: «Ни в определении проблематики, ни в объяснении своих микросоциологических изысканий они никогда по-настоящему не используют базовую идею исторической обусловленности социальной структуры. От их исследований нельзя ожидать серьезных результатов даже в области изучения отдельных непосредственных сфер человеческой деятельности. Основываясь на наших исследованиях, мы знаем, что причины многих изменений социального положения людей (интервьюируемых) часто им неизвестны, и эти изменения могут быть поняты только в терминах структурных трансформаций» (Там же. С. 84–85).

«Те, кто находится в тисках методологического самоограничения часто не в состоянии сказать о современном обществе что-либо, если это что-либо не прошло сквозь мельчайшее сито “Статистического ритуала”. Обычно говорят, что полученные таким образом результаты истинны, даже если они не имеют большого значения. Я с этим категорически не согласен. Как можно смешивать точность, вернее псевдоточность, с “истиной”; как можно считать абстрактный эмпиризм единственным “эмпирическим” методом?» (Там же. С. 88).

«Точность не является единственным критерием для выбора метода исследования. Точность метода не следует отождествлять, как это часто делают, с “эмпирической” или “истинной” точностью. Выбирая проблему для изучения, мы должны стремиться к получению правильных результатов. Но никакой метод сам по себе не должен ограничивать нас в выборе проблем для изучения, за исключением тех случаев, когда речь идет непосредственно об интереснейших и труднейших *методических* проблемах, которые лежат за пределами уже освоенных методов. Когда мы осознаем проблемы, которые постоянно ставит перед нами история, естественно возникает вопрос об их истинности и значимости. Мы должны работать над ними как можно тщательнее и с максимальной точностью. Важная часть работы в общественных науках заключается в тщательной разработке гипотез, ключевые моменты которых документируются самым детальным образом. Фактически нет никаких других способов... непосредственного изучения проблем, актуальность которых признается обществом» (Там же. С. 89).

«Лозунги социальной инженерии служат распространению бюрократического духа за пределы непосредственного применения инженерного стиля мышления и метода познания. Использовать эти лозунги в качестве постановки собственной цели, значит принимать бюрократическую роль там, где нет возможности ее реально играть. Словом, я утверждаю, что эту роль очень часто принимают на себя *как если бы*. Принять технократическую точку зрения и в соответствии с ней пытаться действовать в качестве обществоведа, значит действовать так, как если бы ты в самом деле был социальным инженером. Именно в этой бюрократической перспективе сейчас часто усматривают роль социолога в обществе» (Там же. С. 135).

«Исторические изменения во все времена не в одинаковой степени зависят от людей и часто происходят помимо их воли. Мы, похоже, переживаем такой период, когда принятие и отсутствие решений по ключевым вопросам бюрократически организованными элитами все больше становится источником исторических изменений. Более того, мы живем в такой период и в таком обществе, где разрастание и централизация средств управления, власти во многом происходит с помощью применения достижений общественной науки в любых целях, какие бы ни ставили перед собой те, у кого в руках находятся рычаги управления. Говорить о “предсказании и управлении”, оставляя без внимания проблемы, которые сопутствуют этим тенденциям в развитии общества, значит совершенно отказаться от какой бы то ни было самостоятельности в выборе нравственной и политической позиции... Есть ли основания говорить о “предсказании” в иной, нежели бюрократической перспективе? Да, конечно, есть. Прогнозировать можно на основе “непреднамеренных закономерностей”, а не на основе жесткого контроля за выполнением плана» (Там же. С. 135–136).

«Обществовед-аналитик, следующий классическому образцу, избегает устанавливать

жесткие процедуры. Аналитик стремится развить и использовать в своей работе социологическое воображение. Испытывающий отвращение к сочетанию и разложению “Понятий”, он прибегает к тщательной проработке терминов только тогда, когда у него есть достаточные основания полагать, что их использование расширит границы постигаемого, увеличит точность описаний и глубину рассуждений. Его мысль не сдерживается методом и методикой; классический путь – это путь знатока-интеллектуала» (Там же. С. 140).

«Изучение истории не только увеличивает наши возможности познания структуры общества. Мы не можем надеяться на понимание даже отдельного взятого общества, даже в статике без использования исторического материала. Образ всякого общества – это конкретно-исторический образ... По-моему мнению, ни одному обществоведы не удалось установить какой-либо “закон”, который был бы трансисторическим, действие которого можно было бы распространить за пределы конкретной структуры в конкретно-исторический период. Иначе “законы” превращаются в пустые абстракции или весьма туманные тавтологии. Единственный смысл “социальных законов” или даже “социальных закономерностей”... конструирует для конкретной социальной структуры в конкретно-историческую эпоху» (Там же. С. 171–172.)

«Значение исторического исследования для задач и перспектив общественной науки, конечно, не сводится к “историческому объяснению” одного “американского типа” социальной структуры. Более того, само представление об исключительной важности исторического объяснения является идеей, которая должна обсуждаться и проверяться на соответствующих данных» (Там же. С. 180).

«Появление отчужденного человека и связанная с ним проблематика влияет сейчас на всю серьезную интеллектуальную жизнь и является причиной ее кризиса. Отчуждение – главная проблема человеческого существования современной эпохи и всех достойных науки исследований. Я не знаю других понятий, тем и проблем, которые были бы так глубоко разработаны в классической традиции, но находятся сегодня в столь глубоком загоне» (Там же. С. 196).

5. Социологические теории конфликта. Л. Козер, Р. Дарендорф

Конфликтологическая парадигма в теоретической социологии сформировалась благодаря трудам Г. Спенсера, К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа и Л. Козера. Отношение классической теоретической социологии к проблемам конфликта было достаточно сложным. Сторонники функционализма вслед за Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом рассматривали конфликт как своего рода патологию, болезнь, проявление дисфункционального расстройства социальной системы. В этом разделе мы рассмотрим теории социального конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера. Их теории стали одновременно и вызовом, и дополнением к теории структурного функционализма. Хотя теория конфликта содержит некоторые элементы марксистской теории, она не является наследницей оригинальной марксистской мысли в полном смысле этого слова. Последователем рассматриваемого направления в социологической мысли можно считать Рэндалла Коллинза, однако речь при этом идет не о теоретико-содержательной преемственности, а скорее о том, что Коллинз продолжает заниматься социальным конфликтом и считает его изучение одним из основных направлений в социологической теории.

Ключевые слова и термины : господство, власть, неравенство (социальное расслоение), социальный конфликт, интересы, явные и латентные интересы, квазигруппы, группы интересов, конфликтные группы, классы, принудительно-координированные ассоциации, конфликтная ситуация, объект конфликта, групповая сплоченность, типология конфликтов, функции конфликтов, динамика конфликта, стратегии конфликтного поведения, регулирование конфликта.

Основные представители

Дарендорф Ральф (Dahrendorf) – (род. 1929) – немецкий социолог, философ и политический деятель либеральной ориентации. Учился в университете Гамбурга, где защитил докторскую диссертацию по философии. Р. Дарендорф получил известность с конца 50-х годов как исследователь феномена социального конфликта. С 1958 по 1967 год был профессором в университетах Гамбурга, Тюбингена, Констанца, в 1968–1974 годы – член федерального правления СвДП, с 1974 по 1984 год исполнял обязанности директора Лондонской школы экономики и политических наук. Р. Дарендорф – автор 27 книг по социологии и политологии. Сегодня он является членом палаты лордов Великобритании. В последнее время Ральф Дарендорф активно участвует в политической жизни, занимается политологическими исследованиями и не публикует чисто социологических работ.

Основные работы

- (1956): «Индустриальная и производственная социология»;
- (1959): «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе»;
- (1959): «Социальная структура производства»;
- (1967): «Общество и демократия в Германии»;
- (1975): «Новая свобода».

Козер Льюис Альфред (Coser) – (род. 1913) – американский социолог немецкого происхождения. Учился в 1935–1938 годы в Сорбонне у учеников Э. Дюркгейма Поля Фоконне и Селестена Бугле. В 1941 году эмигрировал в США. В конце 40-х – начале 50-х годов преподавал социологию в Чикагском колледже. В 1954 году в Колумбийском университете под руководством Р.К. Мертсона защитил диссертацию, посвященную социальному конфликту. Затем на основе этой диссертации вышла знаменитая книга «Функции социального конфликта». Она стала социологическим бестселлером и вошла в круг обязательного чтения на гуманитарных факультетах США. Л. Козер активно участвует в научной жизни. Он был президентом Восточного социологического общества (1964–1965) и Американской социологической ассоциации (1975–1976), работал в исполнительном комитете и Совете ассоциации. «Я всегда активно участвовал во внутренней жизни социологического сообщества, – писал Козер, – но так и не смог стать приверженцем какого-то определенного подхода или теории, которые время от времени доминировали в социологии на протяжении XX века». Козер написал еще много книг на разные темы. Он автор работ по социологии литературы и истории социологических идей, редактор сборников работ европейских ученых, различных социологических журналов. Для студентов, изучающих историю социологии, особенно будет интересна книга «Мастера социологической мысли».

Основные работы

- (1956): «Функции социального конфликта»;
- (1957): «Социологическая теория»;
- (1965): «Люди идей»;
- (1965): «Георг Зиммель»;
- (1966): «Последние исследования социального конфликта»;
- (1967): «Политическая социология»;
- (1971): «Мастера социологической мысли»;
- (1984): «Американские ученые-эмигранты».

Коллинз Рэндалл (Collins) – (род. 1941) – американский социолог. Учился в Гарвардском университете, где долго выбирал будущую специальность и, наконец, выбрал «социальные отношения», куда входили социология, социальная психология и антропология. Р. Коллинз прослушал курсы лекций, которые читал Т. Парсонс. Он учился также в Стэнфордском университете и Калифорнийском университете в Беркли, где начал заниматься теорией конфликта. Здесь он слушал Г. Блумера, создателя школы символического интеракционизма, а также познакомился с работами Э. Гофмана, который преподавал в то время в Беркли. Р. Коллинз начал свою преподавательскую карьеру в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. В настоящее время Коллинз – профессор социологии в университете Пенсильвании.

Интересы Р. Коллинза чрезвычайно широки и социология конфликта лишь одна из многих областей научной деятельности, в которые он внес свой вклад. Существующие теории конфликта он дополнил микроанализом. Конфликт, по Коллинзу, – центральный процесс социальной жизни. Ученый реализовал в своих работах конфликтный подход к стратификации с феноменологической и этно-методологической точки зрения. Социальные структуры он склонен рассматривать скорее как модели взаимодействия, а не как внешние, носящие принудительный характер сущности. В то время как большинство теоретиков конфликта считали, что действующий индивид или группа испытывают принуждение внешних сил, Коллинз полагал, что действующие социальные агенты постоянно воссоздают социальную организацию. С точки зрения конфликта Коллинз рассматривал не только социальную стратификацию, но и отношения между полами, возрастными группами, а также формальные организации как сети межличностных влияний и арены конфликтующих интересов. Коллинз считает, что теория конфликта предпочтительней большинства других теорий, так как стремится к синтезу микро- и макроуровней социального мира.

Основные работы

- (1975): «Социология конфликта»;
- (1979): «Мандатное общество»;
- (1985): «Социологическая теория Вебера»;
- (1985): «Три социологические традиции»;
- (1990): «Теория конфликта и успех макроисторической социологии».

Основные темы, положения и вопросы для изучения темы «социология конфликта»

Проблема конфликта в классической социологии занимала многих известных ученых, таких как Л. Гумплович, У.Г. Самнер, К. Маркс, Г. Спенсер, Г. Зиммель, Р. Парк и др. Бесспорно, конфликтологическая парадигма в социологии опирается прежде всего на теорию общества и истории Карла Маркса.

Наиболее важные тезисы К. Маркса, которые были заимствованы теоретиками социологии конфликта:

- конфликт в обществе *неизбежен* (за исключением «высшей стадии» коммунистической формации);
- причиной возникновения конфликта является *неравенство* в отношениях к собственности;
- развитие конфликта происходит в результате *осознания* конфликтующими сторонами своих интересов;
- конфликт порождает *социальные* изменения.

Все эти тезисы в той или иной форме реализованы в изучаемых социологических концепциях. Маркс показал *три важные вещи* : то, что конфликт неизбежен, что он является движущей силой социальных изменений и что он коренится в самой социальной структуре. Это бесспорно и для Р. Дарендорфа и для Л. Козера.

Еще одним предшественником современной социологии конфликта был Г. Зиммель. Он тоже убежден в неизбежности конфликтов. Однако главной причиной таковых выступает, по его мнению, не столько столкновение интересов, сколько существование неких инстинктов враждебности. Эти импульсы становятся источником конфликтного поведения индивидов. Таким образом, конфликты обусловлены психологически и биологически. Бесконфликтное и полностью гармоничное общество лишено жизни и стимулов для дальнейшего развития. Конфликтные процессы не обязательно деструктивны, они могут также способствовать достижению единства и целостности общества. Г. Зиммель одним из первых поставил вопрос о степени остроты конфликтов и переменных, влияющих на нее.

На *остроту конфликта* , по мнению Г. Зиммеля, влияют:

- *эмоциональность* конфликтующих сторон (а эмоциональность конфликтующих групп обусловлена степенью их причастности к конфликту – прежней враждебностью, например);
- *уровень организованности группы* и внутригруппового согласия;
- *степень изолированности и обособленности* группы;
- *наличие или отсутствие конкретных целей* у участников конфликта;
- то, выходят ли *цели* участников за пределы их индивидуальных интересов .

Зиммель считал, что высокая эмоциональность конфликта и выход его за рамки индивидуальных целей могут привести к применению насилия. Он также проанализировал основные функции социальных конфликтов.

Один из классиков Чикагской школы Р. Парк включил социальный конфликт в число четырех основных видов социального взаимодействия – наряду с соревнованием, приспособлением и ассимиляцией. Социологические теории конфликта А. Козера и Р. Дарендорфа появились позже, в середине XX века. Появление этих концепций можно расценивать как реакцию на «стабилизационную» ориентацию в социологии и как альтернативу теории Т. Парсонса.

Р. Дарендорф: конфликтный структурализм

Задуманная как альтернатива теории Т. Парсонса, теория Р. Дарендорфа должна была разрушить парсоновский призрачный образ социального согласия и гармонии. Но в результате мы находим новую социологическую теорию социального порядка, которая органично включает социальный конфликт. Общество не может существовать как без конфликта, так и без согласия, которые являются предпосылками друг для друга. Общество, по мнению Р. Дарендорфа – это система господства и принуждения. Отношения господства и подчинения – источник систематических социальных конфликтов. В этой связи интересно сопоставить социологические концепции Парсонса и Дарендорфа.

Понимание общества Р. Дарендорфом . *Общество как «досадный факт» человеческого существования* . Выражение «общество как “досадный” факт» по своему смыслу сравнимо с понятием социального факта у Э. Дюркгейма (отражает объективность и принудительность социальных структур). Общество – любой вид социальной связи, где люди суть носители определенных позиций, которым соответствуют социально-ролевые наборы. Однако у людей при этом есть собственные интересы. Различные позиции наделены разными властными полномочиями. Власть принадлежит не индивидам, а позициям. *Первая задача анализа конфликта* – определение властных ролей в обществе.

Общество – это совокупность «*принудительно-координированных ассоциаций*», важнейший признак которых – принудительное нормирование и санкционирование. А для этого нужна система господства, т.е. организованные социальные общности (система ролей и статусов), объединения людей, которые контролируются другими группами, занимающими более высокое положение в иерархической структуре. Общество содержит множество таких ассоциаций, индивид может занимать властное положение в одной и подчиненное в другой. В таких ассоциациях возникают отношения по поводу распределения ценных ресурсов – власти и авторитета. Власть *дихотомична* в пределах каждой ассоциации, отсюда два основных вида социальных ролей: господствующие и управляемые. Первые хотят сохранить порядок, вторые – перераспределить власть. Отсюда конфликтное взаимодействие, результатом которого могут быть структурные изменения, перераспределение власти. *Типы структурных изменений* : полная смена правящей группы, новые выборы, сохранение власти, модернизация ценностей и норм.

Интересы – главные ориентации действий людей, связанные с их положением в социальной структуре. В каждой ассоциации всегда существует по крайней мере скрытый конфликт интересов. Легитимность власти всегда ненадежна. Интересы объективны, так как отражаются в ролях (ожиданиях), соответствующих статусным позициям. Эти ожидания могут быть неосознанными (латентные интересы). Люди привыкают к ролям при участии в конфликтах. *Анализ связи между латентными и явными интересами* – важнейшая задача теории конфликта.

Критика Дарендорфом *утопического представления* об обществе, в котором не существует системы господства и классовой структуры:

- в таких утопических обществах невозможно помыслить стимулы к изменению и инструменты изменения – здесь процветает стагнация: скука бесконечного управления одними и теми же нормами превращается в структурный принцип;
- радикальные перемены не могут быть осуществлены без системы господства, поскольку, как показывает история, анархическое управление приводило к диктатуре и террору;
- в истории не существовало обществ, где бы отсутствовала система господства (она не всегда просматривается), а в современных обществах установление и изменение норм – неизбежный процесс.

Концепция господства Р. Дарендорфа . Господство ведомо всем обществам, однако практическая реализация господства и необходимых для этого институтов в полном объеме ведомо не всем. *Система господства, пронизанная конфликтами и изменениями* – образ общества, его смысл, который оправдан исторически, политически и социологически. Система господства – главный объяснительный принцип в социологической теории, «порядок» всех обществ в представлении Р. Дарендорфа.

Модель господства . Оно призвано:

- гарантировать и сохранять нормы (власть – судебная);
- развертывать и применять нормы (власть – исполнительная);
- устанавливать и изменять нормы (власть – законодательная).

Отсюда можно вывести виды обществ с доминированием того или иного вида власти или двух видов сразу.

Социальное расслоение . Социальное расслоение, по Дарендорфу, – неравенство рангов дифференцированных социальных позиций. Неравенство можно разделить на *транзитивное* (господство и классовая структура) и *нетранзитивное* (социальное расслоение). Господство и классовая структура называются «транзитивными» (видами неравенства), так как они подвижны, их содержание меняется в зависимости, например, от исторической эпохи. А социальное расслоение – «нетранзитивно», поскольку является следствием системы господства, а не источником перемен в социальном слое. Социальное расслоение – результат неодинакового размещения позиций по отношению к господствующим ценностям (к санкциям), то есть

дистрибутивная система статусов выводится из продуктивной системы господства. Система господства продуктивна, потому что содержит в себе источник обновления, а социальное расселение выражается в системе статусов, дистрибутирует систему господства.

Модель социального расслоения :

1. *Структуры господства* – поле инициативы и распределения человеческих интересов – источник возникновения норм.

2. *Нормы* – мерил для наказания и вознаграждения людей – благоприятствуют одним ролям и препятствуют другим.

3. *Социальные роли* – ролевые связки институциональных ожиданий – неодинаковые шансы на выполнение норм.

Наличие господства и подчинения ведет к конфликту. *Конфликт*, по Дарендорфу, ни что иное как структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп. Социальный конфликт – любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные («латентные») или субъективные («явные») противоположности. При определении конфликта предполагается, что степень осознания противоречия не важна для характеристики отношений как конфликтных. На первом этапе конфликта противоположность может быть как осознанной, так и не осознанной. Каждый конфликт сводится к отношениям двух элементов. Если в конфликте участвуют несколько групп, коалиции восстанавливают его биполярность.

Исходя из всего сказанного выше предметом изучения социологии, по Дарендорфу, является – рассмотрение способов, с помощью которых структуры господства в обществах обуславливают неравенство социальных позиций, которое в свою очередь превращается в отправную точку для столкновений и конфликтов, в мотор социальных изменений. Социология – это опытная наука, здесь необходимы систематические наблюдения. Homo sociologicus («человек социологический»), а именно человек, конформный по отношению к нормам, является фикцией. По мнению Р. Дарендорфа, такое представление может быть опасно, если использовать его в политических целях.

Диалектическая теория конфликта Р. Дарендорфа. Конфликт вызывает социальные изменения. Но после распределения власти вновь образуются группы управляющих и управляемых, и конфликтная ситуация воспроизводится. *Основное назначение социального конфликта* – изменение, в социальных конфликтах проявляется творческая и жизненная сила общества. Конфликты нужно соотносить с историческим процессом в человеческих обществах. Конфликты – не причина, а импульс социальных изменений, определяющий формы и размеры изменений.

Причины возникновения конфликтов :

- взрывной характер социальных ролей, оснащенных противоречивыми ожиданиями;
- несовместимость значимых норм;
- региональные и конфессиональные различия;
- система социального неравенства (социальное расслоение);
- универсальные барьеры между господствующими и подвластными.

Образование конфликтных групп также зависит от *технических* (соответствующие коллективы), *социальных* (коммуникационные связи) и *политических* (общеполитический климат) условий.

Динамика конфликта. От квазигрупп (люди со сходными социальными позициями) через осознание интересов переход к социальным группам (группы интересов), в которых наблюдается групповая идентичность и осознание групповых границ, а затем к конфликтным группам; а далее следует установление новой системы господства в результате конфликта; и снова новые циклы конфликтных отношений.

Острота конфликта. Конфликт тем острее, чем:

- больше распределение власти связано с распределением других ресурсов;

- больше условий для образования конфликтных групп;
- шире распространение относительной бедности неимущих слоев (что зачастую обуславливает насильственный характер конфликта);
- менее конфликтные группы способны приходить к согласию;
- ниже интенсивность мобильности между господствующими и подчиненными группами.

Вертикальная и горизонтальная мобильность снижает интенсивность и остроту конфликтов. *Идеал общества*, по Р. Дарендорфу, – высокоподвижное общество, признающее конфликты, придающее им формальный характер и регулирующее их протекание.

Социальные изменения зависят от степени остроты конфликта: чем острее конфликт, тем больше изменений происходит в социальной структуре. Темпы структурных изменений зависят от применения насилия в конфликте: чем больше насилия – тем выше эти темпы.

Типология конфликтов. Дарендорф различает конфликты:

- между различными ожиданиями применительно к одной роли;
- между ролями;
- внутригрупповые;
- межгрупповые;
- на уровне всего общества;
- между государствами (или обществами).

Критика Дарендорфом марксистского анализа классов и концепций социального согласия. Люмпен-пролетариат не может образовать конфликтную группу, так как люди попадают в эту социальную категорию случайным образом. А когда люди попадают в квазигруппу структурно обусловленным способом, они образуют благодатную почву для образования групп интересов, а иногда и конфликтных групп. *Классы для Дарендорфа* – это конфликтующие социальные группы, основание для определения которых и их отличительный признак состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер.

В современном обществе, по мнению Р. Дарендорфа, конфликты носят плюралистический характер. Они становятся многообразными в связи с дифференциацией интересов. Для современного общества характерна и высокая степень институционализации конфликтов (вырабатываются правила для ведения конфликтов: соперники хорошо организованы). Классического классового конфликта, о котором писал К. Маркс, в современном обществе не существует. Это обусловлено:

- 1) значительной численностью и большим политическим весом классового большинства;
- 2) индивидуализацией конфликтов;
- 3) наличием гражданского равноправия;
- 4) высоким уровнем организации сторон.

Конфликтный функционализм Л. Козера

Л. Козер задался целью дополнить функциональную теорию рассмотрением функций социального конфликта и активизировать наследие Г. Зиммеля, которое не было широко известно в США. *Представления Л. Козера об обществе* таковы:

- социальный мир – система взаимосвязанных частей;
- любая социальная система нестабильна: все время в разных ее частях возникают напряженности, конфликты интересов;
- в обществе постоянно возникают процессы, которые способствуют возрастанию или ослаблению интеграции и адаптации социальной системы;
- некоторые процессы, которые обычно считают деструктивными, например социологические конфликты, могут в определенных условиях укреплять интеграцию социальной системы, увеличивать приспособляемость этой системы к окружающей среде.

Основные понятия

Конфликт рассматривался Козером:

- как важнейший элемент социального взаимодействия, ответственный за обновление социальной структуры;
- как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп и индивидов в борьбе за объективные цели: власть, изменение статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и пр.

Легитимность – важнейшая переменная в исследовании конфликтов, без учета которой невозможно предсказать, воплотятся ли в реальные конфликты чувства враждебности, порожденные неравным распределением прав и привилегий. Отсюда, *источник конфликта* – сомнение неимущих групп в законности распределения дефицитных ресурсов. *Актуализация конфликта* зависит от степени депривации неимущих, от отсутствия каналов выражения недовольства существующим распределением, низкой интенсивности социальной мобильности и других причин.

Л. Козер – ученик Р. Мертона поэтому в своей социологической теории конфликта следует правилам функционального анализа, разработанным Р. Мертоном:

- рассматривает общество как *функциональное единство* ;
- изучает *функции и дисфункции* конфликтов;
- реализует тезис о том, что *разные структуры* выполняют *сходные функции* ;
- учитывает *структурный контекст* протекания конфликта;
- анализирует *явные и латентные* функции конфликтов.

Функции социального конфликта , по Л. Козеру, (как правило, они реализуются при определенных условиях, т.е. не обязательно всегда и везде) следующие:

- установление четких групповых границ;
- централизация принятия решений в противоборствующих группах;
- интеграция группы;
- социальные изменения: интеграция и адаптация системы;
- снятие напряжения, которое обеспечивают в основном мелкие конфликты;
- препятствование поляризации общества;
- восстановление и создание новых (групповых) норм;
- в открытых системах конфликт способствует равновесию всей системы, распределения власти;
- образование новых ассоциаций;
- коммуникативная функция.

Острота конфликта , с точки зрения Л. Козера, зависит от:

- *условий, его вызывающих* : чем их больше, тем конфликт острее;
- *степени эмоциональности сторон* (а эмоциональность зависит от величины групп, первичности или вторичности связей между членами групп – например, чем меньше группа, чем более тесны связи внутри нее, тем более эмоционален конфликт);
- *жесткости социальной структуры* – чем она жестче, тем меньше имеется институционализированных средств для погашения конфликта;
- того, *какие интересы* преследуют участники конфликта: реальные или нереальные: в первом случае – острота ниже, а во втором – выше;
- *содержания конфликта* – более острыми являются конфликты по поводу ценностей (особенно часты такие конфликты в жестких структурах);
- *сплоченности группы* – чем сплоченнее группа, тем острее конфликт.

Длительность конфликта зависит от таких факторов, как ясность целей конфликтных групп, степень их согласия по поводу смысла победы или поражения, способность лидеров к трезвым оценкам своих действий и возможных результатов.

Типы конфликтов, по Козеру . По мнению Л. Козера, нужно разделять чувства враждебности и их поведенческое проявление (конфликт): враждебность сама по себе не может объяснить социальный конфликт. Л. Козер различал:

- социальные и другие конфликты;
- внутригрупповые и межгрупповые или внутренние и внешние конфликты;
- реалистические и нереалистические;
- затрагивающие базовый консенсус и не затрагивающие его;
- смешанные типы;
- замещение объектов и замещение средств в динамике конфликта;
- в соответствии с характером регуляции конфликта на институционализированные и абсолютные.

Концепции конфликта Л. Козера и Р. Дарендорфа оказались *сходными* :

- в критике структурного функционализма – функционалисты слишком пренебрегали измерениями власти и интереса;
- в том, что представление о человеке как о конформном существе – фикция, у человека, у различных групп всегда есть интересы, которые они готовы отстаивать;
- в представлении о конфликте как о движущей силе развития социальной структуры: конфликт – импульс для социальных изменений.

Однако Л. Козер считал, что функциональную теорию общества следует дополнить теорией конфликта, а Дарендорф полагал, что социологическую теорию конфликта следует радикально отличать от функциональной модели общества. Дарендорф был уверен, что конфликты можно объяснить только исходя из существующей системы господства. Л. Козер скорее был ориентирован на взаимозависимость частей социальной структуры, которая сдерживает конфликты, несмотря на различие интересов.

Из социологической концепции конфликта Л. Козера вытекает представление о *задачах социологии*.

С точки зрения Козера, социология:

√ призвана описывать механизмы социальной жизни, исповедовать позитивный функционализм, заниматься конструктивной конфликтологией;

√ должна быть нацелена одновременно и на совершенствование социальных отношений и на критический анализ функционирующей системы, социальное просветительство, распространение социологического мировоззрения для изменения общества;

√ призвана демонстрировать многообразие вариантов постановки и решения социальных проблем, конструктивно участвовать в их решении. Социолог должен разрабатывать теорию, не задумываясь о ее применении на практике. Однако ценность этой теории будет зависеть от возможности ее применения в исследовательской деятельности. Это диалектическое взаимодействие между теорией и конкретными исследованиями составляет или скорее должно составлять сущность работы социолога.

Библиография

Первоисточники

Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М., 2002.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Фрагменты из книги // Иностранная литература. 1993. № 4.

Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе //

Вопросы философии. 1990. № 2.

Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // Коммунист. 1990. № 16.

Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Политические исследования. 1993. № 5.

Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Политические исследования. 1997. № 6.

Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000.

Козер Л. Функции социального конфликта. Завершение конфликта // Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 542–555.

Критическая литература и учебники

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 1994.

История теоретической социологии. Т. 3 / Под ред. И.Ф. Девятко. – М., 1998. С. 402–424.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. – М., 2002. С. 147–153.

Танчер В.В. Льюис Козер: функциональность конфликта и польза несогласия в науке // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994. С. 265–273.

Тернер Дж. Структура социологической теории. – М., 1985. Гл. 5–8.

Дополнительная литература

Социальный конфликт: современные исследования. – М., 1991.

Социальные конфликты в трансформирующихся обществах. – М., 1996.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теория общества. Сборник. – М., 1999.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Охарактеризуйте концепции Л. Козера и Р. Дарендорфа, их место и значение в истории социологической мысли.

2. Можно ли сказать, что концепция Р. Дарендорфа стала реальной альтернативой структурному функционализму Т. Парсонса?

3. Подробно опишите типологию конфликтов по Р. Дарендорфу.

4. Перечислите основные понятия социологии Р. Дарендорфа.

5. Какие тропы и из какой утопии указывает Р. Дарендорф в своих работах?

6. Почему теория конфликта Р. Дарендорфа называется диалектической?

7. Каковы источники конфликтов и динамика конфликтов в теории Дарендорфа?

8. Какова основная функция конфликтов по Р. Дарендорфу?

9. Можно ли представить себе общество, где не существует системы господства? Как ответил бы на этот вопрос Р. Дарендорф?

10. Какова роль в обществе отдельных индивидов? Почему Р. Дарендорф отвергал модель homo sociologicus?

11. В чем отличие теории Р. Дарендорфа от теории конфликта Л. Козера? В чем сходство?

12. Охарактеризуйте основные черты социологической концепции конфликта Л. Козера.

13. Можно ли назвать теорию Л. Козера «конфликтным структурализмом»?

14. Какие методологические принципы позаимствовал Л. Козер у Р. Мертона при анализе социальных конфликтов?

15. От чего зависит острота конфликта с точки зрения Л. Козера?

16. Какова типология социальных конфликтов у Л. Козера?

17. Каковы основные функции социального конфликта? Можно ли выделить наиболее важные? Есть ли у конфликтов дисфункции?

18. Какие внутригрупповые особенности влияют на протекание социальных конфликтов по мнению Л. Козера?

19. Чем еще, кроме теории конфликта, известен Л. Козер как социолог?

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«...социолог должен быть не просто человеком, занимающимся социологией. Все то, что он делает, говорит и пишет, в известной мере воздействует на общество... Сегодня мне представляется более важным предупреждение от радикального отделения науки от оценочных суждений, чем против их смешения. Ответственность социолога не заканчивается с выполнением требований науки. Может быть, она только начинается в момент, когда процесс научного познания в отношении конкретной проблемы завершается. Эта ответственность заключается в постоянной проверке политических и моральных последствий научной работы» (*Дарендорф Р.* Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М., 2002. С. 119–120).

«Конфликт представляется универсальным социальным фактом и, вероятно, даже служит необходимым элементом всякой социальной жизни» (Там же. С. 360).

«Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизующимся столкновениям между организованными сторонами» (*Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143).

«...мы не можем помыслить общество, не подумав тотчас же о господстве. Не существует общественного договора без такого договора о господстве, который обосновывает полномочия по установлению норм. Общество есть нормирование, а для установления норм и принуждения к их выполнению требуется господство» (*Дарендорф Р.* Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. С. 446).

«Пусть утопия имеет смысл и ценность в качестве противоположности несовершенной реальности – в качестве политической программы она столь же опасна, сколь неверна как социологическая теория» (Там же. С. 453).

«Кто хочет достигнуть общества без конфликтов, тому придется добиваться этого посредством террора и полицейского насилия, ибо сама мысль о бесконфликтном обществе есть акт насилия по отношению к человеческой природе» (Там же. С. 374).

«Согласно моему тезису, постоянная задача, смысл и следствие социальных конфликтов заключаются в том, чтобы поддерживать изменения в глобальных обществах и их частях и способствовать этим изменениям» (Там же. С. 370).

«Прекращение конфликтов, которое, в противоположность подавлению и “отмене” обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть регулированием конфликтов. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в которой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» (*Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта. С. 145).

«Основания для конфликтов существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции. Но социальные структуры различаются по дозволенным способам выражения антагонистических требований. Некоторые

относятся к конфликтам более терпимо, чем другие» (Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. С. 180).

«Нас интересуют скорее функции, а не дисфункции социального конфликта, то есть те его последствия, которые служат усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости конкретных социальных отношений или групп. Социальный конфликт отнюдь не представляет собой только негативный фактор, ведущий к разрыву и распаду, он может выполнять ряд определяющих функций в группах и межличностных отношениях... Убеждение в том, что социальный конфликт обязательно ведет к деструкции отношений, в рамках которых он происходит, приводит... к его совершенно неадекватной интерпретации. Внимание к функциональным аспектам социального конфликта не означает отрицания того, что некоторые его формы действительно разрушают групповое единство или ведут к дезинтеграции определенных социальных структур. Однако выбранное нами направление анализа поможет сбалансировать исследования социального конфликта, ведущиеся в других направлениях...» (Там же. С. 32).

«Неравное распределение прав и привилегий может порождать враждебные чувства, но эти последние совсем не обязательно приводят к конфликту, Это различие между конфликтом и чувствами крайне важно. В отличие от чувства враждебности конфликт всегда происходит во взаимодействии двух или более сторон. Враждебное отношение представляет собой предрасположенность к конфликтному поведению; конфликт же, напротив, всегда *транзакция*... Воплотится ли чувство враждебности в реальном конфликтном поведении, отчасти зависит от того, считается ли неравное распределение прав легитимным или нет» (Там же. С. 57).

«...существует один механизм защиты против конфликта, разрушающего основу взаимоотношений, и содержится он в самой социальной структуре: это институционализация конфликта и терпимость по отношению к нему. Станет ли внутренний конфликт средством уравнивания социальных отношений и согласования противоречащих друг другу устремлений или он взорвет общество изнутри – это в значительной мере зависит от социальной структуры, в которой он происходит» (Там же. С. 179–180).

«Стабильность в свободно структурированном обществе, часто неправильно отождествляемую с отсутствием конфликтов, можно отчасти считать продуктом постоянного пересечения разнообразных и разнонаправленных конфликтов» (Там же. С. 101).

«Взаимозависимость конфликтующих групп и множественность неаккумулирующихся конфликтов представляют собой один (хотя, конечно, не единственный) из механизмов, предотвращающих нарушение базового консенсуса в открытом обществе» (Там же. С. 103).

«Различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном регулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа согласие сторон сведено к минимуму, борьба прекращается только в случае полного уничтожения одного или обоих противников» (Там же. С. 187).

«Завершение всех видов конфликтов (за исключением абсолютных) предполагает обоюдную активность соперников. Поэтому данный процесс нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. Вопреки соображениям здравого смысла решающий вклад в окончание конфликта вносит не только тот, кто, вероятно, останется в выигрыше, но и тот, чей проигрыш уже предрешен. ...Иначе говоря, неотъемлемым элементом победы оказывается готовность проигравшего пойти на уступки. Недвусмысленное признание своего поражения служит в данном случае доказательством истинной силы» (Там же. С. 189).

6. Феноменологическая социология знания П. Бергера и Т. Лукмана

Термин «социология знания» введен немецким философом М. Шелером. Социология знания затем была развита К. Мангеймом. Появление книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966) ознаменовало собой появление феноменологической социологии знания, отдельного направления в социологической мысли. П. Бергер и Т. Лукман – ученики А. Шюца, основателя феноменологической социологии. Феноменологическая социология знания изучает возникновение, формирование и распределения знания в обществе. В отличие от предшествующей социологии знания Бергер и Лукман стали изучать дотеоретическое, повседневное знание. Другими словами, проблема была поставлена следующим образом: как человек конструирует свой жизненный мир, повседневную реальность и как этот мир повседневности создает самого человека. Несмотря на то, что главным идейным источником является социология А. Шюца, рассматриваемая теория глубоко укоренена в традициях западной социологической мысли. В ней мы найдем развитие идей Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, Дж. Г. Мида и др.

Ключевые слова и термины : повседневность, дотеоретическое знание, наличный запас знания, экстернализация, объективация, интернализация, реификация, хабиитуализация, институционализация, легитимация, символический универсум, социальные роли, первичная и вторичная социализация, идентичность, секуляризация.

Основные представители

Бергер Питер Людвиг (Berger) (род. 1929 г.) – американский социолог и философ, представитель школы феноменологической социологии знания, лютеранский теолог, крупный специалист в области социологии религии, идеолог неоконсерватизма. Широкому кругу читателей стал известен как сторонник гуманистической перспективы в социологии. Питер Бергер родился в Вене. После непродолжительного обучения в Лондонском университете эмигрировал в США (1946). В 1949 году П. Бергер получает степень бакалавра, в 1950 году – степень магистра и в 1954 году – доктора. Одно время П. Бергер учился в Лютеранской теологической семинарии, которую не закончил из-за того, что усомнился в истинности лютеранских постулатов. Но уже позже, в 60-е годы, его взгляды изменились: от неортодоксальной позиции он обратился к традициям протестантского либерализма. В 1950–1960-е годы Бергер занимался исключительно академической деятельностью: участвовал в исследованиях Германской евангелической академии, преподавал и консультировал в женском колледже в штате Северная Каролина (1956–1958), ассистировал в колледже Хартфорда (1958–1963), непродолжительное время был преподавателем социологии в Университете Рутджерса, штат Нью-Джерси. С 1963 года начал преподавать в аспирантуре Новой школы социальных исследований, а в 1966 году там же получил звание профессора социальных наук.

С 1966 по 1968 год П. Бергер занимал пост директора института «Церковь и сообщество». Затем работал редактором журнала «Социальные исследования» (Social Research), а с 1979 по 1981 год был президентом Общества научного исследования религии. Далее преподавательская карьера П. Бергера продолжалась в колледже Бостона, а затем и в университете Бостона. Ныне Питер Людвиг Бергер является директором Бостонского Института экономической культуры.

Основные темы, затрагиваемые П. Бергером в его работах: повседневность и обыденное дотеоретическое знание, социализация и институционализация знания в обществе, модернизация, секуляризация, связь между религиозным сознанием и конструированием мира человеком, субъективация религии, анонимность в обществе, бюрократическая организация, проблемы «стран третьего мира», проблемы брака в современном обществе. Можно сказать, что

главная тема этих работ – современное общество.

Основные работы

- (1963): «Приглашение в социологию»;
- (1966): «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (в соавторстве с Т. Лукманом);
- (1967): «Священная завеса. Элементы социологической теории религии»;
- (1969): «Слухи об ангелах»;
- (1973): «Социальное бытие религии»;
- (1973): «Бездомное сознание. Модернизация и Сознание»;
- (1974): «Пирамиды жертв. Политическая этика и социальное изменение»;
- (1977): «Лицом к Современности»;
- (1979): «Еретический императив. Современные возможности»;
- (1981): «Реинтерпретированная социология» (в соавторстве с Х. Кельнером);
- (1986): «Капиталистическая революция».

Лукман Томас (Luckmann) (род. 1927) – немецкий философ и социолог, профессор социологии университета в Констанце, ученик и последователь А. Шюца, один из ведущих представителей современной социологии знания. В 1953 году он получил степень магистра, а в 1956 году степень доктора философии. Лукман преподавал во многих университетах: Новой школе социальных исследований, в университетах Нью-Йорка, университете Фрейбурга, возглавлял отделение социологии во Франкфуртском университете, а с 1970 года стал профессором социологии в университете Констанца. Книга «Социальное конструирование реальности» (1966), написанная совместно с П. Бергером, получила наибольшую популярность из их совместных работ и представляет собой классический труд по феноменологической социологии знания.

После смерти А. Шюца остался большой научный архив, изучив который, Т. Лукман издал книгу «Структуры жизненного мира» в двух томах (1975 и 1984). Он поставил перед собой задачу описать структуры жизненного мира, а феноменология жизненного мира должна дать обоснование социальных наук. Т. Лукман также занимается социологией религии, рассматривая формы религии в современном обществе, когда роль церкви в жизни людей ослабевает. Т. Лукмана можно считать специалистом в области социологии языка, его прежде всего интересует влияние языка на человеческое сознание, повседневную жизнь и конструирование социальных структур.

Основные работы

- (1963): «Проблема религии в современном обществе»;
- (1966): «Социальное конструирование реальности» (совместно с П. Бергером);
- (1967): «Невидимая религия»;
- (1973): «Структуры жизненного мира» (в соавторстве с А. Шюцем);
- (1978): «Феноменология и социология».

Основные темы, положения и вопросы для изучения темы «Социология знания»

Интеллектуальные предшественники феноменологической социологии знания, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом

Одним из основных источников своей теории Бергер и Лукман называют идеи К. Маркса. Особое влияние на их теоретическое мировоззрение оказало важнейшее положение социальной философии Маркса о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание, а также такие ключевые понятия, как *идеология* (идеи как орудие социальных интересов) и *ложное сознание* (мышление, которое отчуждено от реального социального бытия мыслящего). Исключительно важной для Бергера и Лукмана в социологии Маркса была мысль о том, что идеологии – это мистификации, которые выступают средством манипуляции другими людьми.

Бергер и Лукман отмечают также влияние на свою концепцию идей Ф. Ницше относительно человеческого мышления, которое, по его мнению, выступает в качестве инструмента в борьбе за выживание и власть, социального назначения обмана, самообмана, иллюзии, присущих человеческой жизни («искусство подозрения»).

В списке интеллектуальных источников нужно отметить и *историцизм* (В. Дильтей) с его идеей о том, что ни одну историческую ситуацию нельзя понять иначе, кроме как с точки зрения присущих ей ценностей и понятий.

В феноменологической социологии знания Бергера и Лукмана также ощущается влияние *классических социологических традиций* :

- *социологии М. Вебера* – структура социальной реальности конституируется субъективными значениями;

- *социологии Э. Дюркгейма* – коллективное истолкование реальности – единство в восприятии внешнего мира обусловлено самим обществом;

- *немецкой социологии знания* – идеи *М. Шелера* и *К. Мангейма*. Для М. Шелера социология знания выступала вспомогательной дисциплиной – как инструмент для построения философской антропологии. Но Шелер детально проанализировал способ, с помощью которого общество упорядочивает человеческое знание. Он создал понятие «относительно-естественного мировоззрения общества», которое подразумевает смысловой порядок, кажущийся индивиду естественным способом видения мира в данной социально-исторической ситуации;

- идеи *К. Мангейма*, именно благодаря которому социология знания стала известна в англоязычном мире. Основной тезис Мангейма о том, что общество детерминирует не только возникновение, но содержание человеческих идей, оказал значительное влияние на развитие социологии знания. Мангейм также изучал феномен идеологии, ее влияние на человеческое мышление, на мышление людей, принадлежащих к разным социальным группам (способны ли они выйти за рамки своего видения мира);

- теория *символического интеракционизма*, сыгравшая одну из главных ролей в создании социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Авторы восприняли и развили теорию социализации Дж.Г. Мида, понятия идентичности и принятия роли другого;

- *феноменологическая социология А. Шюца*. Без знания теории Шюца не стоит браться за изучение феноменологической социологии знания. Вслед за А. Шюцем Бергер и Лукман продолжили изучение структур повседневного мышления, применив практически без изменений понятия социологии Шюца (например, «тезис взаимности перспектив», «когнитивный стиль»). Они, можно сказать, реализовали проект самого Шюца, который говорил о необходимости изучения циркуляции знания в обществе, социального распределения знания и его роли в повседневном мышлении.

Социальное конструирование реальности по П. Бергеру и Т. Лукману

Трактат по социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана содержит:

- √ *теорию социального порядка*, его возникновения и сохранения, продолжающую традицию Э. Дюркгейма;

- √ *обогащенную социологию знания*;

√ *социально-психологическую теорию* связи человека и общества, основывающуюся на традиции Дж.Г. Мида;

√ *целостную теорию социализации*;

√ *концепцию идентичности* современного человека.

Основной предмет социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана

В центре внимания феноменологической социологии знания находится *повседневное дотеоретическое знание*, представляющее собой «фабрику значений». *Основные вопросы*, которые ставят Бергер и Лукман:

- Каким образом субъективные значения *становятся* объективной фактичностью?
- Как возникает *социальный запас знания*, который имеется у каждого из нас?
- В чем причина уверенности в присущем всем нам общем знании?

Главная задача труда «Социальное конструирование реальности» – прояснить основания знания обыденной жизни, а именно объективаций субъективных процессов (смыслов), с помощью которых конституируется интересубъективный повседневный мир.

Метод исследования – феноменологический анализ.

Повседневность как «верховная реальность». *Повседневное знание* – знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни. Повседневная реальность:

- массивна;
- принудительна;
- интересубъективна;
- непроблематична, принимается на веру;
- темпоральна (исторична);
- рутинизирована, упорядочена (взаимные типизации);
- содержит привычные способы мышления;
- большей частью анонимна;
- субъективно конструируется в каждый данный момент.

Социальный запас знания. Социальное взаимодействие определяет общая причастность людей к доступному нам социальному запасу знания. Социальный запас знания включает знание ситуации для каждого индивида и ее пределов. Значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем.

Социальный запас знания предоставляет *схемы типизаций*, необходимые для большинства обыденных дел в повседневной жизни – типизации любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных. Знание социально распределено: разные типы индивидов обладают им в различной степени. Причастность к социальному запасу знания способствует «размещению» индивидов в обществе и соответствующему обращению с ними.

Социальный порядок как непрерывное человеческое производство. Социальная реальность, как мы ее воспринимаем исходя из своей социальной позиции, является для нас подлинной социальной реальностью. Поэтому социальный порядок передается нам как само собой разумеющийся.

Социальная реальность систематизируется с помощью социального знания. Наделение знанием происходит через основные процессы, свойственные человеческому сообществу: *экстернализацию, объективацию и интернализацию*. Человек представляет собой такое существо, которое не может не быть активным и не проявлять себя вовне. Такова его природа. Люди сами создают для себя социальную реальность, а значит, создают ее для других: *осмысление всегда представляет собой процесс производства значимого социального порядка*.

Социальный порядок поддерживается с помощью *языка*. Посредством объективаций язык образует порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение эти объективации и сама

повседневная жизнь. Язык – один из самых важных социальных фактов, составляющих едва ли не самую важную часть осмысленного социального порядка.

Институционализация: институты как неоспоримые факты

А. Гелен, немецкий социолог, трактовал институты как устойчивые привычки, они побуждают людей идти проторенными путями, которые общество считает желательными. Взяв за основу это представление, П. Бергер и Т. Лукман сформулировали свою концепцию институционализации.

Всякая человеческая деятельность подвергается *хабитуализации* : мы типизируем известные нам действия и ситуации, делаем их привычными. Институционализация протекает везде, где людьми осуществляется взаимная типизация опривыченных действий. В результате сами институты типизируют как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. При этом институты остаются сконструированной объективностью – они держатся на *взаимном признании и процессе реификации* (овеществлении, придании статуса объективной реальности): интернализуя роли, люди делают этот мир субъективно реальным для себя.

Легитимация как основной механизм поддержания порядка

Основа легитимации – общий опыт, приобретенный всеми членами данного общества. *Легитимации* – это объективации второго порядка. Легитимации объясняют и оправдывают данный социальный порядок для передачи следующим поколениям. *Уровни легитимации*:

- первичное, дотеоретическое знание: «то, что знает каждый»;
- теоретические утверждения в рудиментарной форме (например, здравый смысл);
- явные теории легитимации (дифференцированная система знания);
- символические универсумы (объединение конечных областей значения).

Таким образом, социальный порядок возникает и поддерживается благодаря:

- *институционализации схем поведения* – типизация лежит в основе социального порядка, социальная структура понимается как вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия;
- *легитимации институтов* и моделей поведения;
- *наделению людей обязательным знанием* в процессе *социализации* и *воспроизведению* этого знания в процессе *повседневных взаимодействий* ;
- *предоставлению индивидам репертуара значимых идентичностей* .

Общество как субъективная реальность: непрерывность и устойчивость

Фундаментальный акт поддержания субъективной реальности – постоянное употребление одного и того же языка для объективации разворачивающегося биографического опыта. Ключевым моментом субъективной реальности является процесс *формирования идентичности* – нахождение своего места в мире, субъективное присвоение данного социального мира. Не только значимые другие служат поддержанию субъективной реальности – сама субъективная реальность нуждается в непрерывной «подпитке». *Ролевая дистанция* (понятие, заимствованное из американской социологии) – стремление и способность индивида сохранять свое определение социальной реальности наряду с ее определениями другими людьми – один из важных моментов субъективной реальности.

Социализация . Суть процесса социализации – *интернализация данного социального порядка*. Он включает :

- принятие общества как такового и устанавливаемой объективной реальности;
- субъективное установление целостной личной идентичности.

Социализация никогда не бывает полной, никогда не завершается и всегда протекает в нескольких смысловых пространствах. Социализация:

- делится на *первичную* и *вторичную* ;
- подразумевает решение проблемы рассогласованности между первичной и вторичной социализацией;
- имеет решающей фазой процесс формирования установки обобщенного другого;
- является успешной в случае установления высокого уровня симметрии между субъективной и объективной реальностью. Терапевтические механизмы нужны обществу для коррекции «анормальных» случаев неуспешной социализации или внутренних кризисов и конфликтов.

Условное деление процесса социализации на первичную и вторичную дает представление о составляющих этих процессов: первичная социализация протекает в первичных группах, является первоначальным усвоением ценностей и определений социальной реальности, а вторичная протекает во вторичных группах, в более широком радиусе социального взаимодействия.

Первичная социализация :

- более важна для индивида;
- является квазиавтоматической интернализацией мира: значений, ролей, установок значимых других;
- отношения с людьми строятся большей частью на эмоциональных связях;
- завершается при формировании установки обобщенного другого: индивид знакомится с альтернативными образцами мышления и поведения.

В течение *вторичной социализации* , основная структура которой сходна со структурой первичной социализации, происходит:

- совершенствование навыков социального взаимодействия;
- интернализация институциональных или институционально обоснованных подмиров;
- отношения с другими людьми начинают большей частью определяться обязанностями и деловыми ожиданиями.

Процесс вторичной социализации, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, никогда не завершается, он протекает до конца жизни человека.

Феномен идентичности

Идентичность возникает из диалектической связи индивида и общества. Формирование идентичности – это часть определения реальности, легитимации, поддержания социального порядка: мы интерпретируем собственную реальность и реальность других так, что не разрушаем нормальность повседневной жизни. *Человек обретает идентичность на основе социальных ролей для эффективного взаимодействия с другими :*

- *найти идентичность* – значит, упорядочить различные ожидания и согласовать их с социальным порядком;
- *поддерживать идентичность* – желать и иметь возможности для того, чтобы принимать участие в определенном социальном порядке, сохраняя свою индивидуальность.

Проблематично ли формирование идентичности в современном обществе? Действительно, в современном мире, по мнению Бергера и Лукмана, идентичность превращается в проблему: например, аристократ только играет роль аристократа, манипулируя подчас социальными взаимодействиями. *Можно ли достичь надежной идентичности в наше время ?* По мнению исследователей, «отказ от идентичности» является единственно правильным поведением человека перед лицом требований современности: социальное действие требует не участия всей личности, а учета всех ожиданий других людей.

П. Бергера чрезвычайно интересует сознание современного человека. Поэтому к феномену

идентичности он обращается и в других своих работах. Современное, модернизированное общество, по мнению ученого, предполагает «плюрализацию жизненных миров». Человек сталкивается с самыми различными, зачастую противоречивыми, мирами значений и опыта. И оказывается, что любая из сфер опыта в современном мире ненадежна именно в силу своей относительности, того, что она – всего лишь «одна из многих». Поэтому сегодня человек страдает от углубляющегося состояния «бездомности», специфического вида одиночества.

Социология и социолог

Бергер и Лукман считают, что теория любой дисциплины должна соответствовать эмпирическим данным и способствовать дальнейшим эмпирическим исследованиям. Этим требованиям удовлетворяет феноменологическая социология знания. Например, эмпирическое изучение взаимосвязи тех или иных институтов с символическими универсумами будет весьма плодотворным для социологического понимания современного общества. *Задачу социологии* эти авторы видят в том, чтобы гуманизировать социальный мир, дать индивиду возможность осознать результаты своего творения, поняв тем самым свое истинное значение, а значит получить возможность изменения этого мира. Они полагают, что, вернув человека самому себе как творцу всех общественных объективаций, легитимаций и институционализации, из которых складывается социальная реальность, они уже тем самым обеспечивают ему свободу.

Бергер и Лукман написали много других работ. П. Бергер посвятил ряд исследований призванию социолога, особенностям социологического мышления. Наиболее популярна его работа «Приглашение в социологию» (1963). Бергер понимает задачи и метод социологии в духе М. Вебера. Социологическая перспектива должна быть всесторонней и сравнительной. Бергер также отстаивает этику ответственности, которая руководствуется скорее возможными последствиями, чем абсолютными принципами. Однако социолог не должен отказываться от своих убеждений и вполне может участвовать в политической деятельности. При этом его главной задачей должна оставаться *демистификация идеологических лозунгов*, трезвый анализ как собственных политических убеждений, так и убеждений других.

П. Бергер много внимания уделяет роли социологии в современном обществе, а также в судьбе отдельного человека и самого социолога. В своей работе «Лицом к современности» (1977) он ставит следующий вопрос: в каком смысле, если это вообще правомерно, социологию можно назвать наукой освобождения? Подход П. Бергера к данной проблеме выражается в двух противоречащих друг другу утверждениях:

- *социология обладает качеством разрушения или подрыва установившихся типов мышления* ;
- *социология обладает качеством консервативности в отношении своих последствий для институционального порядка* .

Он полагает, что оба утверждения верны и что понимание этого поможет уловить связь между социологией и свободой. Первое утверждение показывает, что в социологии есть «подрывной» импульс, стремящийся к своему проявлению вопреки желаниям ученых-социологов. Каждое человеческое сообщество основывается на предположениях, которые большую часть времени не только не подвергаются сомнению, но даже не осознаются. Также в каждом обществе существуют типы или образцы мышления, которые без проблем принимаются как очевидные большинством членов этого общества. Альфред Шюц назвал все это «миром, принимаемым на веру». Такой мир формирует параметры и основные сценарии повседневной жизни. Бергер считает, что и специализированные социальные институты, учреждения и материальные интересы так же основаны на таких принимаемых на веру образцах мышления. Таким образом, угроза качеству принятия на веру, которое присуще легитимности типов мышления, очень быстро может превратиться в угрозу легитимным

социальным институтам и учреждениям, а также индивидам, как носителям определенных статусов.

Социология по своей внутренней логике постоянно порождает такого вида угрозы. Просто совершая свою мыслительную работу, социолог подвергает институциональный порядок и его легитимность, обеспечивающуюся определенными типами мышления, критическому и испытующему осмыслению. Таким образом, социология обладает внутренне присущим ей эффектом разоблачения. Она часто вскрывает ложность общепринятых интерпретаций реальности, показывая, что факты не соответствуют «официальному» взгляду, сортирует факты, демонстрируя, что «официальный» – это только один из многих возможных взглядов на общество. Социология в определенных ситуациях представляет собой еще более мощную подрывную силу. Она срывает маски с материальных интересов и делает видимыми те пути, по которым материальные интересы осуществляются с помощью социальных идеологий. Так, социология может стать «политическим динамитом». Таким образом, социологии как научной дисциплине присуще качество освобождения. Но что касается личности, как утверждает Бергер, то социология привносит в сознание такие знания о мире, которые глубоко деструктивны для нее, поскольку могут разрушить привычную картину мира, что в свою очередь грозит утратой смысла существования.

Второе утверждение о том, что социология обладает качеством консервативности в отношении своих последствий для институционального порядка, означает, что социология не обязательно ведет к революционным изменениям в обществе и человеческом сознании, но в действительности часто препятствует этим революционным изменениям. Это утверждение П. Бергер конкретизирует с помощью трех императивов (порядка, непрерывности, тривиальности), социологическое понимание которых поможет показать, что значит жить в любом человеческом сообществе.

Социология ведет к пониманию *порядка как первичного императива* социальной жизни. Принуждение и внешний контроль являются сопровождающими свойствами общества, понимаемого как определенный порядок. *Каждый* социальный институт безотносительно к тому, является ли он «репрессивным» или «основанным на консенсусе», есть наложение порядка, начиная с языка, который признается ученым основным институтом. Поэтому Бергер делает вывод о том, что социальная жизнь питает отвращение к беспорядку так же, как природа к вакууму. В самом деле, революционные движения приводили к успеху тогда, когда им в известной степени удавалось быстро установить новые структуры порядка, в которых люди могли устроиться социально и обрести безопасность психологически.

Императив непрерывности тесно связан с императивом порядка, но не тождественен ему. Он коренится в том простом факте, что у людей есть дети. Если у кого-то есть дети, то от него требуется, чтобы он рассказал им о прошлом и связал прошлое с настоящим. Если кто-то любит своих детей (и так у большинства людей, имеющих детей), то он захочет перенести в будущее все хорошее и полезное, чем он завладел в своей собственной жизни.

Императив тривиальности опять-таки, по мнению Бергера, коренится в основополагающих фактах человеческого поведения, а именно в том, что человек может испытывать волнение или возбуждение только очень непродолжительное время. Социальная жизнь была бы психологически невыносимой, если бы в каждый момент от нас требовалось полное внимание, полностью обдуманное решение и высокая степень эмоциональной вовлеченности. Поэтому *тривиальность* – одно из фундаментальных требований повседневной социальной жизни.

Сказанное выше относится к консервативному качеству социологии, однако, следует подчеркнуть, что это особый консерватизм. Он не основывается на убеждении в священности социальных институтов. Упомянутое ранее «подрывное» качество социологии препятствует такого рода консерватизму. Скорее консервативность социологии заключается в скептическом отношении к статус-кво в обществе, так же как и к различным программам установления новых

социальных порядков.

Социология поэтому является дисциплиной освобождения, но в особом смысле. Не может быть сомнений в ее освобождающем влиянии на сознание. Однако в то же самое время социология задает социальные пределы свободы.

Социология религии

По мнению Бергера и Лукмана, феноменологическая социология знания предполагает также социологию религии, являющуюся наиболее важной ее частью, без которой социология знания попросту невысказима. Понятийный аппарат социологии знания применяется Бергером и Лукманом и в социологии религии. Ученые не считают, что статус научного знания высок, они противопоставляют науку повседневному существованию и религиозному символическому универсуму. При этом наука «разрушает» (или разоблачает, расколдовывает) жизнь в обоих случаях.

П. Бергер считается одним из ведущих специалистов в социологии религии. Он проанализировал важнейшие тенденции развития религии, процесс секуляризации, влияние процесса модернизации на религиозное сознание человека. Бергер изложил свою концепцию религии в книге «Священная завеса» (1967), которая включает, подобно веберовской социологической теории религии, сравнительно-исторический анализ религиозных систем, их функции, процесс секуляризации в исторической перспективе.

Быть членом общества, по П. Бергеру, значит разделять его знание («номос»). Общество – хранитель порядка и смысла в социальных институтах (объективно) и в индивидуальном сознании (субъективно). Отход от разделяемого с другими знания означает потерю жизненной ориентации, смысла жизни. Социальные институты не всегда могут гарантировать стабильность и надежность сконструированного человеком мира. Это возможно только на уровне индивидуальных сознаний, когда социальный мир наделяется характеристиками человеческого космоса. Религия была на протяжении истории самым надежным средством легитимации социального порядка и смысла в человеческом мире. Социальные институты находили свое полное признание в рамках религиозных систем смысла.

Отсюда религия – это созданный человеком *священный космос*. *Священное* – таинственная и могущественная сила. Священный космос противостоит хаосу, бессмысленности, неупорядоченности, защищает человека от страха, хаоса. Бог выступает для человека как предельно значимый другой, можно сказать Абсолютный Другой, придает смысл человеческой жизни, наделяет человека системой ценностей и гарантирует ему защиту от ужасов жизни, хаоса и потери собственной личности. Таким образом, человеческая жизнь в пределах священного космоса приобретает особую значимость. *Функции религии* : социально-конструирующая, легитимирующая, интегрирующая, иллюзорно-компенсаторная, функция индивидуальной самоидентификации.

Религия как священная завеса . Религия связана с отчуждением человека от самого себя. Отчуждение понимается здесь Бергером как процесс, в ходе которого теряется диалектическая взаимосвязь между человеком и его миром, мир становится ему чуждым, человек «забывает» о своей активной роли в конструировании этого мира. Поэтому религия – «ложное сознание»; мир для человека оказывается окутанным священной завесой. Эта завеса скрывает от человека истинную природу отношений между ним, социальной реальностью и священным космосом (где активная роль принадлежит человеку), но одновременно надежно защищает его от страха, хаоса и зла.

Секуляризация в современном обществе ведет к индивидуализации и приватизации религии. Этой теме посвящена работа П. Бергера «Еретический императив» (1979). Если ранее «ересь» или выбор были маловероятной возможностью, то в современном обществе человек находится в ситуации, когда поиски и выбор становятся императивом. Но такое освобождение

двойственно, поскольку несет с собой страх, тревогу и ужас перед неопределенностью настоящего и будущего. Поэтому процесс модернизации неизбежно сопровождается контр-модернизацией: человек, не успев освободиться от религиозных уз, снова стремится к ним. И если церковная религия ослабевает, то приобретает значение частная, индивидуальная религия.

Т. Лукман также считал, что социология религии является важнейшей частью социологии вообще, и вопрос о положении человека в современном мире связан с вопросом о его «символическом универсуме», т.е. с религией. Человек не может жить без осмысления окружающего мира, он мыслит свою биографию как целое и окружающий мир как непрерывный, поэтому ему нужна система взглядов, чтобы помыслить этот мир целостным, непрерывным и понятным. И такой системой взглядов оказывается религия. Подобно П. Бергеру, Лукман также связывает процесс секуляризации не только с уменьшением церковного влияния, но и с возрастанием внецерковной религиозности. Процесс секуляризации вовсе не означает неизбежного отмирания религии: церковно-ориентированная религия заменяется новыми формами. Официальные вероучения терпят поражение, так как не в состоянии выполнять соответствующие легитимирующие функции и церковь теряется на рынке свободной конкуренции товаров, идей и других религий: предлагается слишком много путей спасения, и они конкурируют между собой. Поэтому возникают приватные, самодельные, невидимые религии. Этому посвящена работа Т. Лукмана «Невидимая религия» (1967).

По Лукману, религия предполагает институционализацию символических универсумов, представляющих собой социально объективированные системы значений, которые соотносятся с миром повседневной жизни и указывают на мир, опыт которого выносит за скобки повседневную жизнь. Значение религии для человека заключается в том, что она обращена к трансцендентному опыту, тогда как другие системы значений обращены к повседневному опыту. Конструирование универсума поэтому всегда имеет религиозный характер. Человек изначально религиозен, то есть трансцендирует свою сущность. Таким образом, без религии не может быть целостного видения мира. Мировоззрение как «объективная» социально-историческая реальность выполняет по сути религиозную функцию, его можно определить как элементарную универсальную социальную форму религии.

Библиография

Первоисточники

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. – М., 1996.

Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М., 1996. С. 339–364.

Бергер П. Понимание современности. Социалистический миф // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 127–141.

Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). – М., 1994.

Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. – М., 1999. С. 312–319.

Лукман Т. Некоторые проблемы современных плюралистических обществ // Социальные процессы на рубеже веков: социологическая перспектива. – М., 2000.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская

Критическая литература и учебники

Абельс Х. Концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана // Х. Абельс. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб., 2000. С. 101–136.

Ионин Л.Г. Понимающая социология. Исторический и критический анализ. – М., 1978.

Руткевич Е.Д. Питер Людвиг Бергер // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренко. – М., 1994. С. 195–226.

Руткевич Е.Д. Томас Лукман // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренко. – М., 1994. С. 227–250.

Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. – М., 1993.

Дополнительная литература

Бекк-Виклунд М. Феноменология: мир жизни и обыденного знания // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб., 1992. С. 72–106.

Бутенко И.А. Социология и мир повседневности. – М., 1987.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. – М., 1911.

Ионин Л.Г. Историзм повседневности // Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. – М., 1987.

Ионин Л.Г. Обыденная и профессиональная интерпретация // Структура культуры и человек в современном мире. – М., 1987.

История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 1993. С. 310–329.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.

Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. С. 113–169.

Мангейм К. Очерки социологии знания (Теория познания – мировоззрение-историзм). – М., 1998.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Охарактеризуйте основы социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Какие интеллектуальные источники наиболее важны для социологии знания, построенной этими учеными?

2. В чем особенности человека как социального и биологического существа?

3. Что является основным объектом и предметом изучения социологии знания? Опишите основные особенности повседневной реальности.

4. Почему можно сказать, что социология знания Бергера и Лукмана является наследницей феноменологической социологии А. Шюца?

5. Каковы основные социальные процессы, описываемые в работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»?

6. Какова роль знания в обществе? Что такое «наличный запас знания»?

7. Раскройте роль языка в обществе с позиции социологии знания.

8. Опишите процесс институционализации с точки зрения социологии знания.

9. Опишите процесс реификации и его место в процессе институционализации.

10. Можно ли утверждать с позиции социологии знания, что социальные институты

интегрированы? В каком отношении?

11. Теория социальной роли. Раскройте соотношение между понятиями «социальная роль» и «социальный институт» по Бергеру и Лукману.

12. Какова функциональная роль процесса легитимации в социальном организме?

13. Какие аспекты теории Дж.Г. Мида адаптировали Бергер и Лукман?

14. Назовите различия между первичной и вторичной социализацией по Бергеру и Лукману? Когда начинается вторичная социализация?

15. Что такое «успешная социализация»? «Неуспешная социализация»? Каковы социальные механизмы осуществления относительно успешной социализации?

16. Каково место понятия идентичности в теории Бергера и Лукмана?

17. Как формируется идентичность? Почему ее формирование всегда диалектический процесс?

18. Каковы особенности формирования идентичности в современном обществе?

19. Какова роль теорий идентичности в современном обществе?

20. Опишите институциональное место психоанализа в США, исходя из теоретических посылок Бергера и Лукмана.

Записная книжка по истории социологии: выдержки из работ классиков социологии

«Главная задача: мы должны попытаться прояснить основания знания обыденной жизни, а именно объективации субъективных процессов (смыслов), с помощью которых конституируется интересубъективный повседневный мир. Это отправной пункт социологического анализа» (*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. С. 38).

«Среди множества реальностей существует одна, представляющая реальность *par excellence*. Это реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. Напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни, то есть последняя накладывается наиболее сильно, настоятельно и глубоко... Невозможно не заметить и трудно ослабить ее присутствие. Следовательно, она вынуждает меня быть к ней предельно внимательным. Я воспринимаю повседневную жизнь в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мной как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку» (Там же. С. 40–41).

«Схемы типизации, выступающие в качестве составных элементов ситуации лицом к лицу, конечно, взаимны... В течение большей части времени мои встречи с другими типичны в двойном смысле – я воспринимаю другого как тип и взаимодействую с ним в ситуации, которая сама по себе типична» (Там же. С. 56).

«Язык возникает в повседневной жизни и тесно связан с ней... Я сталкиваюсь с языком как с внешней для меня фактичностью, и он оказывает на меня принудительное влияние. Язык подчиняет меня своим структурам... Язык предоставляет мне готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта... Язык типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей... мой биографический опыт теперь классифицирован согласно правилам организации значений и является объективно и субъективно реальным... Язык конструирует грандиозные системы символических представлений, которые могут возвышаться над реальностью повседневной жизни. Например, религия, искусство, наука. Взаимообмен между этими сферами и повседневностью тоже происходит посредством языка» (Там же. С. 67–70).

«Социальный запас знания дифференцирует реальность по степени знакомства...

Социальный запас знания предоставляет в мое распоряжение схемы типизаций, необходимые для большинства обыденных дел повседневной жизни – не только типизаций других людей... но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных» (Там же. С. 74).

«Человеческое существование невозможно в закрытой форме внутреннего бездействия. Человек должен непрерывно реализовать себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в биологическом аппарате человека. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок социального порядка» (Там же. С. 89).

«Взаимосвязь между человеком-создателем и социальным миром – его продуктом является диалектической и будет оставаться таковой... Экстернализация и объективация – два момента непрерывного диалектического процесса. Третий момент – интернализация, посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации» (Там же. С. 102).

«...de facto институты интегрированы. Но их интеграция не есть функциональный императив для социальных процессов, в ходе которых они создаются; скорее интеграция институтов имеет вторичный характер. Индивиды совершают разрозненные институционализированные действия на протяжении и в контексте всей своей биографии. Эта биография представляет собой отрефлектированное целое, где разрозненные действия воспринимаются не как изолированные события, но взаимосвязанные части субъективно значимого универсума, значения которого не являются характерными только для данного индивида, но социально сформулированы и распределены. Лишь благодаря этому обращению социально распределенных смысловых универсумов возникает необходимость в институциональной интеграции» (Там же. С. 108–109).

«Легко можно заметить, что конструирование ролевых типологий – необходимый коррелят институционализации поведения. С помощью ролей институты воплощаются в индивидуальном опыте... Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Интернализуя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя... Анализ ролей особенно важен для социологии, так как раскрывает связь между макроскопическими смысловыми универсумами, объективированными в обществе, и способами, посредством которых эти универсумы становятся субъективно реальными для индивидов» (Там же. С. 122–123, 130).

«Реификация означает как то, что человек может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между творцом и его творениями. Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный» (Там же. С. 146).

«Для нас наибольшую важность представляет тот факт, что индивид принимает не только роли и установки других, но в ходе этого процесса он принимает их мир. В самом деле, идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с этим миром. Иначе говоря, любые идентификации возможны в пределах горизонтов, открывающихся особым социальным миром... Иметь данную идентичность – значит занимать особое место в мире, предписываемое определенными правилами... Субъективное присвоение идентичности и субъективное присвоение социального мира – лишь разные аспекты того же самого процесса интернализации, который опосредуется теми же значимыми другими» (Там же. С. 215–216).

«Под “успешной социализацией” нами подразумевается установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностью (а равно и идентичности). И наоборот, “неуспешную социализацию” следует понимать в терминах асимметрии между объективной и субъективной реальностями. Как мы видели, абсолютно успешная социализация

антропологически невозможна... Иначе говоря, неуспешная социализация в одном социальном мире может сопровождаться успешной социализацией в другом» (Там же. С. 264).

«Общество, в котором расходящиеся миры становятся общедоступными как на рынке, содержит в себе особые сочетания субъективной реальности и идентичности. Растет общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как *один* из миров, а не как *Мир*. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как “роль”, от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно разыгрывать под манипулятивным контролем... Подобная ситуация характерна для современного индустриального общества» (Там же. С. 278–279).

«Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности. Подобно всякой субъективной реальности, она находится в диалектической связи с обществом. Идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И, наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя, модифицируя или даже ее переформируя. Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» (Там же. С. 279).

«Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества. Типы идентичности, с другой стороны, суть *tout court* социальные продукты, относительно стабильные элементы объективной реальности. Как таковые, они представляют собой тему некоей формы теоретизирования во всяком обществе, даже там, где они стабильны, а формирование индивидуальной идентичности проходит без особых проблем. Теории идентичности всегда включены в более общую интерпретацию реальности; они “встроены” в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются с характером последних» (Там же. С. 281).

«Сами по себе статистические данные социологии не делают. Они становятся социологией только тогда, когда получают социологическую интерпретацию и соотносятся со специальной системой координат социологической теории. Голые процентки и даже коэффициенты корреляций не составляют социологии. Это не значит, что цифры, полученные в опросах, не истинны или бесполезны для социологического познания. Они могут служить материалом для социологической интерпретации... Цифры для него имеют смысл только в рамках более широких теоретических обобщений и служат пониманию того, какие ценности разделяет общество и каково положение социальных институтов» (*Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива.* – М., 1996. С. 19).

«Мы определили бы социолога как человека, который испытывает постоянный неизбывный, не знающий моральных преград интерес к человеческим поступкам. Его естественный ареал обитания – всевозможные места скопления людей, где бы они ни собирались вместе. Основной интерес его лежит в мире людей, их институтов, истории и страстей. А раз так, то все, что делают люди, должно привлекать его внимание. Его интерес к событиям, в которых задействованы самые глубинные убеждения людей, к моментам трагических переживаний, величия и высшего наслаждения вполне естествен. Но его в равной мере привлекут и обыденность, и повседневность... (Там же. С. 25).

«По своей природе социологическое познание постоянно несет в себе угрозу для полицейских умов, поскольку оно всегда склонно релятивизировать претензии на абсолютную правоту, на которых настаивают подобные умы... социология очень созвучна духу современности именно потому, что она представляет собой такое понимание мира, в котором ценности радикально релятивизированы. Эта релятивизация заняла столь большое место в

нашем образе повседневности, что нам сейчас трудно осознать до конца. Как могли существовать, а кое-где существуют до сих пор, закрытые культуры с абсолютно обязательным для всех людей мировоззрением?» (Там же. С. 50–51).

«Социологическое сознание обладает подвижной системой координат, что позволяет человеку воспринимать собственную биографию как перемещение в многомерном пространстве социальных миров, обладающих особыми системами смыслов. Оно никоим образом не дает окончательного ответа об истине, но чуть-чуть уменьшает вероятность того, что мы угодим в сети, которые расставляют на нашем жизненном пути проходимцы, мнящие себя спасителями человечества» (Там же. С. 65).

«...социолог не сможет давать советы относительно того, следует ли предпочесть протестантский фундаментализм менее консервативной версии этого вероисповедания, но сможет продемонстрировать социальную функцию каждого варианта выбора, то, какие ожидания на этот счет распространены в различных социальных слоях. Социолог не будет гадать, есть ли жизнь в загробном мире, но он сможет указать те реальные поприща, ступая на которые, желательно верить в загробную жизнь» (Там же. С. 109).

«...обман и самообман составляют суть социальной реальности. Это не случайное качество, которое можно искоренить каким-нибудь моральным реформаторством или еще чем-то, а присущий социальным структурам функциональный императив. Общество способно поддерживать себя только в том случае, если его фикциям... хотя бы часть членов придает онтологический статус в течение некоторого промежутка времени...» (Там же. С. 133).

Словарь терминов и выражений, встречающихся в первоисточниках и критической литературе

Автаркия – политика хозяйственного обособления страны, создание замкнутой, самообеспечивающейся экономики.

Амбивалентность – двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства.

Антиномия – 1) сочетание взаимно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование; 2) неустранимое противоречие, мыслимое в идее или законе при попытке их доказательного формулирования.

Антиципация – предвосхищение, интуитивное предвидение будущего.

Апперцепция – воздействие общего содержания психической деятельности, всего предыдущего опыта человека на его восприятие предметов и явлений.

Апология – предвзятая защита, заступничество, восхваление.

Апория – трудноразрешимая проблема, связанная обычно с противоречием между данными наблюдения и опыта и их мысленным анализом.

Архетип – прообраз, изначальная идея.

Атрибутивный – определительный.

Бифуркация – раздвоение, разделение, разветвление на две части, два потока и т.п.

Верификация – понятие, употребляемое в логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки.

Генезис – происхождение, возникновение, зарождение и последующий процесс развития, приведший к определенному состоянию.

Гипостазирование – приписывание отвлеченным понятиям самостоятельного бытия, рассмотрение общих свойств и качеств (например, мышления, воли) как самостоятельных предметов.

Гносеология – учение о познании.

Дедукция – логический переход от общего к частному.

Деструктивный – разрушительный.

Деонтология – раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и должного.

Дескрипция – описательное определение (характеристика).

Дизъюнкция – сложное высказывание, образованное из двух и более предложений с помощью союза «или», выражающего альтернативность или выбор.

Дилемма – форма умозаключения, имеющего дизъюнктивную структуру, которое выражает ситуацию выбора между равными возможностями.

Дискурсивный – рассудочный, понятийный, логический, опосредованный в отличие от чувственного, созерцательного, интуитивного, непосредственного.

Дистрибутивный – распределительный.

Дихотомия, дихотомическое деление – разделение объема понятия на два производных класса: А и не-А.

Доктрина – некоторое систематизированное учение, связанная концепция, совокупность принципов.

Идентификация – процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, образцом, группой.

Имманентный – внутренне присущий какому-либо явлению, проистекающий из его природы.

Имплицитный – подразумеваемый.

Индукция – логический переход от частного к общему.

Интеллигибельный (мир) (*греч.* – умопостигаемый, познаваемый, мыслимый) – философский термин, обозначающий объект, постигаемый только умом и недоступный чувственному познанию.

Интенция – направленность сознания на какой-либо объект.

Интроспекция – самонаблюдение.

Казуистика – рассмотрение отдельных случаев в их связи с общими принципами, иногда: ловкость, изворотливость в доказательствах.

Катарсис – переживание, душевное волнение, очищающее и возвышающее душу, воспитывающее ее.

Катексис – привязанность, зарядка объекта либидозной энергией.

Катехизис – краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

Каузальный – причинный.

Квантификация – измерение качественных признаков.

Когерентность – согласованность, постоянство элементов, которые либо усиливают, либо ослабляют друг друга.

Когнитивный – познаваемый, соответствующий познанию.

Констелляция – стечение обстоятельств, сочетание условий, факторов.

Легитимный – основанный на общем признании.

Мимезис – гармонические отношения с миром, уподобление себя природе.

Модус – свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях в отличие от атрибута – неотъемлемого свойства предмета.

Ноззис – процесс мышления, постижения, разумения.

Нозма – мыслимое содержание.

Онтология – учение о бытии как таковом, фундаментальных принципах бытия.

Парадигма – теория или модель постановки проблем, принятая в качестве образца решения исследовательских задач.

Перцепция – восприятие.

Предикат – логическое сказуемое, указывающее на свойство отдельного предмета (например, «быть человеком»).

Проекция – восприятие собственных психических процессов как свойств внешнего объекта в результате бессознательного перенесения на него своих внутренних импульсов и чувств.

Пролегомены – разъясняющее введение в ту или иную науку, имеющее целью путем связанных рассуждений предварительно ознакомить с ее методами и задачами и т.д.

Редукция – действия или процесс, которые приводят к упрощению структуры какого-либо объекта, методологический прием сведения каких-либо данных к более простым, исходным началам.

Релевантность – смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением.

Релятивизм – методологический принцип, состоящий в абсолютизации относительности.

Рефлексия – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок, критическое рассмотрение самого знания, деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека.

Ригоризм – суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов, правил нравственности, предписаний.

Реификация – овеществление, в частности: форма социальных отношений, при которой отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами, обезличение, деперсонификация человека.

Сакральный – священный.

Секуляризация – процесс лишения религиозных институтов социальных функций, сокращение культовой практики, вытеснение религиозных представлений различными светскими взглядами.

Семантический – связанный со значением и смыслом.

Семиотический – связанный со знаковыми системами, значениями знаков.

Синкретический – нерасчлененный, целостный.

Сублимация – психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной и культурной деятельности.

Субстанция – первооснова, сущность всех вещей или просто: основа, сущность чего-либо.

Субстрат – общая материальная основа явлений.

Суггестия – внушение.

Сциентизм – позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как наивысшей культурной ценности и достаточном условии ориентации человека в мире.

Таксономия – вид классификации и систематизации путем образования взаимоподчиненных и взаимосвязанных групп.

Телеологический – целевой.

Теодицея – оправдание одновременного существования всеблагого Бога и мирового зла.

Трансакция – соглашение, сопровождаемое взаимными уступками, также: взаимодействие, контакт, взаимообмен.

Трансцендентальный – изначально присущий самому рассудку и обуславливающий опыт (а не приобретенный из опыта). Трансцендентальные формы осознания, например – пространство и время (они организуют опыт).

Трансцендентный – «потусторонний», по самому существу своему недоступный познанию, находящийся за пределами всякого возможного опыта. Обычно является предметом веры (Бог, душа, бессмертие).

Универсум – вся объективная реальность во времени и пространстве.

Фальсификация – научная процедура, устанавливающая ложность гипотезы или теории в результате экспериментальной или теоретической проверки.

Фрустрация – психологическое состояние напряжения, тревожности, чувства

безысходности и отчаяния, возникающее в ситуации, которая воспринимается как угроза достижению значимой цели, реализации той или иной потребности.

Харизма – (*греч.* – дар богов) – наделенность какого-либо лица (чаще лидера) сверхъестественными или выдающимися способностями.

Эвристический – содержащий потенциал для дальнейшей разработки.

Эвдемонический – основанный на нравственном принципе стремления человека к счастью.

Экзистенция (*лат.* – существование) – непосредственное переживание человеком своего присутствия в мире, которое складывается из многих компонентов: сознания, чувства свободы, ответственности, заботы, страха, любви, веры и др. Каждый философ-антрополог акцентирует особенно значимые для него чувства и состояния. С. Киркегор, например, говорил о страхе, Л. Фейербах – о любви, Н. Бердяев об одиночестве, тоске и свободе.

Экстраполяция – распространение выводов по одной части какого-либо явления на другую часть, на явление в целом, на будущее и т.п.

Эпигон – поздний последователь какого-либо учения, школы (в науке, искусстве, политике и пр.), применяющий отжившие идеи и методы своих предшественников.

Эпистемология – термин, употребляемый для обозначения теории познания.

Эпифеномен – явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния.

Эпохе – воздержание от суждений.

Латинские выражения

A fortiori – тем более.

A priori – независимо от опыта, до опыта.

A posteriori – из опыта, на основании опыта.

Ab initio – с начала.

Ad hoc – к этому, для данного случая, для этой цели, кстати.

Alter ego (*букв.* «другой Я») – близкий друг или единомышленник, человек, настолько близкий кому-то, что может его заменить.

Argumentum ad hominem – доказательство, не основанное на объективных данных, а рассчитанное на чувства убеждаемого.

Conditio sine qua non – неперемное условие.

Curriculum vitae – жизнеописание, краткие сведения о жизни какого-либо лица.

Differentia specifica – отличительный признак, характерная особенность.

Ex adverso – доказательство от противного.

Ex cathedra (*букв.* «с кафедры») – особенно авторитетно, непререкаемо.

Ex nihilo nihil – из ничего ничего не получается.

Ex professo – по специальности.

Explicandum – объясняемое.

Explicans – объясняющее.

Explicite – развернуто, ясно.

Factotum – 1) доверенное лицо, беспрекословно исполняющее чьи-либо поручения; 2) человек, сующий всюду свой нос.

Hic et nunc – здесь и сейчас.

Homo faber – человек производящий.

Homo ludens – человек играющий.

Homo economicus – человек экономический.

Homo socius – человек социальный.

Ibidem (Ib.; Ibid.) – там же.

Idem – то же самое, так же, равным образом, тот же (например, об авторе книги, напр.).
In abstracto – отвлеченно, вообще, само по себе.
In extenso – полностью, дословно.
In natura – в действительности, в натуре.
In statu nascendi – в состоянии зарождения, в момент образования.
Ipsa facto – в силу самого факта.
Item – так же.
Loco citato (L. C.) – в упомянутом месте (книги, документа).
Modus vivendi – образ жизни, способ существования (иногда: временное перемирие).
Mutatis mutandis – внося необходимые изменения.
Nota bene (NB) – примечание, отметка в тексте книги, документа около места, на которое хотят обратить особое внимание.
Omnium consensus – с общего согласия.
Per se – само по себе.
Petitio principii – аргумент, основанный на выводе из положения, которое само еще требует доказательства.
Post factum – после того, как что-либо уже произошло.
Prima facie – с первого взгляда.
Pro et contra – за и против.
Semper idem – всегда то же самое.
Sic! – Так! (в скобках или на полях указывает на важность или подлинность данного места в тексте).
Status in statu – государство в государстве.
Sui generis – в своем роде, особого рода, своеобразный.
Summa summarum – окончательный итог.
Tabula rasa (*букв.* «чистая доска») – нечто нетронутое, чистое.
Terra incognita – буквально: неизвестная земля; нечто непонятное, незнакомая область познания.
Versus – против, в противоположность.
Vice versa – на другой стороне, наоборот.

Французские выражения

A la lettre – буквально.
A propos – кстати.
Ancien régime – старый порядок.
Carte blanche – карт-бланш, неограниченная инициатива, полномочие.
Comme il faut – (*букв.* «как надо», «как следует») – комильфо; прилично, в соответствии с правилами светского приличия.
Durée – продолжительность, непрерывный поток поведения и познания в социальной жизни.
Esprit de corps – «корпоративный дух», чувство гордости от принадлежности к группе.
Laissez-faire – доктрина невмешательства (в экономическую или другую деятельность).
Noblesse oblige – положение обязывает.
Par excellence – преимущественно, главным образом.
Raison d'être (*букв.* «смысл существования») – разумное основание, смысл.

Формальные и содержательные требования к письменным работам по истории социологии

1. Эссе и реферат должны:

- демонстрировать понимание предмета и объекта социологии;
- показать освоение студентом основных понятий социологической теории, т.е. умение применять их при осмыслении тех или иных феноменов социальной жизни;
- воспроизводить правила и особенности социологического анализа общества;
- учитывать особенности социологических и историко-социологических методов и методик.

2. Тема письменной работы должна быть раскрыта с позиций социологии, независимо от того, какой материал используется (публицистические статьи, жизненный опыт и т.д.).

3. Самостоятельность написания эссе и демонстрация глубокого понимания прочитанной литературы на конкретных примерах будет оцениваться особенно высоко.

4. Некоторые темы могут содержать междисциплинарный потенциал – здесь необходимо размежеваться с близкими областями исследования (например, психологией, политологией и др.), указывая и раскрывая специфику социологии.

5. Не допускается перекачивание материалов из Интернета, а также переписывание учебников и статей из специализированных словарей, возможно грамотное цитирование и пересказ (с оформлением соответствующих ссылок).

6. Поощряется составление плана письменной работы, который наиболее оптимально отражает содержание этой работы.

7. Письменная работа обязательно должна содержать список использованной литературы для каждого использованного источника указываются автор или редактор, место издания и год издания.

8. Список использованной литературы оценивается особо, поскольку является одним из элементов самостоятельной творческой работы студента.

9. Создание письменной работы предполагает опору на разнообразную социологическую и несоциологическую литературу, поэтому оно должно содержать ссылки на эти источники с указанием места издания, года издания, а также страницы или страниц, откуда производится цитирование или пересказ.

Отличия между эссе и рефератом по истории социологии

1. Реферат имеет больший объем.

2. Реферат более жестко привязан к тексту предлагаемого источника, содержит подробный пересказ содержания первоисточника.

3. Эссе имеет ярко выраженный творческий характер: оно может опираться на пример из современной жизни и анализ этой ситуации с помощью рассматриваемых социологических понятий и концепций, стиль же реферата можно назвать «описательным», «обзорным».

4. Эссе должно продемонстрировать определенный уровень овладения, навыки оперирования изученными понятиями, т.е. применения их при рассмотрении некоторых социальных ситуаций. Здесь можно использовать газетные материалы, материалы из Интернета, однако только в качестве объекта и предмета анализа.

5. Другими словами, эссе должно показать уровень развития социологического мышления студента. Одним из мастеров-эссеистов в социологии является Г. Зиммель:

Зиммель Г. Мода // Г. Зиммель Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: «Юристъ», 1996. С. 266–291.

Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии // Там же. С. 486–500.

Зиммель Г. Женская культура // Там же. С. 234–265.

Зиммель Г. Приключение // Там же. С. 212–226.

6. Реферат в отличие от эссе должен показать хорошее знание текста, поскольку

реферирование – это обзор и комментирование строго определенного источника.

7. Если цели эссе и реферата являются сходными (в обоих случаях требуется проанализировать определенный первоисточник), то разница в объеме предполагает, что эссе – скорее аналитическая работа, а не комментирование, описание текста.

Сходства между эссе и рефератом

1. Реферат и эссе должны показать знание студентом основных понятий общей социологической теории, умение оперировать ими, знание крупнейших школ в социологии, соответствующих публикаций.

2. Эссе и реферат должны иметь четкую структуру, желательно составление плана.

3. Эссе и реферат по истории социологии должны опираться прежде всего на первоисточники.

4. При рассмотрении того или иного первоисточника следует избегать прямого конспектирования текста, а также обширного цитирования – следует сосредоточить внимание именно на «комментировании» текста первоисточника, т.е. изложении собственных взглядов по поводу рассматриваемых понятий и концепций.

Как составить план эссе или реферата

1. Текст нужно разбить на разделы и подразделы, снабдив их соответствующими подзаголовками, из которых и должен состоять план.

2. С формальной точки зрения письменная работа открывается введением (постановка задачи, проблемы, ограничение темы и т.д.). Основная часть поэтапно раскрывает тему. В заключении подводятся итоги рассмотрения темы, раскрываются перспективы развития данной темы. Обязательно нужно составить список литературы.

3. Объем письменной работы не всегда требует плана, но если вы все же решили составить план, то он должен быть не предельно формальным, а содержательно насыщенным, фактически отражать результаты вашего анализа темы: как вы структурировали материал, как отметили и удачно ли отразили ключевые моменты анализируемого текста или социальной ситуации. Другими словами, план должен быть таким, чтобы преподаватель смог на основании его вынести первичное суждение о проделанной работе.

Как оформить список литературы и ссылки на источники

1. Список литературы должен содержать не менее трех источников, это обусловлено тем, что при написании эссе или реферата студент использует не только первоисточник, а также справочную и учебную литературу.

2. Список литературы должен содержать только те источники, которые были проработаны в данной письменной работе.

3. Каждый пункт в списке литературы должен быть оформлен по правилам:

- можно разделить список литературы на первоисточники и критическую литературу;
- литература располагается по алфавиту, источники на иностранном языке указываются в конце списка тоже по алфавиту;
- список литературы – это не «библиография»: библиография предполагает определенным образом структурированный обширный список литературы по данной теме;
- в случае использования материалов из Интернета необходимо указать адрес сайта, автора материала, название материала, время его появления в сети.

4. **Ссылки оформляются**, если в тексте произведено цитирование, подробный пересказ, указание на понятие, суждение, трактовку, заимствованные из какого-либо конкретного

источника, если необходимо пояснение, обоснование и т.д.

5. Ссылки бывают следующих видов: постраничные, концевые и содержательные (пояснительные, указывающие на дополнительную литературу и др.):

а) постраничные ссылки указываются на каждой странице, например:

- при прямом цитировании:

1 *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. – М., 2002. С. 88.

- при вторичном цитировании:

2 Цит. по: *Ритцер Дж.* Указ. соч. С. 199.

- при пересказе цитаты, содержания главы, статьи и т.д.:

3 См.: *Ритцер Дж.* Указ. соч. С. 220. или «Ср.: ...», или «См. также: ...», или «См., например: ...», или «См. об этом: ...» и т.п.

Если на данной странице источник был указан полностью, то можно написать «там же» и указать страницу (если она другая), в случае иностранной литературы следует писать «Ibid., P. 16».

Нумерация постраничных ссылок оставляется на усмотрение автора письменной работы: она может быть сквозной (общее число ссылок), а может заново начинаться с каждой страницы;

б) концевые ссылки опираются на список литературы, указанный в конце данной письменной работы: (5. С. 239);

в) содержательные ссылки необходимы, чтобы пояснить, что конкретно имеется в виду, чтобы не возникло разночтений, для аргументации, которая является излишней в основном тексте, для иллюстрации и т.п. и оформляются постранично.

6. Ссылки необходимы в любой научно-теоретической работе (каковыми являются эссе и реферат в рамках курса «История социологии»), они способны служить аргументацией там, где еще не сформировалась ярко выраженная самостоятельная научная позиция, а также для того, чтобы подтвердить собственные соображения по поводу темы работы, для того, чтобы согласиться или не согласиться с мнением того или иного автора, пояснить, расшифровать некоторые понятия, рассмотрение которых не входит в основную задачу работы.